

В. Бахин, М. Когамов, Н. Карпов

ДОПРОС
НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ
СЛЕДСТВИИ



АЛМАТЫ ЖЕТИ ЖАРҒЫ

АКАДЕМИЯ ФИНАНСОВОЙ ПОЛИЦИИ
АГЕНТСТВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН ПО БОРЬБЕ
С ОРГАНИЗОВАННОЙ И КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ
(ФИНАНСОВАЯ ПОЛИЦИЯ)

В. Бахин, М. Когамов, Н. Карпов

ДОПРОС НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ

*Уголовно-процессуальные
и криминалистические вопросы*

Издание второе

АЛМАТЫ
«ЖЕТИ ЖАРҒЫ»
2004

ББК 67.408

Б 30



SPI

ЗАО «Жеті жарғы» в 2002 году награждено
Золотой медалью Ассоциации содействия
промышленности Франции

*Рекомендовано к опубликованию Ученым советом
Академии финансовой полиции*

Рецензенты:

В. Шепитько, доктор юридических наук, профессор;

А. Аубакиров, доктор юридических наук, профессор

Бахин В., Когамов М., Карпов Н.

Б 30 Допрос на предварительном следствии (уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы): Монография. Изд. 2-е. – Алматы: Жеті жарғы, 2004. – 192 с. ISBN 9965-11-168-5

Предлагаемый Вашему вниманию труд – новая версия авторов о допросе – станет настольной книгой не только следователя, прокурора, судьи, но и будущих юристов, а также тех, кого интересуют современные проблемы криминалистики, уголовного процесса, судебной экспертизы и оперативно-розыскной деятельности.

Данное издание, без изменений и дополнений, является вторым, так как продолжает вызывать интерес у научных и практических работников в области права.

Несомненно, монография послужит действенным стимулом к появлению новых научных исследований проблем предварительного расследования уголовных дел и настоятельной необходимости изучения научных, этических и правовых аспектов тактики следственной деятельности.

Б 1203021100-037 / 419(05)-2004 заказн.-2004

ББК 67.408

ISBN 9965-11-168-5

© Бахин В., Когамов М., Карпов Н., 1999

© Издательство «Өркениет», 1999

© Бахин В., Когамов М., Карпов Н., 2004

© ТОО «Жеті жарғы», 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

Часто исход следствия в значительной степени зависит от того, что в качестве свидетелей допрашиваются все, кто может дать какие-нибудь показания.

А. Вайнгарт

Сбор и использование информации в процессе расследования преступлений требуют творческого подхода и особого умения. Так было всегда. В современных условиях борьбы с преступностью от следователя требуется все больше и больше мастерства для решения этой задачи. Обусловлено это, во-первых, ростом профессионализма преступников, усилением организационных основ подготовки, совершения и сокрытия преступлений; во-вторых, нежеланием граждан участвовать в расследовании, отказом в суде от ранее данных показаний; в-третьих, организационно-кадровыми и иными недостатками системы расследования.

В сборе доказательственной информации одно из основных мест принадлежит допросу. Из всего бюджета времени, расходуемого следователем на производство следственных действий, на допросы тратится более 80% [1, 108; 2, 71]. Поэтому повышение уровня и качества расследования преступлений в определяющей мере связано с совершенствованием деятельности следователей при допросе.

Вопросам допроса посвящено большое количество литературы: монографии, отдельные учебные и практические пособия, главы в учебниках по криминалистике и пособиях по тактике и методике расследования отдельных видов преступлений. До 1992 г. на Украине издано около десяти монографий по проблемам допроса, большинство из которых посвящено особенностям допроса отдельных категорий лиц, а в Казахстане — только две — по проблемам психологии допроса. В доступной нам литературе, изданной по допросу в СССР, частным аспектам допроса посвящено примерно 75% источников. С 1992 г. учеными Украины опубликованы две монографические работы по допросу, а в Казахстане за этот же период издана одна монография. Однако необходимость обра-

щения к процессуальным, организационным и тактическим основам допроса определяется не только недостаточным вниманием к проблемам допроса в последние годы, а прежде всего потребностью формирования новых подходов к содержанию и сущности следственной деятельности в условиях развития государственности Украины и Казахстана на современном историческом этапе.

И если Украина стоит на пороге принятия нового уголовно-процессуального законодательства, то в Республике Казахстан уже больше года действует новый Уголовно-процессуальный кодекс, принятый 13 декабря 1997 г., в котором получили законодательное признание отдельные тактические приемы, ранее в законе не упоминавшиеся.

В данной работе на основе изучения следственной практики и литературы, посвященной допросу, рассмотрены актуальные на сегодня процессуальные, организационные и тактические проблемы допроса, высказаны соображения и предложения по их разрешению.

При этом внимательно изучены опыт других стран и общепризнанные мировые стандарты в области уголовного процесса.

ДОПРОС КАК СПОСОБ ПОЛУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ

Допрос — это только информация?

Допрос нередко определяют как «процесс передачи следовательно допрашиваемым информации о расследуемом событии или связанных с ним обстоятельствах и лицах» [3, 97]. Но допрос — как получение показаний лица, обладающего интересующими следствие данными — выглядит лишь в информационном плане. А в практической деятельности допрос является одним из самых сложных следственных действий.

Допрос требует от следователя высокого профессионального мастерства. Сложность допроса определяется не только тем, что следователю часто противостоит лицо, не желающее давать показания, но и тем, что в показаниях добросовестного допрашиваемого могут содержаться ошибки и искажения, заблуждения и вымысел, которые необходимо обнаружить и учесть при оценке и использовании показаний [4, 6].

Ганс Гросс писал: «Свидетель неумелому следователю или ничего не расскажет, либо покажет несущественное или совсем неверное, и тот же свидетель правдиво, точно и подробно покажет тому следователю, который сумеет заглянуть в его душу, понять его и сумеет с ним сойтись» [5, 45–46].

Процесс формирования показаний от момента восприятия до передачи информации носит психологический характер, сопровождаемый влиянием многочисленных объективных и субъективных факторов, действие которых в той или иной форме сказывается на полноте и объективности показаний.

Для правильной оценки и использования показаний допрашиваемых исключительно важное значение имеет учет условий восприятия интересующих следствие событий. В процессе расследования следователь нередко сталкивается с тем, что различные лица, являющиеся участниками либо очевидцами одного и того же со-

бытия, по-разному воспроизводят его обстоятельства. Нередко это может объясняться позицией, занимаемой допрашиваемым, кругом его интересов и намерений. В иных случаях это может быть связано с особенностями восприятия, запечатления и воспроизведения полученной информации различными людьми [6, 102–106; 7, 4–25].

В настоящее время, когда дача ложных показаний и отказ (прямой или завуалированный: «Не знаю», «Не видел») стали достаточно массовым явлением, умение следователя разграничить ложь и неточность восприятия приобретает особое значение. Анализ материалов практики показывает, что очень редко в таких случаях в протоколах допроса появляется уточнение условий восприятия и гораздо чаще — вопросы типа: «Чем объясняется ложность ваших показаний?» или «Почему Вы даете ложные показания?». Это свидетельствует об односторонности подхода следователя к оценке показаний и о его недостаточной подготовленности в области судебной психологии, неумении использовать ее положения при подготовке и проведении допроса. Следовательно, необходимо уделять больше внимания на всех этапах подготовки и переподготовки следователей вопросам судебной психологии, которые служат основой не только для уяснения закономерностей восприятия, запечатления и воспроизведения информации, но и вообще всей следственной тактики, ее конкретных тактических приемов.

Криминалистика, как наука о закономерностях слеодообразования, должна предлагать практике лишь те рекомендации, которые базируются на реально познанных закономерностях. В связи с этим вызывает удивление появление рекомендаций, игнорирующих отдельные закономерности. Например, В.П. Гарбар и его соавторы пишут: «Даже не обращаясь к данным психологии, можно утверждать, что ... чем раньше по отношению к моменту наблюдения будет допрошен очевидец, тем больше вероятность того, что он более полно и точно расскажет об облике данного человека. Поэтому допрос очевидца о признаках внешности интересующего следствие лица необходимо проводить как можно раньше по отношению к событию» [8, 44].

Выборочность памяти и ее «затухание» — это лишь одна из закономерностей восприятия и сохранения в памяти человека воспринятого. Другая проявляется в том, что процесс исчезновения из памяти воспринятого не является прямой нисходящей, а вы-

глядит в графике в виде всплесков и падений (увеличения и уменьшения объема воспринятого, которое человек может воспроизвести). На характер протекания этого процесса оказывают влияние самые различные факторы — уровень памяти, отношение к воспринятому, его востребованность и т.д. Поэтому, например, потерпевший может через несколько дней (чаще всего через 5–7) воспроизвести более полную картину события (обстоятельства, приметы преступника и т.д.), чем сразу же после совершенного в отношении его преступления. В данном случае все объясняется просто. Находясь под воздействием происшедшего (страх, волнение, переживание и т.п.), потерпевший затрудняется вспомнить детали, а успокоившись, может воспроизвести их полнее и точнее. Данный пример свидетельствует о том, что процесс восприятия и сохранения в памяти полученной информации характеризуется одновременным проявлением комплекса различных закономерностей, нередко противодействующих друг другу. Следовательно, только всесторонний и полный их учет позволяет действовать не наугад, а в соответствии с объективным характером любого явления, в частности, процесса получения информации при проведении допроса.

Кто противостоит следователю?

Утаивание и искажение информации допрашиваемыми обуславливают необходимость активности и наступательности следователя при допросе, чтобы он не выступал в роли простого регистратора сообщаемых ему сведений. В связи с этим встает вопрос о мере активности следователя. Она, на наш взгляд, должна заключаться в полноценном использовании всех имеющихся процессуальных и тактических средств для побуждения допрашиваемого к даче объективных показаний, к отказу от позиции противодействия следствию. Именно для побуждения, а не давления.

Необходимость расширения тактического арсенала следствия связана с тем, что, во-первых, значительно увеличилось количество публикаций, содержащих практические советы для преступников (например, в книге «Поваренная книга анархиста» содержатся разъяснения, как изготовить взрывное устройство в домашних условиях) [9], во-вторых, появились специальные пособия, где содержатся рекомендации по противостоянию следователю. И.Е. Быховский, Ф.В. Глазырин и С.К. Питерцев отмечают, что ... перед лицом противодействия следователь не может остаться

ся безоружным, ибо тогда он попросту не решит задач, предписанных законом, его «оружием» как раз и должна являться следственная тактика.

Было бы наивным полагать, что сопротивление следователю оказывают неподготовленные к такой борьбе лица, а характер их сопротивления лишен логики и психологизма, и они не знают важных для них положений уголовного процесса и криминалистики.

Достаточно напомнить о рецидивистах «со стажем» — опытных мастерах тактической контригры. Да и так называемые «начинающие» преступники получают от рецидивистов и используют для своей защиты советы и рекомендации, даваемые не только в устной, но и в письменной форме» [10, 12].

В анонимной работе «Основные приемы и контрприемы следствия» о допросе написано: «Следователь знает, что человек, вызванный им на допрос, внутренне собирается, настораживается, словом, все свои духовные и умственные способности подготавливает к борьбе. Зная это, следователь прибегает к таким основным приемам: он играет роль чуткого, отзывчивого, доброжелательного человека, старается завоевать расположение, доверие у допрашиваемого, тем самым усыпляя его бдительность. Допрос он начинает не с деловых вопросов, а с вопросов на отвлеченные темы, вплоть до интимности, одновременно ведя наблюдение за допрашиваемым. И вот когда следователь видит, что допрашиваемый расслабился и потерял бдительность, он неожиданно меняет тему разговора и задает один из основных деловых вопросов. Допрашиваемый, не успев насторожиться и собраться с мыслями, теряет... Поэтому задача допрашиваемого — ни на минуту не терять бдительности, не поддаваться обаянию и красноречию следователя, помня, что под этой благожелательной маской скрывается злейший враг, который различными путями ищет у тебя слабое место, чтобы вцепиться в него мертвой хваткой ...»

Как же нужно допрашиваемому держать себя на следствии? Он должен держаться спокойно, уверенно, не прибегая сразу к лжи, если следователь спрашивает о событиях, предшествующих совершенному делу. Надо стараться как можно правдивей, подробней построить свой рассказ, но так, чтобы сама сущность дела выпала. Вот те приемы контрследствия, владея которыми всегда одержишь победу».

В другом «руководстве», озаглавленном «Юридическая памятка для тех, кому предстоят допросы», сказано: «Перед допраши-

ваемым возникает много сложных вопросов. Самый главный из них: как держать себя на допросе, чтобы не ухудшить положение. Во время допроса поздно начинать определять свою позицию и выработать линию поведения — тот, кто допрашивает, знает свое дело и может переиграть неподготовленного. Поэтому, если вы опасаетесь допроса, готовьтесь к нему заранее ... Явившись на допрос, не начинайте давать показаний до тех пор, пока следователь не скажет, по какому делу он вас вызвал. Следователю часто некогда, он торопится. Поэтому полезно тянуть допрос как можно дольше, стараясь свести разговор к формально-юридической стороне. Этому будет способствовать хорошее знание Уголовно-процессуального кодекса» [10, 12—13].

В одном перехваченном письме, адресованном обвиняемому, содержались конкретные тактические рекомендации: «Ты по своему опыту не можешь не знать, сколько раз тебя обманывали твои следователи. Наверное, и в твоём деле использовалась начальная артподготовка, при которой тебя старались ошеломить какой-нибудь неожиданностью или поссорить с подельщиком, вызвать озлобление против лица, о котором идет речь, приводя какое-нибудь из его высказываний, явно нелестное для тебя. Не верь им! И обязательно требуй занести это в протокол ... Во время допроса потребуй себе бумагу и ручку и официально записывай все, что будет говориться. Записывая, ты можешь не только проанализировать это впоследствии, но и получишь на текущем допросе добавочное время, чтобы лучше подумать, как вести себя дальше ... Знай, что их кодекс предусматривает право для допрашиваемого делать любые записи. Этим правом нужно всегда пользоваться. В сомнительных случаях отказывайся давать показания ... Для обоснования отказа от дачи показаний можно использовать любую зацепку, например заявить, что следователь тебя обманывает, нарушает нормы Уголовно-процессуального кодекса, испытывает к тебе личную антипатию. Можно подчеркнуть, что ты отказываешься от дачи показаний не вообще, а именно данному следователю. Все это даст тебе возможность избежать ошибок, которые могут осложнить твоё положение и других проходящих по делу лиц» [10, 13—14].

Отмеченное свидетельствует о возможном наличии «теоретической» подготовки у преступников. Кроме того, они нередко обладают опытом практического противодействия расследованию, включающего уничтожение и фальсификацию доказательств, под-

куп, шантаж и даже «устранение» свидетелей. Не следует забывать и о том, что в основном из преступников формируется «подсобный аппарат» правоохранительных органов, который проходит «школу борьбы с преступностью», т.е. получает достаточно четкое представление о средствах и методах, используемых оперативными и следственными подразделениями органов внутренних дел.

Для того, чтобы умело и тактически грамотно противостоять всем средствам и методам противодействия преступников, необходимо в полной мере знать их «арсенал». Поэтому вполне правильно ставится вопрос о настоятельной необходимости изучения преступной деятельности. Именно преступной деятельности, а не отдельных ее элементов, связанных со способом совершения и сокрытия преступления, личностью преступника [11, 19]. Это требуется как в целом для обеспечения борьбы с преступностью, например организованной, где традиционные средства и методы выявления и изобличения недостаточно эффективны и результативны, так и для совершенствования тактики расследования и, в первую очередь, тактики допроса. По данным нашего опроса, 98% следователей считают необходимым изучение тактики поведения и деятельности преступников, их поддерживают 99,4% опрошенных слушателей (студентов) юридических учебных заведений.

В тактическом оформлении допроса (при его подготовке и реализации) надлежит исходить из того, что все его составляющие являются элементами информационного процесса. Например, вопрос, адресованный допрашиваемому, это не просто запрос на интересующие следствие данные, но и одновременно выдача ему определенной информации: следователь спросил о факте, лице, предмете — значит (размышляет допрашиваемый) он об этом уже знает: что конкретно знает, от кого и т.п. Вопрос — это не только информация о том, что интересует следователя, но и об уровне (объеме) знаний, о содержании и направленности интереса, это также информация об уровне профессионализма следователя, его понимании предмета допроса и т.д. Поэтому при постановке вопросов нужно стремиться к такой их формулировке, которая не будет содержать информацию, сообщение которой допрашиваемому является нежелательным или преждевременным [12, 56].

В плане сбора объективной информации особую опасность представляют наводящие вопросы, включающие в свою форму-

лировку возможный ответ. В отдельных странах недопустимость наводящих вопросов прямо зафиксирована в законе — например, в ст. 158 УПК РФ. Поэтому вызывает удивление рекомендация А.П. Рыжакова практическим работникам: «Наводящие вопросы не допускаются. Тем не менее на практике они часто задаются, иногда просто произвольно. Данное правило, закрепленное в законе, как минимум, должно исключить из вашей практики дословное занесение в протокол подобных вопросов» [13, 16]. У него получается, что задавать можно, но вот отражать в протоколе нельзя. Можно было бы подумать, что здесь у автора опечатка, но во втором издании данной работы, выпущенной в серии «Уголовный процесс на практике», отмеченное повторено слово в слово [14, 15].

Все ли возможно на допросе?

Для законодателя в расследовании главное — установление объективной истины. Поэтому им предусмотрены определенные ограничения в отношении характера и способов получения информации, в том числе и при допросе. Их анализ и определение тенденций дальнейшего развития в соответствии с положениями Конституций Украины и Казахстана представляются весьма актуальными, особенно в плане подготовки нового уголовно-процессуального законодательства (Украина) либо дальнейшего совершенствования действующего (Казахстан). На одно из определяющих направлений совершенствования законодательства указывает Конституция Украины: «При принятии новых законов либо внесении изменений в действующие законы не допускается сужение содержания и объема существующих прав и свобод» (ст. 22).

К числу ограничений, призванных обеспечивать защиту прав и свобод граждан, относятся:

I. Установленная свобода дачи показаний, которые могут быть использованы против дающего их лица и его близких родственников — ст. 63 Конституции Украины, ст. 77 Конституции Республики Казахстан. Такое решение вопроса является не только существенной гарантией прав личности, но и устраняет то несоответствие и алогичность, которые существовали ранее, а именно постановку допрашиваемого перед дилеммой: либо ты законопослушен и тогда даешь показания против себя или своих близких, либо для тебя важнее свои интересы и судьба близких и тогда ты вступаешь в противоборство с законом.

В Модельном уголовно-процессуальном кодексе для государств-участников СНГ ст. 25, регламентирующая данное положение, озаглавлена, как нам представляется, удачно: «Свобода от самоизобличения» и гласит:

1. Никто не обязан свидетельствовать против себя самого и своих близких родственников.

2. Лицо, которому орган уголовного преследования предлагает сообщить или предоставить сведения, изобличающие его или его близких родственников в совершении преступления, вправе отказаться от дачи показаний и не может быть подвергнуто за это какому бы то ни было взысканию или наказанию» [15, 19].

II. Рассмотрение дачи показаний для подозреваемого и обвиняемого в качестве их права на защиту, а не обязанности. Из этого вытекает, что следователь имеет право убедить такого допрашиваемого в целесообразности (прежде всего исходя из его интересов) сообщить интересующие следствие данные, но не прибегать к давлению, которое в конкретно указанных формах прямо запрещено законом.

Для следвателя главным должно быть не стремление к получению признания подозреваемого (обвиняемого) «любыми средствами», а получение данных, позволяющих установить его виновность или невиновность, ибо само по себе признание без подтверждающих его доказательств ничего не значит [16, 34]. Без этого для преступника всегда открыт путь к тому, чтобы в последующем (особенно при судебном разбирательстве) отказаться от своих показаний.

Реальный участник события (преступник), как правило, лучше всех осведомлен об обстоятельствах совершения преступления, и нужно именно это использовать, чтобы получить от него данные о таких деталях, которые, во-первых, неучастник не может знать, а во-вторых, можно проверить и подтвердить конкретными доказательствами.

Следователь не должен радоваться и успокаиваться в случае получения признательных показаний, в том числе при явке с повинной, поскольку у такого заявителя могут быть самые разнообразные причины для самоговора, проверка возможного наличия которых обязательна [17, 193–194]. Это можно проиллюстрировать следующим примером. Во время ночной драки шести человек один из них был убит ножом. Когда установили и допросили участников этой «встречи», все заявили, что отношения к убий-

ству не имеют и не видели, кто нанес ножевое ранение. Через некоторое время один из них (несовершеннолетний) сделал следователю заявление о том, что убил он. Однако на вопросы о том, как проходила драка, куда, сколько и каким образом были нанесены ножевые ранения, он четких ответов дать не смог. После этого следователь повторно допросил остальных, сообщая им, кто взял на себя вину за содеянное. Трое снова заявили о своей непричастности и о том, что не видели, кто и как орудовал ножом. Четвертый сразу же подтвердил, что видел, как несовершеннолетний наносил удары, и подробно охарактеризовал их количество и зоны поражения, т.е. продемонстрировал преступную осведомленность. В процессе дальнейшего расследования было установлено, что убийство совершено этим «свидетелем» и что он уговорил несовершеннолетнего взять его вину на себя. Вполне очевидно, какие последствия имело бы расследование, если бы следователь не уделил внимания «мелким деталям» и удовлетворился сделанным признанием.

Применительно к подозреваемому вопрос о защите его прав на сегодня не решен в полном объеме и в законодательстве Украины и Казахстана регламентируется по-разному. Так, согласно ст. 43¹ УПК Украины подозреваемым является:

1) лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления;

2) лицо, в отношении которого применена мера пресечения до вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого.

Однако в практической деятельности встречаются ситуации, когда имеются фактические подозрения в адрес определенного лица, не подпадающего под указанные в ч. 1 ст. 43¹ УПК признаки. В качестве кого допрашивать данное лицо? Свидетеля? Тогда ограничиваются права такого подозреваемого: знать, в чем его подозревают, обязанность вместо права давать показания, иметь защитника и т.д. (ч. II ст. 43¹ УПК). В качестве подозреваемого? Но он еще не является таковым по закону.

М.М. Михеенко пишет: «Во всех иных случаях (кроме предусмотренного ч. 1 ст. 43¹ УПК. — *Авт.*) лицо, подозреваемое в совершении преступления, выступает в уголовном процессе в качестве лица, дающего объяснения, либо допрашивается как свидетель, не имея при этом процессуальных прав для защиты от подозрения ... Такое положение ненормально. Следует раскрыть в законе

понятие подозреваемого, чтобы предоставить процессуальный статус подозреваемого, в частности, лицам, в отношении которых возбуждено уголовное дело ... или вообще исключить из закона понятие подозреваемого, которое дано в ст. 43¹, и в стадии предварительного расследования называть подозреваемым нынешнего обвиняемого» [18, 80–81].

Е. Нашекин предлагает считать подозреваемым лицо, в отношении которого у прокурора, следователя и дознавателя имеются достаточные основания подозревать его в совершении преступления. По его мнению, возражения, что следователь начнет подозревать всех и тем самым ущемлять права граждан, несостоятельны, так как «перевод лица из неопределенного положения в подозреваемые как раз в его интересах: будучи свидетелем (и только в перспективе — обвиняемым), лицо сразу же приобретает массу прав ... и может с первых шагов следствия осуществлять свою защиту» [19, 48].

Об этом пишут и другие ученые, отмечая что «институт подозрения и процессуальное положение подозреваемого должны получить последовательное и полное закрепление» [20, 26]. Например так, как это сделано законодателем Казахстана. В соответствии с УПК Республики Казахстан статус подозреваемого значительно укреплен. Им становится лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело в связи с подозрением в совершении им преступления. До первого допроса подозреваемого обязательно обеспечение его права на свидание наедине и конфиденциально с избранным им или назначенным защитником, а также право немедленно после окончания первого допроса сообщить по телефону или иным образом по месту своего жительства или работы о задержании и месте содержания. В числе других его прав — получение копии постановления о возбуждении против него уголовного дела или копии постановления о применении меры пресечения, либо копии протокола задержания, отказ от дачи объяснений и показаний (ст. 68 УПК РК).

III. Ограничение характера информации о личности, которая может собираться и использоваться. Конституция Украины гласит: «Не допускаются собирание, хранение, использование и распространение конфиденциальной информации о лице без его согласия, кроме случаев, предусмотренных законом» (ст. 32).

Здесь реализованы международные подходы к обеспечению прав личности. Кодекс поведения должностных лиц по поддержа-

нию правопорядка (1979 г.) в ст. 4 устанавливает: «Сведения конфиденциального характера, получаемые должностными лицами по поддержанию правопорядка, сохраняются в тайне, если исполнение обязанностей или требования правосудия не требуют иного» [21, 176].

Модельный уголовно-процессуальный кодекс предлагает следующую формулировку по сохранению конфиденциальности: «При проведении процессуальных действий не должны без необходимости собираться, использоваться и распространяться сведения о частной жизни лиц, а равно другие сведения личного характера, которые лицо считает необходимым сохранять в тайне» [15, 184].

Эти сведения могут быть получены только по возбужденному уголовному делу. В этом случае лица, у которых востребуется данная информация, вправе предварительно получить от прокурора, следователя, дознавателя подлежащее занесению в протокол допроса разъяснение, подтверждающее необходимость получения указанных сведений.

Конкретизация этих положений в новом уголовно-процессуальном законодательстве Украины позволит поставить преграду на пути бесцеремонного вмешательства в личную жизнь граждан.

По этому пути уже последовало уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан, в котором вопросы сохранения конфиденциальности получили обстоятельную регламентацию, а охрана сведений, составляющих государственные секреты (государственная, военная и служебная тайна, тайна дознания и предварительного следствия) и иные секреты (коммерческая тайна, информация для служебного пользования, врачебная, личная тайна и любые другие виды секретов) — стала важной обязанностью органов, ведущих уголовный процесс (ст. 53 УПК).

IV. Новым и важным в подходе к защите прав личности является установление того, что не может использоваться в качестве доказательств, т.е. не может служить информацией для разрешения уголовных дел.

В настоящее время уголовно-процессуальный закон (ст. 65 УПК Украины) дает понятие доказательств и перечень их источников. Однако полнота этого перечня вызывает в настоящее время сомнения [18, 113]. Кроме того, формулировка закона не говорит о качестве информации, а это весьма принципиально для того, чтобы при решении судьбы людей по уголовным делам использо-

вас только информация, не вызывающая сомнений в своей качестве и надежности. Поэтому в законе необходимо указать не только на источники доказательств, но и на то, что в качестве доказательств использоваться не может. В связи с этим предлагается не включать в число доказательств данные, полученные:

- а) с применением насилия, угроз, обмана, с издевательством над личностью, нарушением прав и свобод человека;
- б) с использованием заблуждения лица относительно своих прав и обязанностей как участника уголовного судопроизводства;
- в) с существенным нарушением процедуры процессуальных действий;
- г) из неизвестного источника;
- д) с использованием методов, противоречащих современным научным представлениям и т.п. [15, 138–139].

В «Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания» (1984 г.) провозглашено, что не может использоваться в качестве доказательства любое свидетельство, сделанное под пыткой [21, 123].

Предложенный перечень, разумеется, не является исчерпывающим, и он должен быть развит и конкретизирован в новом уголовно-процессуальном законодательстве Украины. Мы в основном коснулись тех положений, которые имеют отношение к допросу.

В рассматриваемом плане представляет интерес действующее уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан, которое придает серьезное значение процессу доказывания в уголовном судопроизводстве и разрешает суду на любом этапе движения дела в судебных инстанциях исключать из него постановление доказательства, полученные с нарушением требований УПК. Статья 116 УПК Республики Казахстан содержит развернутый перечень оснований для признания фактических данных недопустимыми в качестве доказательств по уголовным делам. Появление ст. 116 в УПК вызвано в определенной мере и тем, что укрепление процессуальной самостоятельности и независимости следователя в уголовном процессе еще далеко от совершенства и нередко отражается на формировании убеждения следователя по основным вопросам расследования уголовного дела. Поэтому, ориентируясь в указанном направлении деятельность судей, за-

кон делает ставку на предотвращение возможных ошибок следствия властью суда и, следовательно, постановление справедливого и объективного судебного решения. Любое послабление судей к качеству доказательств, полученных на предварительном расследовании, чревато нарушениями законности, не свидетельствует о реальной власти суда и не утверждает его авторитета, а также не способствует повышению эффективности деятельности органов уголовного преследования, порождает в сфере расследования беззаконие, что становится опасным и распространенным явлением в сфере современного досудебного производства по уголовным делам [22, 115–118].

Какой же смысл вкладывает законодатель Казахстана в содержание требований УПК к ситуациям, когда фактические данные безусловно не допускаются в качестве доказательств? Указанные основания необходимы и потому, что современный уголовный процесс Казахстана, и на этом мы еще остановимся, сконструирован в плане максимально быстрого движения дела в судебные стадии и даже регламентирует случаи проведения судебного разбирательства в сокращенном порядке.

Более того, собранные на предварительном расследовании доказательства стали оцениваться с точки зрения их достаточности для разрешения уголовного дела, т.е. налицо стремление законодателя ввести пределы доказывания обстоятельств, подлежащих установлению по делу. Поскольку это предмет самостоятельного изучения, заметим, что в данных новеллах законодателя, продиктованных разными соображениями, имеются сильные и слабые стороны.

Возвращаясь к теме, хотелось бы обратить внимание на то, что законодатель Казахстана довольно широко трактует признание доказательств недопустимыми, связывая их получение с такими нарушениями требований УПК, которые путем лишения или стеснения гарантированных законом прав участников процесса или нарушением иных правил уголовного процесса при расследовании дела повлияли или могли повлиять на достоверность полученных доказательств, т.е. их соответствие действительности. Фактические данные, полученные с нарушением этих требований, не имеют юридической силы. Указания на общие основания признания фактических данных недопустимыми в качестве доказательств содержатся в законодательстве, определяющем порядок уголовного

судопроизводства, т.е. в источниках действующего уголовно-процессуального права Казахстана (ст. 1 УПК).

Наряду с ними УПК Республики Казахстан выделяет квалифицированные основания отнесения доказательств к недоброкачественным, ничтожным. Они самостоятельно или в совокупности с другими основаниями приводят к безусловному исключению их из дела, если фактические данные получены из источников, не указанных в УПК, и без соблюдения всех требований уголовно-процессуального закона.

Следует иметь в виду, что в основе процесса доказывания лежат, как правило, следственные действия. Однако законодатель распространяет основания признания фактических данных недопустимыми в качестве доказательств также и на процессуальные действия, и на полномочия расследующего уголовное дело должностного лица.

В их числе случаи (достаточно распространенные), когда фактические данные получены с применением насилия, угроз, обмана, а равно других незаконных действий. К примеру, на незаконные методы следствия, существование признаков применения пыток или иных видов плохого обращения с участниками процесса могут указывать факты несоблюдения определенных процессуальных стандартов со стороны следователя. В их числе неуведомление задержанных об их правах, использование для целей расследования неофициальных мест предварительного заключения и ведения допросов, лишение подследственного любого общения с внешним миром, со своей семьей, адвокатами, переводчиками или независимыми врачами. Высокого внимания со стороны судьи требует выяснение соблюдения следователем процессуальных гарантий для особо уязвимых лиц (женщин, подростков, лиц с психическими расстройствами, престарелых, этнических меньшинств, иностранцев, больных, людей с иной сексуальной ориентацией, а также иных уязвимых групп или лиц). Так, насилие может быть как физическим, так и психическим (избиение, издевательства, проведение следственных действий в ночное время, длительный без оснований невызов на допрос лица, содержащегося под стражей, оказание физического и психологического давления с целью дезориентации и принуждения к уступчивости во время официального допроса в периоды до, во время и после процедуры допроса, различного рода распространение сведений, которые могут причинить вред правам и интересам потерпевшего, свидетеля, подозреваемого или его близких).

К «иным незаконным действиям» относятся любые противоречащие закону и тактическим рекомендациям приемы проведения следственных действий (например, подкуп, шантаж, заманчивые обещания: устроить свидание с близкими, изменить меру пресечения, не сообщать по месту работы или учебы о факте преступления, разжигание и использование низменных чувств, национальной, расовой, религиозной вражды и т.д.).

Рассматриваемое основание является грубым нарушением принципов уголовного процесса, и доказательства, полученные посредством таких приемов, должны быть признаны судом недопустимыми.

В качестве иного основания УПК называет случаи получения доказательств с использованием заблуждения лица, участвующего в уголовном процессе, относительно своих прав и обязанностей, возникшего вследствие неразъяснения, неполного или неправильного ему их разъяснения.

Новый УПК впервые ввел самостоятельную общую норму, которая обязывает органы, ведущие уголовный процесс, во всех стадиях уголовного процесса не только разъяснять права и обязанности, но и обеспечивать возможность их осуществления участниками процесса (ст. 114 УПК). Следовательно, каждому участнику процесса до начала производства процессуального действия с его участием необходимо разъяснять не только общий смысл предоставленных ему прав, но и подробно, в доходчивой форме раскрыть их конкретное содержание, а также технологию реализации.

При этом разъяснение прав и обязанностей участнику процесса согласно УПК должно иметь место всегда, когда меняется его правовой статус в данном деле. В этом вопросе следователи допускают отступления от требований закона, а суды не реализуют своих полномочий в части исключения фактических данных, полученных при таких условиях. Тем самым нарушаются интересы участника процесса и страдает правосудие в целом. Данное основание сужает поле защиты участников процесса и может привести к негативным последствиям.

Признание фактических данных недопустимыми обусловлено проведением процессуального действия лицом, не имеющим права осуществлять производство по данному уголовному делу. Данное основание одинаково применимо к действиям как должностных лиц, ведущих уголовный процесс, так и других лиц. Например, проведение за изъятиями (ст.ст. 150, 197 УПК) следственных

действий по уголовному делу непосредственно прокурором либо дознавателем по уголовному делу, переданному следователю после производства неотложных следственных действий при отсутствии поручений и указаний на этот счет. Фактические данные также недопустимы в качестве доказательств и при производстве следственных действий по уголовным делам, даже по поручениям и указаниям следователя, представителями общественности (помощниками следователя, дознавателя) и т.д. В этих и других случаях налицо искажение роли и назначения того или иного лица в уголовном судопроизводстве и как следствие — высокая степень презумпции недоброкачества полученных ими доказательств.

В рамках указанного основания важным является выяснение судом вопроса о том, подследственно ли расследованное дело данному органу предварительного расследования. Суды, как правило, не вникают в выяснение этого вопроса, хотя по расследуемому делу, особенно объединенному, часты случаи неправильного определения подследственности, и если это не прямое указание прокурора о принятии дела в производство соответствующим органом расследования, которому оно не подследственно, налицо явное нарушение требований ст. 116 УПК РК.

Участие в процессуальном действии лица, подлежащего отводу, как основание недопустимости фактических данных в качестве доказательств, предполагает участие в производстве по уголовному делу должностных лиц, ведущих процесс, понятых, переводчика, специалиста, эксперта и т.д., т.е. участников процесса, которые по тем или иным соображениям, указанным в законе, не должны были принимать участия в деле.

Основания для их отвода подробно регламентированы УПК (ст.ст. 90, 91, 92, 93, 95, 96, 97). И если они обнаруживаются в суде, то доказательства, полученные с участием этих лиц, исключаются из процесса доказывания.

Применительно к следователю имеются в виду основания его отвода, предусмотренные в ст.ст. 90, 92 УПК, которые предельно конкретно перечисляют случаи, запрещающие проведение следователем расследования вообще и процессуальных действий в частности. При этом данное положение закона адресуется и следователям в составе следственных групп (ст. 198 УПК). К примеру, следователь является по данному делу потерпевшим, свидетелем, родственником стороны защиты или обвинения и т.д.

Закон не признает доказательствами и фактические данные, если они получены с существенным нарушением порядка произ-

водства процессуального действия. Общие правила производства следственных действий и конкретно каждого из них (условия, основания и порядок) тщательно регламентированы УПК, и отступление от этих правил — веское основание утраты юридической силы полученных с их помощью доказательств.

Например, существенным нарушением порядка производства процессуального действия может быть признан допрос в качестве свидетеля лица, не подлежащего согласно УПК допросу; вызов лица, не достигшего совершеннолетия, на допрос, минуя его родителей или иных законных представителей; проведение допроса непрерывно более четырех часов или без участия переводчика и (или) специалиста, когда их участие обязательно; осуществление очной ставки без предварительного допроса лиц с целью выявления оснований для производства очной ставки и т.д.

Получение фактических данных от неизвестного источника либо от источника, который не может быть установлен в судебном заседании, выступает самостоятельным основанием их недопустимости в качестве доказательств.

Например, не являются доказательствами показания потерпевшего, свидетеля, если эти лица не могут указать источник своей осведомленности (ст. 119 УПК).

Таким же образом рассматриваются непроверенные следствием анонимные заявления, сообщения, подписанные псевдонимами, имеющиеся в материалах уголовного дела, так как методами судебного следствия проверить приведенные источники не представляется возможным.

Вводится и такое основание, как применение в ходе доказывания методов, противоречащих современным научным знаниям. УПК разрешает использовать в процессе доказывания научно-технические средства и признает их допустимыми, если они прямо предусмотрены законом или не противоречат его нормам и принципам; научно состоятельны; обеспечивают эффективность производства по делу; безопасны (ст. 129 УПК). И наоборот, фактические данные недопустимы в качестве доказательств, если средствами их получения служили приемы и методы неофициальных наук. Например, физиогномики — учения о выражении человека в чертах лица и формах тела; френологии — учения о связи между формой черепа и психическими особенностями человека; хиромантии — гадания по линиям и бугоркам на ладонях рук; оптографии — учения о возможности возникновения отпечатка внешности убийцы в глазу убитого и т.д.

Наконец, в соответствии с УПК противоречит процессу доказывания невключение в опись материалов уголовного дела показаний подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, заключения эксперта, вещественных доказательств, протоколов следственных действий и иных документов. Это обстоятельство исключает их использование в основе обвинения.

Фрагментарный анализ процессуальных оснований признания фактических данных недопустимыми в качестве доказательств свидетельствует о появлении в уголовном процессе Казахстана одного из эффективных механизмов воздействия судебной власти на повышение качества предварительного расследования уголовных дел, которое, к тому же, необязательно возникает только на судебных стадиях. Исправление следственных ошибок, устранение нарушений законности в ходе расследования уголовных дел судебная власть в соответствии с УПК вправе осуществлять в досудебных стадиях, когда в судебном порядке рассматриваются жалобы на решения прокурора, включая судебное обжалование санкции прокурора на арест, продление его сроков либо обжалование санкции прокурора на принудительное помещение подозреваемого, обвиняемого в медицинское учреждение для производства судебно-медицинской экспертизы (ст.ст. 109—111 УПК).

Очевидно, что излагаемая проблема, будучи исключительно актуальной, требует обстоятельного изучения судебной практики с выработкой нормативного постановления Пленарного заседания Верховного Суда республики, которое в настоящее время отсутствует.

Представляется, что данным разъяснением целесообразно охватить ошибки, допускаемые следователями при собирании, исследовании, оценке и использовании доказательств с целью установления обстоятельств, имеющих значение для дела, раскрыть существенные признаки правовых оснований признания фактических данных недопустимыми в качестве доказательств, а также случаи возможного ограниченного их использования при производстве по делу органом, ведущим уголовный процесс, по собственной инициативе или по ходатайству сторон (это разрешается УПК).

Полезным было бы рассмотрение в нем и порядка использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам. Последняя проблема до сих пор не содержит конкретных рекомендаций, что недопустимо. Особенно в настоящее время, когда роль оперативно-розыскной деятельности в борьбе с преступностью значительно возросла, а ее методы

стали одними из важных средств доказывания по уголовным делам.

В связи с отмеченным возрастает ответственность следователя за законное и обоснованное принятие и реализацию процессуальных решений, поскольку иное может повлечь утрату доказательственной информации и другие негативные явления в расследовании уголовного дела.

V. В свете отмеченного особую актуальность приобретает оценка предложений и рекомендаций об использовании в уголовном судопроизводстве так называемых нетрадиционных средств и методов получения информации (детектора лжи, гипноза и т.п.). На этом хотелось бы остановиться подробнее.

Использование достижений науки и техники для сбора и исследования доказательств является магистральным путем совершенствования следственной деятельности. Это одна из основных задач науки криминалистики. Однако для использования в уголовном судопроизводстве могут быть рекомендованы не любые достижения науки, а лишь те из них, которые соответствуют требованиям уголовно-процессуального закона и, прежде всего, в части обеспечения прав, свобод и интересов личности.

Рассмотрим некоторые из методов получения информации, по поводу оценки которых и возможностей их использования в уголовном судопроизводстве разгорелись споры и высказываются диаметрально противоположные точки зрения.

Допрос и биоритмология

Следователь Н.Н. Китаев внедрил в свою практику «метод тактического воздействия» на основе использования биоритмологического «паспорта» обвиняемого, способствующий (по его мнению) получению достоверной информации при допросе обвиняемых, ранее категорически отрицавших свое участие в инкриминируемых им тяжких преступлениях. Суть этого «метода» состоит в том, что рекомендуется использовать для допроса критические дни биоритмического функционирования организма человека. В такие дни человек менее активен, заторможен, склонен к совершению ошибок, не характерных для его обычного поведения, т.е. ослаблены защитные функции организма. Это в науке известно давно и имеются рекомендации учета критических дней в жизнедеятельности человека. В отдельных сферах деятельности этот учет представляется необходимым и правомерным, например, в работе пилотов, операторов сложных энергетических комплексов и т.п.,

так как сокращает возможность ошибок, связанных с тяжелыми последствиями (катастрофами, авариями).

Но в уголовном судопроизводстве, в частности при допросе, целевое использование данного метода представляется недопустимым, потому что для получения информации от допрашиваемого рекомендуется использовать момент (период) снижения активности его организма, а именно: полноты и правильности оценки происходящего, способности к защите своих интересов и т.д.

Тактика следственной деятельности — это умение переиграть оппонента, но за счет тактических ходов, превосходства мысли и логических приемов, а не за счет использования физических компонентов (ослабленности организма, недомогания и т.п.). Можно в определенной мере понять практика, стремящегося к совершенствованию «методов допроса», но удивляет то, что профессор В.А. Образцов с восторгом одобряет использование биоритмологии и характеризует Н.Н. Китаева как «разносторонне одаренного исследователя» [23, 182–183].

Разумеется, можно вести речь об использовании биоритмологии в расследовании, но совсем в другом плане, например в виде рекомендаций самому следователю воздержаться от проведения сложных следственных действий в его критические дни, поскольку снижаются возможности выполнить их полноценно и возрастает вероятность допустить ошибки.

Допрос и гипноз

В прошлом вопрос об использовании гипноза при расследовании преступлений изредка робко «всплывал» на страницах печати [24, 71–72]. Робко потому, что нарушение прав и унижение достоинства личности гипнотизируемого были достаточно очевидны.

В настоящее время у гипноза появились активные пропагандисты и сторонники — профессор Л.П. Гримак, профессор В.А. Образцов и другие [25, 112–113; 26, 197–200]. Необходимость применения гипноза аргументируется ими не только тем, что «использование метода гипнорепродукции позволяет значительно увеличить объем информации при проведении допроса» [25, 121], но и тем, что в борьбе за информацию «... замордованный, укомплектованный лишь отчасти (в основном новобранцами, даже не прошедшими «курс молодого бойца») оперативно-следственный корпус все реже выигрывает у обвальности преступности, разжиревшей на сверхдоходах и обнаглевшей от безнаказанности. В условиях общегосударственного погружения во тьму безверия, неуве-

ренности, правовой незащищенности, неприкрытой всеобъемлющей лжи на всех уровнях отчаявшиеся, запуганные люди все менее охотно идут на контакт со следствием, органами дознания, судом, все реже говорят правду. Традиционный тактический арсенал, используемый для того, чтобы побудить носителей информации к откровенности, все чаще дает сбои, не срабатывает. Поэтому все очевидней, со всей остротой встает актуальная проблема оснащения следственной практики новейшими, адекватными сложившейся ситуации и потребностям практического проведения методами преодоления лжи и заблуждений» [26, 107–108]. И заканчивает свою эмоциональную тираду В.А. Образцов так: «Заметим, что и на этот раз мы, как часто бывает, опаздываем. Если и не навсегда, то, видимо, надолго. Справедливости ради следует сказать, что и зарубежные криминалисты «прошляпили». Как и нас, их опередил криминальный гипноз» [26, 109]. Последние слова — «криминальный гипноз» — здесь весьма кстати, ибо, очевидно, выражают позицию автора: в борьбе с преступностью допустимы средства и методы, взятые на вооружение самой преступностью. Но такой подход явно противоречит принципам правового государства, законности.

По мнению специалистов — психиатров, психофизиологов, психологов, гипноз — это временное состояние психики человека, сопровождающееся сверхвнушаемостью, сужением объема сознания, снижением самоконтроля и способности отдавать отчет в своих действиях. В медицине состояние гипноза трактуется как аналог психической болезни — «искусственное слабоумие» [27, 67].

Поэтому совершенно правильно А.М. Ларин отмечает, что «нет никакой логики в том, чтобы, подчиняясь закону, признавать недопустимым допрос человека, который в силу ненормального болезненного состояния психики не может участвовать в следственных действиях, и в то же время искусственно приводить в подобное состояние другого человека для получения от него сведений, которые он не дал бы в обычных условиях» [28, 133].

Поскольку в гипнотическом состоянии человек беспомощен, не может контролировать ситуацию и защищать себя, гипноз не может использоваться в уголовном судопроизводстве. «Подобная форма влияния на людей, — указывает А.Р. Ратинов, — неприемлема. Снижая или выключая волевой контроль со стороны участвующих лиц, следователь всегда рискует толкнуть их на объективно неправильный образ действий, который в силу увлеченности или предубеждения может представляться ему соответствующим»

щим истине, не являясь в действительности таковым. Именно поэтому должна быть решительно отвергнута идея о возможности применения гипноза в процессе расследования» [29, 164].

Г. Шнейкерт писал: «Я позволяю сравнить тайну с запертой на замок дверью. Воля и сила к сохранению тайны соответствуют «закрепам» замка ...

При хороших безопасных замках оказывается безрезультатным любое искусство. Здесь можно достигнуть чего-либо лишь путем грубой силы, которая, быть может, допустима для взломщика, но, конечно, не позволительна для лица, ведущего расследование дела» [30, 22–23].

Приглашение к полиграфу

Наличие внешних проявлений психофизиологического состояния человека не только известно с древнейших времен, но и использовалось для различных проверок подозреваемого с целью установления его виновности или лжесвидетельства. В конце XIX в. родилась идея использовать медицинские приборы регистрации сердечной деятельности в целях сопоставления с ними показаний испытуемого. В начале 20-х гг. появились прообразы современных полиграфов [31, 32–44; 32, 23]. «В качестве индикатора внутренней напряженности испытуемого, — отмечают Г.А. Злобин и С.А. Яни, — полиграф имеет бесспорные преимущества перед самым тонким и опытным наблюдателем» [33, 127–128]. А что же может быть по существу решено с использованием полиграфа? Полиграф (многопишущий) или лай-детектор (lie-detector — разоблачитель лжи) — многоцелевой прибор, предназначенный для одновременной регистрации дыхания, кровяного давления, биотоков и других физиологических процессов. В сфере правоохранительной деятельности его используют для обнаружения неискренности испытуемого на основе фиксации и оценки реакции организма на задаваемые вопросы.

В настоящее время полиграф применяется более чем в 50 странах мира. Наиболее активно это проводится в США, Канаде, Японии, Израиле, Южной Корее. В этих странах полиграф используется для получения данных, позволяющих сузить круг подозреваемых лиц, выявить факт совершенного преступления, создания предпосылок для дачи правдивых показаний, выявления неточностей, пробелов и т.п. Однако есть и страны, где применение полиграфа запрещено (ФРГ, Австрия).

В отечественной литературе отношение к применению полиграфа диаметрально противоположное. Одни ученые — М. С. Строгович, И. Ф. Пантелеев, А. М. Ларин, П. С. Элькинд — категорически против, поскольку «такие приемы в судопроизводстве решительно противоречат элементарным нравственным нормам и унижают человеческое достоинство тех, кто подвергается подобным испытаниям» [34, 146—147; 35, 227; 36, 3; 28, 135—148]. Другие — И. Е. Быховский, В. И. Комиссаров, В. А. Образцов — считают использование полиграфа необходимым и целесообразным [37, 103—109; 38, 43—47; 26, 121—129].

В этом противостоянии, как правильно, на наш взгляд, отмечает П. Прукс: «Научная дискуссия вокруг полиграфа заменялась политической. Вместо того, чтобы научной аргументацией опровергнуть использование приборных методик в расследовании преступлений, акцент ставился на доказывании реакционной сущности полиграфа» [39, 63].

В полемическом запале отдельные авторы доходили до того, что объявляли полиграф орудием пыток, причиняющих испытуемым «неимоверные физические страдания» [40, 89].

Настала пора, когда от споров необходимо переходить к практическому решению вопроса — возможно или невозможно применение полиграфа в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений и если да, то для решения каких конкретных задач и вопросов. Поэтому вместо рассуждений «на тему полиграфа» следует дать четкие предметные ответы по основным аспектам проблемы полиграфа — *научному, этическому и процессуальному*.

Научный (технический) аспект. Ответ должен быть дан положительный, потому что установлена, во-первых, закономерная связь реакции организма человека на ситуации, которые выступают для него проблемными; во-вторых, возможность и достоверность фиксации этих реакций прибором. Вопрос о том, что именно стоит за этими реакциями, как их трактовать, выходит за рамки технической функции полиграфа.

Этический аспект связан прежде всего с ответом на вопрос: нравственно ли применение полиграфа? Никакого обмана при прохождении испытания на полиграфе нет, поскольку, во-первых, научные основы регистрации реакции организма достоверны, во-вторых, суть и процедура испытания обязательно должны быть доведены до сведения проверяемого. Возможность неправильной интерпретации результатов показаний полиграфа не является специфической для данного прибора — ошибки и злоупотребления (при желании) могут иметь место при использовании любого сред-

ства или метода следственной деятельности. Гарантией от влияния подобного на итоговое решение по делу в уголовном судопроизводстве является то, что ни одно доказательство не может быть положено в основу такого решения без подтверждения другими фактическими данными. А испытание на полиграфе пока предлагается в целях получения и проверки розыскной информации.

Одно из возражений против использования полиграфа связано с тем, что человек выступает в качестве объекта исследования. Но и здесь с полиграфом не связано никаких новелл. Объектом исследования человек выступает при проведении ряда экспертиз (судебно-медицинской, судебно-психиатрической), освидетельствовании, получении образцов для сравнительного исследования, что в отдельных случаях может сопровождаться принудительностью действий по обследованию. Этого не может быть при тестировании, на которое лицо идет добровольно и осознанно.

Особенно возмущает отдельных противников полиграфа то, что при тестировании «испытуемого опутывают системой датчиков». Технически эта «проблема» снимается использованием бесконтактных датчиков и возможностью получения необходимой информации на основе инструментального исследования записей устной речи человека. Форма получения данных — контактная или бесконтактная — в практическом плане важна, в первую очередь, возможностями открытого и негласного «съема информации». Но это опять-таки относится к пользователям и их намерениям, а не к самому средству [41].

При исследовании на полиграфе отсутствует и подавление воли субъекта (как, например, при гипнозе), поскольку лицо остается абсолютно свободным в своем волеизъявлении и ничем не принуждается к изменению линии своего поведения. А «дискомфорт», связанный с намерением скрыть или изменить известное, присутствует и при обычном допросе, когда выбирается подобная линия противодействия.

«Полиграф, — отмечает Р.С. Белкин, — не является средством проникновения в мысли и чувства испытуемого, он лишь регистрирует возникновение и наличие тех или иных эмоций и, с этой точки зрения, принципиально ничем не отличается от визуального их наблюдения и констатации следователем, что никем не признается безнравственным» [31, 52].

Уголовно-процессуальный аспект. Во-первых, испытание на полиграфе представляет собой тестирование, а не допрос и, следовательно, должно рассматриваться лишь в качестве технического средства, об использовании которого в процессуальной деятель-

ности говорить рано [42, 45]. Во-вторых, проверка на полиграфе должна быть только добровольной и, что особенно важно, отказ от испытания не может рассматриваться в качестве свидетельства виновности или иной причастности лица к событию преступления. В-третьих, когда накопленный эмпирический материал применения полиграфа в оперативно-розыскной деятельности и оценка полученных результатов позволят поставить вопрос о возможности его использования в расследовании, тогда должна быть предложена четкая регламентация проведения тестирования на полиграфе, включающая:

- а) добровольность участия в испытании;
- б) полную осведомленность лица о целях, приемах и результатах испытания;
- в) конкретизацию целей применения полиграфа как средства установления информационной осведомленности, а не виновности лица;
- г) конкретность процедуры проведения испытания и оценки полученных данных.

В.И. Комиссаров приводит данные опроса следователей, потерпевших, свидетелей и обвиняемых об их отношении к полиграфу (правда, репрезентативность исследования вызывает сомнение, ибо опрошено всего 50 человек). Никто из опрошенных, включая следователей, не видел этого прибора, большинство имеет о нем самое смутное представление. Интересно, что многие обвиняемые заявили, что «не боятся никаких приборов, с помощью которых в ходе допроса, якобы, могут установить их причастность к совершенному преступлению» и высказали желание пройти тестирование на полиграфе [38, 46–47].

В.Г. Лукашевич правомерно, на наш взгляд, отмечает, что превратное представление о полиграфе и скептическое отношение к нему следователей «автоматически» переносится на другие технические средства диагностики психофизиологических реакций человека, имеющие перспективу практического использования [43, 170].

Об определенной подготовке общественного мнения, в частности Украины, к восприятию полиграфа можно рассматривать появление статьи «Детектор лжи» как средство объективного контроля и высшее проявление демократии» [44].

В России уже осуществлены первые шаги по использованию полиграфа. Принята инструкция «О порядке применения поли-

графа при опросе граждан», утвержденная Генеральной прокуратурой, ФСБ и МВД и зарегистрированная в Министерстве юстиции 28 декабря 1994 г., а Министерством внутренних дел издан приказ № 353 от 12 сентября 1995 г. «Об обеспечении внедрения полиграфа в деятельность органов внутренних дел».

Достаточно широкие возможности применения научно-технических средств в процессе доказывания предусмотрены целым рядом статей УПК Республики Казахстан (п. 40 ст. 7; п. 2 ст. 84; п. 11 ст. 126; ст. 129; пп. 2, 4, 7 ст. 203; ст. 219; п. 11 ст. 222; п. 3 ст. 223; п. 2 ст. 224; п. 3 ст. 227; пп. 5, 9, 15 ст. 222; ст.ст. 236, 237; п. 7 ст. 238; п. 5 ст. 239; п. 2 ст. 251).

Наряду с этим очевидно, что в УПК не приводится исчерпывающий перечень тех научно-технических средств, которые используются в уголовном процессе. Так, п. 40 ст. 7 УПК разъясняет «научно-технические средства» как приборы, специальные приспособления, материалы, правомерно применяемые для обнаружения, фиксации, изъятия и исследования доказательств.

При этом их применение подчинено определенным условиям, если они:

- прямо предусмотрены законом или не противоречат его нормам и принципам;
- научно состоятельны;
- обеспечивают эффективность производства по уголовному делу;
- безопасны (ст. 129 УПК).

Словом, настала пора, на наш взгляд, ученым Украины и Казахстана включиться в практическое решение этой проблемы, тем более, что ее технические аспекты уже были предметом исследования таких ученых, как Ю.Ф. Жариков, М.В. Салтевский, П.Ю. Тимошенко, И.Б. Зинкевич и других.

Закончить вопрос о полиграфе хотелось бы упоминанием о том, что решение Федерального конституционного суда ФРГ о запрете применения полиграфа от 18 августа 1981 г. оспаривается учеными этой страны на той основе, что этот запрет ограничивает права обвиняемых на защиту [31, 38].

Таким образом, удовлетворение потребностей следственной практики в целях ее развития и совершенствования является настоятельной необходимостью, без чего невозможно качественное решение задач борьбы с изменяющейся преступностью. Но оно может осуществляться не с помощью любых предлагаемых средств и методов, а только за счет тех, научная достоверность которых

установлена и их применение в полной мере обеспечивает защиту прав, свобод и интересов участников уголовного судопроизводства.

На примере рассмотренных нами биоритмологии, гипноза и полиграфа, непосредственно связанных с допросом, наглядно видно, что «зеленый свет» для использования в сфере борьбы с преступностью должны получать лишь те средства, в отношении которых нет ни малейших сомнений в научном, этическом и правовом аспектах применения. С учетом этого гипноз и биоритмология не могут быть рекомендованы в силу того, что являются средством воздействия на волю допрашиваемого, ограничивающим либо исключающим его возможности и способности на свою защиту. Полиграф свободен от этих недостатков и при уточнении целей использования, определении четкой процедуры применения может быть отнесен к допустимым средствам [41, 32].

При оценке же высказываемых в настоящее время предложений об использовании ряда других нетрадиционных средств и методов: ясновидения, телепатии, лозоходства, астрологии и т.п. [25], не следует исходить из принципа «недопустимо, потому что нельзя» — это ненаучный подход. Требуется в каждом отдельном случае дать аргументированный ответ с позиций научной достоверности и объективности, этической защищенности личности и соответствия правовым основам и правилам уголовного судопроизводства. Только при положительном ответе на все эти группы вопросов можно переходить к постановке и решению проблем практического внедрения конкретного средства или метода.

ДОПРОС КАК ФОРМА ОБЩЕНИЯ

Работает ли следователь в белых перчатках?

Одной из сущностных сторон следственной деятельности является коммуникативная, заключающаяся в общении следователя с участниками процесса. От того, насколько следователь знаком с закономерностями и приемами осуществления рационального общения, зависят складывающийся климат общения, ответственность и результативность решения стоящих перед ним задач (в целом в процессе расследования и при производстве отдельных следственных действий), уровень обеспечения и защита прав и интересов участников расследования и т.д.

Как противодействуют расследованию?

В настоящее время противодействие расследованию возросло количественно и приобрело самые разнообразные (ранее нередко встречавшиеся) формы проявления.

В.И. Гончаренко и Ф.М. Сокиран комментируют результаты своего исследования по данному вопросу следующим образом: «Из 200 уголовных дел, которые мы изучили, лишь в 69% оказывалось противодействие расследованию в разных формах и разными категориями лиц» [54, 35].

В связи с этим хотелось бы сделать два замечания. Во-первых, наверное, следует сказать не «лишь 69%», а 69%! Во-вторых, авторы не указали, каким образом из уголовных дел извлекалась информация о наличии или отсутствии противодействия. А здесь есть существенный момент. Практика показывает, что нередко следователь проводит большую работу по преодолению позиции отказа от дачи показаний или разоблачению ложных и, когда ему это удастся, в протоколе допроса появляется запись: «По существу заданных мне вопросов могу пояснить следующее...», т.е. заключается своего рода сделка: ты согласился дать показания, я не опишу, каким образом мы к этому пришли [55, 75]. Иными словами, можно говорить об определенной латентности противодействия, когда отдельные ее проявления не находят отражения в материалах уголовных дел и иных документах.

Противодействие расследованию понимают как воспрепятствование достижению целей, которые стоят перед следователем [54, 34], и как систему действий или бездействия, преследующих цель воспрепятствовать вовлечению следов преступления в сферу уголовного судопроизводства и последующему их использованию в качестве судебных доказательств [56, 345]. Нам представляется, что более точным является первое определение, которое отражает общую направленность противодействия, а не сам характер действий.

Предпринимаются попытки классификации форм и методов противодействия по самым различным основаниям:

- а) открытые и замаскированные;
- б) воздействующие на следы преступления и людей;
- в) препятствующие использованию доказательств;
- г) типичные и специфичные;
- д) активные и пассивные [47, 231].

В.И. Гончаренко и Ф.М. Сокиран предлагают выделить четыре группы видов противодействия:

а) ложное свидетельствование, в том числе оговор и самооговор;

б) умолчание;

в) воспрепятствование выполнению следственных действий;

г) фальсификация и уничтожение доказательств [54, 36].

Применительно к допросу эти группы в целом характеризуют роль противодействия, но, на наш взгляд, не отражают, во-первых, все конкретные проявления противодействия (например, маскировку преступного поведения [57]); во-вторых, «скрывают» побудительные мотивы противодействия в конкретном его виде (так, за отказом от дачи показаний и сообщением ложных сведений могут стоять намерение «не связываться со следствием и судом», прозвучавшая в адрес допрашиваемого угроза).

Классификация противодействия по видам, формам, способам и средствам необходима для полноты изучения данного явления и разработки мер преодоления противодействия. Последние охватывают самые различные направления — правовое, организационное, социально-экономическое, тактическое и т.д.

Для выработки мер тактического преодоления противодействия наиболее важной является максимальная конкретизация способов осуществления противодействия, позволяющая разрабатывать и рекомендовать следователю соответствующие приемы действий. В этом плане исключительно значимо разделение способов противодействия на непосредственные и опосредованные. В. Е. Коновалова и В. Ю. Шепитько к сокрытию доказательств относят непосредственные действия (поступки) обыскиваемых, направленные на воспрепятствование их обнаружению в процессе поиска (отвлечение, перемещение и т.п.), а к опосредованным — рефлексивное управление в форме решения задачи по сокрытию за счет того, что введет следователя в заблуждение, не позволит ему догадаться об избранном варианте мер сокрытия [45, 38–39].

С. Ю. Журавлев и А. Ф. Лубин различают непосредственность и опосредованность противодействия по тому, кто противодействует — непосредственно субъект преступной деятельности или лицо, действующее в его интересах, но не принимавшее участия в совершении преступления, а также по характеру воздействия на следы преступной деятельности: а) непосредственно — воспре-

пятствовать обнаружению следов и вовлечению их в сферу расследования; б) опосредованно — воспрепятствовать должному их использованию в качестве доказательств за счет подкупа, угроз, шантажа и т.п. [56, 349–350].

В практическом аспекте наиболее значимым представляется подход В.Е. Коноваловой и В.Ю. Шепитько, поскольку он выводит на уровень познания и учета природы противодействия, а другие основания деления связаны прежде всего с организационными сторонами преодоления противодействия.

Поскольку допрос — это общение, которое немислимо без взаимного воздействия его участников друг на друга [54, 3], необходимо споры о допустимости воздействия заменить конкретным изучением и разработкой научных рекомендаций о законных и тактически грамотных приемах и средствах воздействия следователя в целях объективного и успешного решения задачи уголовного судопроизводства, прежде всего, на лиц, оказывающих противодействие расследованию [58, 3–4].

«Применение правомерного психологического воздействия, — пишет психолог Ю.В. Чуфаровский, — не только допустимо, но и необходимо. В противном случае работник правоохранительных органов окажется «безоружным» перед правонарушителями или недобросовестными свидетелями, а процесс раскрытия правонарушения — выхолощенным; работник юридического труда превратится в стенографиста, просто фиксирующего то, что ему сообщат или что он увидит сам, а противная сторона заранее получит возможность для противодействия, фальсификации, маскировки и т.д.» [59, 141–142].

Возможен ли допрос без воздействия?

Допустимое и правомерное воздействие состоит в побуждении человека к самостоятельному пересмотру линии своего поведения, которое противоречит целям правосудия. Сторонники допустимости психологического воздействия всегда подчеркивали, что оно может быть признано правомерным только в тех случаях, когда не сковывает волю индивида, оставляет для него возможность выбора линии поведения, не нарушает его законных интересов и потребностей [29, 166; 60, 112–137; 61, 26].

Противники психологического воздействия сводили его к насилию и на этом основании делали вывод о недопустимости [62, 420; 63, 56; 35, 221].

Суть психологического воздействия заключается в передаче информации (фактической либо демонстрации ее отсутствия) для установления характера реагирования на это воспринимающего, в связи с чем предлагается его обозначение в виде «информационного воздействия» [43, 126]. Тактические приемы, с помощью которых реализуется воздействие, выступают его формой, т.е. приемами и способами общения. «Воздействие, — пишет А.В. Дулов, — может оказываться всеми средствами, при помощи которых передается информация от одного человека к другому: жестами, поведением, мимикой, предъявлением объектов (их моделей), действиями объектов, устной или письменной речью» [64, 165]. В.Е. Коновалова отмечает, что психологическое воздействие, трансформированное в тактический прием, является средством для получения доказательственной информации» [60, 113].

Следовательно, суть проблемы психологического воздействия при производстве следственных действий состоит в том, чтобы используемая в рамках осуществляемого тактического приема информация не содержала обмана, а результатом не было лишение лица свободы выбора им своих решений и поведения.

Чаще всего о психологическом воздействии говорят применительно к конфликтным ситуациям [53; 65]. Но о психологическом воздействии нужно вести речь как об обязательном элементе общения, который присутствует всегда при производстве следственных действий, а не только при наличии противодействия (например, приемы воздействия с целью оказания помощи в восстановлении забытого).

В тактическом аспекте психологического воздействия следователя на участников уголовного судопроизводства определяющим является рефлексия, т.е. умение предугадать возможные ходы оппонента и заблаговременно подготовиться к «их отражению», а также способность передать ему информацию «для принятия им решения», ожидаемого следователем [65, 5–6].

Как при рефлексивном управлении, например при проведении допроса, так и при любом ином использовании приемов психологического воздействия, следователю необходимо помнить, что его оппонент может быть осведомлен «о тактическом арсенале следствия». Если это не будет учтено, то достижение намеченных целей следственного действия может оказаться невозможным либо потребует гораздо больших усилий, чем это потребовалось бы при

тактически грамотном построении процедуры следственного действия.

Информация об этом, по данным В.И. Гончаренко и Ф.М. Сокирана, была получена осужденными: 29% — от знакомых, друзей, судимых, 25% — из прочитанной художественной, документальной и юридической литературы; 27% — из кинофильмов, 19% — в процессе предыдущего общения со следователями и оперативными работниками [54, 42].

Для того, чтобы облегчить выбор следователем для каждой конкретной ситуации соответствующих правомерных приемов психологического воздействия, предлагается издание сборников таких приемов [66, 43—46]. Это избавит следователей от «открытия» уже известных приемов. Опрошенные следователи подчеркнули, что требуется специально учить их приемам психологического воздействия, поскольку отсутствие рекомендаций по применению таких приемов является одной из причин их недостаточного использования [54, 20].

«В психологическом воздействии, — отмечает В.Е. Коновалова, — неразрывно связаны эмоциональная и логическая стороны. Сущность эмоциональной стороны воздействия заключается в выборе такого комплекса раздражителей, которые воздействуют преимущественно на эмоциональную сферу (вызывают удивление, страх разоблачения, жалость, гнев, злобу и т.п). Логическую сторону воздействия составляют психологические приемы, содержащие комплекс доводов, основанных на доказательствах, имеющихся по делу, их взаимосвязи и необходимой в определенной ситуации последовательности» [60, 104].

Нам нужна ваша помощь

Эмоциональный фон воздействия формируется с первых минут общения следователя с участником расследования. Поэтому успешность этого общения, а следовательно, решения стоящих перед ним задач, в значительной мере зависит от уровня достигнутого психологического контакта с лицом, с которым следователю предстоит работать.

Психологический контакт рассматривают как установление, создание «рабочей атмосферы» для общения, причем уровень общения характеризуют от «желания общаться друг с другом» до «взаимопонимания, основанного на взаимном доверии» [67, 20];

12, 40; 7, 22; 68, 117]. Последнее представляется спорным, ибо, обмениваясь информацией со следователем, допрашиваемый исходит из своих интересов (нередко не совпадающих с интересами следователя и следствия), а иногда вынужденно, например, под «давлением» доказательств. Поэтому не взаимопонимание и доверие (они желательны, но не всегда достижимы) составляют основу психологического контакта, а «настрой» на общение ради или для обмена информацией. Контакт при общении — это взаимное двустороннее влияние, поэтому многое зависит от того, кто захватит лидерство при этом. У следователя для этого больше оснований: официальность положения, статус, предоставленные ему права, повод для общения и т.д. Но одного этого недостаточно. Нужны способности для предметного и грамотного построения беседы при общении, умение преодолевать либо нейтрализовать попытки негативного воздействия оппонента.

Основным в установлении психологического контакта является проявление человеческого отношения к собеседнику (независимо от того, симпатична или неприятна следователю его личность), демонстрация доброжелательности и непредвзятости, понимание проблем, волнующих данное лицо. Это должно базироваться на знании следователем особенностей и судьбы собеседника, его отношения к предмету допроса, к судьбе тех, кого могут коснуться его показания, и т.п. Демонстрация такого отношения следователя должна строиться с первой минуты общения. Поэтому представляется совершенно неправильным, когда следователь не только думает, но и говорит допрашиваемому: «Давайте выполним формальность, заполним вводную часть протокола допроса». Эта «формальность» предоставляет следователю возможность создать благоприятную основу для общения. Вместо простой фиксации ответов на вопросы о месте рождения, образовании, профессии, работе и т.д. можно продемонстрировать заинтересованность. Например, если следователь знает город, который назвал допрашиваемый, можно сказать, что бывал там, и спросить о какой-нибудь достопримечательности, стройке и т.п. Если он не знает этот город, сказать, что много слышал о его особенностях, но пока не смог там побывать. Это — и в целом установление психологического контакта — требует от следователя определенного артистизма. В одной из американских инструкций по допросу прямо указывается, что офицер должен быть настоящим артистом, уметь «вести свою игру» [69, 12—13]. Следователь должен играть не толь-

ко тогда, когда сообщает какую-либо информацию в рамках проводимого тактического приема, но и тогда, когда он должен скрыть радость от полученного результата либо скрыть огорчение от неудачи. Но при этом он должен помнить, что если прием будет осуществлен неумело, если допрашиваемый почувствует неискренность «игры» следователя, то все это навредит установлению контакта [70, 49].

На формирование психологического контакта оказывает влияние не только профессионализм следователя и его умение общаться, но и множество других факторов: способ вызова на допрос, внешность следователя, характер обстановки допроса и т.д. Например, вызов на допрос по телефону позволяет, во-первых, снять напряженность неопределенности при вызове повесткой, во-вторых, скрыть факт вызова от родственников, соседей, посторонних лиц, в-третьих, является своеобразным элементом доверия следователя к допрашиваемому и его проблемам [71, 51].

В литературе приводятся данные ряда исследований, отражающие реакцию подозреваемых (обвиняемых) на личность следователя, его поведение [72, 97; 73, 59]. Так, при опросе осужденных, отбывающих наказание, из числа тех, кто признал себя виновным, 92% отметили, что следователь сумел установить с ним взаимопонимание. А 54% из числа не признавших себя виновными отрицательно отзывались о следователе, отметили неумение строить отношения с обвиняемым, неправильность поведения и даже неряшливость в одежде и внешности [65, 28–29].

Одним из путей установления психологического контакта с допрашиваемым рекомендуется проведение допроса двумя лицами (как одновременно, так и последовательно на разных допросах), при котором один играет роль злого (жестокоего), а другой — доброго, чтобы допрашиваемый потянулся, открылся «доброму» [72, 229; 17, 160–161].

Такая «игра» нам представляется не совсем честной, ибо заключается в откровенной дезинформации, полной наигранности. Но допрос вдвоем может быть правомерным и целесообразным, если ставится цель иного плана — контроля вторым следователем хода допроса и поведения не только допрашиваемого, но и своего коллеги, потому что со стороны виднее ошибки, реакции и т.п., которые второй следователь при подключении к допросу может использовать и при необходимости устранить.

В США допрос двумя следователями строится по принципу: сначала допрос поручается менее квалифицированному сотруднику, а следующий допрос ведет более опытный, который, во-первых, учитывает результаты первого допроса, а во-вторых, демонстрирует допрашиваемому, что его надежды обмануть не дадут должного результата [69, 14–15].

Если контакт с допрашиваемым не налаживается, следователю необходимо иметь в виду, что причиной этого может быть не только различие во взглядах, интересах, подходах и т.п., а и просто возникающие различные психологические барьеры: смысловой, информационный, эмоциональный, т.е. когда можно сказать, что люди «говорят на разных языках» [43, 77–78]. Их устранение нередко значительно проще, ибо требуется лишь установить причину непонимания и разъяснить на требуемом уровне предмет беседы, чтобы «снять» неуверенность и сомнения допрашиваемого в силу неясности или незнания.

Таким образом, психологический контакт – это многофакторное явление, требующее учета и реализации самых различных сторон общения при допросе. Поэтому представляется правильным говорить об установлении психологического контакта не как о своеобразном тактическом приеме, а как о тактической задаче, решаемой совокупностью разнообразных тактических приемов [74, 106].

Что можно и нужно знать о допрашиваемом?

Для установления контакта с допрашиваемым, правильного выбора тактических приемов проведения следственных действий с его участием, особенно в условиях конфликтных ситуаций, необходимо иметь достаточно четкое представление о характере и особенностях данной личности. В связи с этим встает вопрос о предмете, пределах, средствах и методах изучения личности. В литературе, посвященной этому вопросу [75; 76; 77; 78], авторы нередко смешивают принципиальную возможность изучения с практическими потребностями и реальными возможностями такого изучения. Важность изучения личности не может быть подвергнута сомнению, но объем такого изучения ограничивается двумя обстоятельствами: во-первых, положениями Конституции Украины (ст. 32) и Конституции Республики Казахстан (ст.ст. 18, 39), во-вторых, практическими возможностями следствия. Для пло-

дотворной работы с подозреваемым и обвиняемым следователь, как правило, может и должен обладать необходимой для определения порядка расследования и тактики следственных действий информацией об их личности. Но применительно к потерпевшему и свидетелю предварительное (до встречи с ними, например, на допросе) изучение их личности не всегда возможно, да и не всегда в этом имеется необходимость. Здесь основной упор должен быть сделан на изучении при личном общении. А, следовательно, практических работников необходимо вооружать знаниями и умениями того, как наиболее рационально это сделать при непосредственном общении.

При этом рекомендации должны учитывать реалии практической деятельности. Например, вряд ли следователь будет использовать для изучения допрашиваемого предлагаемое психологическое тестирование, которое уместно в рамках психологической экспертизы [68, 137–139].

«Криминалистический аспект изучения, — указывает В.Г. Лукашевич, — предполагает получение о допрашиваемом такой информации, которая может быть использована для выбора наиболее эффективных в каждом конкретном случае тактических приемов управления допросом, наиболее эффективных способов воздействия на допрашиваемого с целью получения от него полных и достоверных показаний» [12, 33; 60, 105; 79, 73].

До первой встречи с допрашиваемым у следователя в большинстве случаев нет возможности осуществить специальные меры для изучения его личности. Поэтому нередко данная задача решается уже в процессе непосредственного общения.

О чем говорит поведение допрашиваемого?

При первой встрече основу складывающегося впечатления составляют наблюдения и выводы о манере поведения, уровне развития, характере реагирования на происходящее. Это впечатление основывается на жизненном и профессиональном опыте следователя, его кругозоре, наблюдательности и т.д. При этом необходимо помнить, что нередко оно может быть обманчивым.

Английский юрист О. Пинто писал: «Впечатление — вещь обманчивая ... Один всемирно известный криминалист однажды признался, что самое хорошее впечатление на него произвела женщина, которая, желая получить деньги по страховому полису, отра-

вила своих детей, а самое невыгодное — знаменитый филантроп и реформатор» [80, 237].

Для формирования впечатления о личности важно не только то, что говорит и как себя ведет допрашиваемый, а в значительной мере то, как он реагирует на происходящее, проявляющееся в тональности голоса, произвольных телодвижениях, мимике и т.п. [81].

Вопрос о возможности использования внешних отражений внутреннего реагирования человека на происходящее обсуждается давно [42, 67]. Отмечается, что еще за 700 лет до новой эры в Китае указывалось, что во время допроса необходимо следить за словами, глазами, выражением лица, дыханием допрашиваемого, у которого при даче ложных показаний можно наблюдать волнение, растерянность, стыд и т.п. [83, 6–7].

Об одном из элементов отношения человека к происходящему — об улыбке — пишут следующее: «Улыбкой можно выразить все что угодно: легкое презрение и тихое обожание, надменную вежливость и нежную снисходительность ... Она же может нечаянно выдать тайное, сделать явным незримое, совершить предательство, обнаружив потрясение и замешательство. Улыбкой можно проговориться» [84, 10].

С учетом этого следователь должен следить не только за допрашиваемым, но и за предупреждением внешнего проявления своих эмоций по поводу удачи или промашки, чтобы не выдать этого улыбкой торжества или мимикой огорчения.

Б. Шоу писал: «Есть 50 способов произнести слово «да», 500 способов сказать «нет» и только один способ написать эти слова».

По мнению американского психолога Дж. Руша, язык жестов насчитывает 700 тысяч четко различимых сигналов, в то время как «солиднейшие» английские словари содержат около 600 тысяч слов.

Анализ внешних факторов поведения допрашиваемого может служить для следователя:

- а) ориентиром для выбора способов установления психологического контакта;
- б) материалом для изучения психологических и иных особенностей участника общения;
- в) указателем правильности или несоответствия приемов и способов осуществляемых следователем действий [47, 34; 85, 34; 86, 157–158].

Эти данные, как отмечают практически все авторы, «не обладают доказательственной ценностью, выполняя функцию ориентации следователя в той или иной ситуации» [87, 81].

М.С. Строгович подчеркивает, что показатели и обстоятельства поведения лица «не могут рассматриваться как самостоятельные доказательства виновности ввиду того, что они могут происходить из причин, не связанных с исследуемым по делу событием» [88, 378]. А именно: с волнением по поводу вызова на допрос и необычностью обстановки, необоснованностью высказанных подозрений, нарушением личных планов, неприятием личности либо поведения следователя и т.д.

Анализ следователем внешних факторов проявления отношения участников следственных действий к их содержанию и используемым приемам необходим и полезен, но не для «диагностики виновности», а для определения соответствия ситуации избранным приемам, оценки «болевых точек» в реагировании, например, допрашиваемого на поставленные вопросы, предъявленные материалы и т.п.

Заслуживают внимания данные исследования Ю.В. Гранской и В.В. Романова, показывающие, что распознавание мимических выражений следователями существенно ниже, чем у представителей других профессий (учителей, инженеров). Особенно это касается распознавания выражения негативных эмоций (гнева, презрения, отвращения), которые весьма характерны для общения в правоохранительной среде [86, 59–60].

Помимо всего прочего, это тоже свидетельство того, что к использованию внешних проявлений эмоционального состояния лица нужно относиться осторожно. А.В. Дулов предлагает фиксировать эти реакции и в дальнейшем использовать их в качестве средства получения последующих «правдивых» показаний допрашиваемого: «С помощью технических средств, — пишет он, — реакция обвиняемого ... может быть зафиксирована на киноплёнку, магнитофонную ленту. Результаты фиксации могут быть использованы в ходе дальнейшего воздействия на обвиняемого для дополнительного показа его реакции» [89, 246].

Таким образом, одним из основных направлений совершенствования следственной деятельности и, в первую очередь, обеспечения результативности и качества допроса является его рассмотрение и изучение как процесса общения, познание закономерностей общения в процессе расследования и разработки на этой

основе рекомендаций по организации и тактике производства следственных действий, определение закономерности, научности и этичности предлагаемых к внедрению в практику средств и методов деятельности.

ДОПРОС И ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ

За счет чего можно улучшить расследование?

Решение современных задач борьбы с преступностью требует существенного совершенствования деятельности правоохранительных органов. Необходимость этого применительно к следствию обуславливается значительно возросшим уровнем преступности и связанным с этим увеличением объема нагрузки работников правоохранительных органов.

В связи с этим вновь встает вопрос о процессуальной экономии, т.е. о поиске путей, которые без существенного увеличения сил и средств позволили бы обеспечить надлежащую эффективность деятельности по раскрытию и расследованию преступлений.

Достижение планируемых результатов с наименьшими затратами сил, средств и времени выступает одним из целеполагающих условий человеческой деятельности. Не служит исключением в этом отношении и следственная деятельность, быстрота достижения результатов в которой является законодательным требованием, а тактика ее осуществления, как средство достижения целей, представляет собой совокупность наиболее целесообразных приемов и методов деятельности. Но поскольку итогом расследования выступает решение судьбы человека, цель экономии средств и сил при проведении расследования не может ставиться безотносительно к сущности следственной деятельности. Поэтому в наиболее общем плане экономия здесь должна пониматься прежде всего как обеспечение организации расследования, соответствующей максимально полному и достоверному установлению выясняемого.

Таким образом, целесообразность и экономия в следственной деятельности подчинены не столько цели достижения результата, сколько обеспечению правомерного образа действий при установлении истины. Но это не исключает необходимости учета и реали-

зации общепринятого аспекта экономии сил и средств, поскольку, во-первых, рационализация деятельности есть неременное условие ее развития и совершенствования, во-вторых, резко возросшая нагрузка правоохранительных органов не позволит им без поиска и использования новых средств процессуальной экономии качественно разрешать все увеличивающийся объем работы.

Вопрос о рационализации приемов и средств процессуальной деятельности неоднократно поднимался на страницах юридической печати [90; 91; 92].

С учетом того, что допрос занимает основное место в деятельности следователя, рационализация его труда в значительной мере связана с решением проблем организации допроса, повышением его эффективности [93].

Отношение к показаниям допрашиваемых, их доказательственному значению неоднократно менялось. В.И. Громов указывал, что «свидетельские показания являются в смысле их точности и полного соответствия действительности крайне несовершенным материалом, доказательность которого является сомнительной» [94, 15–16].

В тридцатые годы признательные показания объявлялись «царицей доказательств». В настоящее время вновь ведутся разговоры об «уценке» показаний в связи с расширяющимися попытками уклонения от свидетельствования, дачей ложных показаний, отказом в суде от ранее данных показаний [95, 112–113]. Но независимо от всего этого показания потерпевших, свидетелей, подозреваемых и обвиняемых были и останутся основным источником данных о расследуемых событиях, а допрос — основным средством сбора доказательственной информации. Поэтому обеспечение оптимизации следственной деятельности — это прежде всего поиск путей совершенствования правовых, организационных, методических и тактических основ допроса.

Наша система расследования преступлений существенно отличается от большинства зарубежных. Во-первых, практическим отсутствием состязательности: следователь собирает доказательства, в полной мере известные защитнику, который лишь «готовится к бою в суде» и не открывает «свои козыри», а в суде наоборот — защитник действует, а следователь отсутствует, его лишь представляет прокурор. Более раннее, чем прежде, подключение защитника к процессу расследования должно служить не только гарантией защиты прав личности, но и обеспечению состязатель-

ности для полноценного решения задач уголовного судопроизводства. С учетом этого должны быть уточнены функции защитника, чтобы он не был только потребителем информации по результатам действий следователя, но и представлял свои доказательства на стадии предварительного следствия. Тогда значительно сократится количество уголовных дел, которые адвокату «удается разрушить в суде», поскольку неполноценно расследованные дела, как правило, не будут доходить до суда. А пока следователь и адвокат поставлены в неравные условия: у следователя — только обязанности, а у адвоката — только права [96, 46].

Видимо, учет именно этих и других обстоятельств, вытекающих из теории и практики участия защитника в уголовном процессе, закономерно обусловил глубокие изменения правового статуса защитника в уголовном процессе Казахстана. Безусловно, что в основе такого шага, прежде всего, заложены требования Конституции Республики Казахстан на право каждого на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 13) и составительное построение уголовного судопроизводства страны.

Поэтому наряду с увеличением числа оснований обязательно участия защитника в производстве по уголовному делу (ст. 71 УПК), наделения его помимо прочего правом опрашивать частных лиц и с согласия подзащитного запрашивать мнение лица, обладающего специальными знаниями по возникающим в связи с оказанием юридической помощи вопросам, разрешение которых требует их использования (ст.ст. 74, 125 УПК), защитнику запрещено вопреки позиции подзащитного признавать его причастность к преступлению и виновность в его совершении, заявлять о примирении подзащитного с потерпевшим, признавать гражданский иск, отзывать поданные подзащитным жалобы и заявления, разглашать сведения, ставшие ему известными в связи с обращением за юридической помощью и в ходе ее осуществления (ст. 74 УПК).

В контексте изложенного представляется заслуживающим внимания использование зарубежного опыта в части приглашения в суд представителей полиции, занимавшихся сбором первоначальной информации. С.Н. Стаховский возражает против допроса в судебном заседании следователя, проводившего расследование, поскольку он, во-первых, может лишь сообщить об информации, полученной им из других источников, а во-вторых, вряд ли целесообразно выслушивать его оценку правильности своих действий [97, 9—10]. С этим нельзя согласиться в полной мере, ибо С.Н. Ста-

ховский не учитывает одно очень важное обстоятельство. В нашем процессе защитник подключается с момента появления подозреваемого. Защищая его интересы на стадии предварительного расследования, адвокат, как правило, сосредотачивает свои усилия на обеспечении прав подозреваемого (обвиняемого) — правомерности и обоснованности привлечения к уголовной ответственности, правильности избрания меры пресечения и т.п. При этом он не всегда «выкладывает свои козыри» (имеющиеся у него данные), особенно те, которые не могут сыграть принципиальную роль в судьбе подзащитного, но требуют специальной проверки. То есть на этой стадии расследования практически нет состязательности. А в суде состязательность неполноценная, потому что адвокат излагает все свои доводы и данные в отсутствие следователя и может преподносить процедуру расследования в интересующем его плане. Приглашение следователя в суд в тех случаях, когда «дело разваливается» адвокатом, позволило бы суду получить информацию для всесторонней и полноценной оценки проведенного расследования. При этом предметом допроса могли бы быть не только его деятельность, но и действия адвоката, в частности, по тем моментам, которые ранее не выдвигались, а в суде представляются как основания для направления дела на дополнительное расследование или оспаривания правомерности привлечения подзащитного к уголовной ответственности.

Второе отличие связано со значительным объемом документооборота и сложностью процессуального оформления доказательств (в зарубежных странах за незначительные преступления или при отсутствии серьезных последствий преступник может быть осужден судьей единолично на основе только устного доклада полицейского о случившемся) [98, 33–34].

Третье отличие состоит в длительности сроков расследования (что приводит не только к негативному воздействию фактора времени на установление истины по делу, но и влечет ущемление прав личности, привлекаемой к ответственности — нарушению сроков расследования и содержания под стражей), создании этим дополнительных возможностей для оказания воздействия на потерпевших и свидетелей в целях изменения их показаний (чем дальше от события, тем спокойнее оценивается случившееся — «время лечит») [99, 45].

Многие из недостатков, присущих нашей судебной-следственной системе, могли бы быть устранены путем ее изменения, но поскольку это сейчас нереально, то часто ставится вопрос о ее совершенствовании [100, 406—409]. Но и это частичное совершенствование должно быть, на наш взгляд, достаточно сущностным, а не просто «лакировкой» для создания видимости перемен. В проекте Уголовно-процессуального кодекса Украины 1995 г., подготовленного рабочей группой Кабинета Министров, имеется глава об упрощенном и ускоренном предварительном следствии, в которой его отличие от обычного следствия заключается лишь в сроке (до 20 дней) и в том, что «следователь вправе ограничиться выполнением тех следственных действий, которые, на его взгляд, являются достаточными для правильного разрешения дела» (п. 1 ст. 256 УПК Украины). А кто, кроме следователя при обычном порядке определяет перечень следственных действий, необходимых для правильного разрешения дела? Лица, контролирующие следствие, могут дать указание о проведении дополнительных следственных действий, но лишь в случае неполноты проведенного расследования, что предусмотрено и для упрощенной процедуры расследования (п. 2 ст. 256 УПК Украины). Фактическое сокращение лишь срока ничего не меняет по существу. При этом следует отметить, что в данном варианте проекта УПК Украины имелось то, что «исчезло» из последующих вариантов проектов, а именно: «При этом допускается засвидетельствование хода и результатов следственного действия в сокращенном виде (подч. нами. — Авт.), т. е. опять-таки отказались от внесения сущностных изменений. А именно в этом — в упрощении процедуры расследования — заключается, по нашему мнению, необходимость и возможность устранения многих имеющихся недостатков в деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений. «Процесс должен быть быстрым и эффективным. Его форма может быть дифференцирована в зависимости от тяжести преступления, отношения обвиняемого к предъявляемому ему обвинению — обычной, несколько усложненной или, наоборот, в разумных пределах упрощенной» [101, 454].

Начало дискуссии о дифференциации уголовно-процессуальных форм было положено в 1974 г. [102, 65—66; 103, 50—53; 104, 54—56]. В настоящее время эта проблема не только не утратила свою актуальность, но и приобрела еще большее значение.

Обусловлено это как поиском путей формирования правового государства, так и тем, что назрела задача обеспечить рационализацию деятельности по раскрытию и расследованию преступлений с учетом нехватки государственных ресурсов для создания условий полноценного и качественного функционирования правоохранительных органов. Отрицание наличия и правомерности такой постановки вопроса является не только игнорированием объективных условий и закономерностей развития общества, но и предопределяет самостоятельный поиск практикой путей выхода из создавшегося положения. При этом, указывает Л.М. Карнеева, «практика, лишенная научных рекомендаций по волнующим ее проблемам, либо сталкивается с непониманием этих проблем или ненадлежащими ее решениями, противоречащими ее интересам ... либо сама ищет выход и находит часто не лучший». Кроме того, эти пути нередко могут быть связаны с нарушением закона [105, 6].

В законодательстве ряда государств отмечена тенденция к расширению количества составов, по которым возможна протокольная форма досудебной подготовки материалов.

В Российской Федерации к этим преступлениям отнесено 40 составов (ст. 414 УПК РФ). В Республике Казахстан ранее действовавший УПК 1959 г. (ст. 388) предусматривал проведение (ускоренного) протокольного производства по 37 составам преступлений. А ранее проект нового УПК РК — по 63 [106, 54–55]. В проекте «Концепции судебно-правовой реформы в Украине», подготовленном Министерством юстиции, написано: «Протокольная форма подготовки материалов ликвидируется» [107, 5].

Поиск резервов времени для успешного раскрытия и расследования преступлений актуален и потому, что из-за большой нагрузки «следователь превращается в «ремесленника», не имеет возможности в полной мере реализовать свои профессиональные навыки» [108, 139].

Одним из путей экономии сил, средств и времени правоохранительных органов является установление определенных «лимитов «реагирования по фактам правонарушений» [109, 69–70]. Например, в ряде зарубежных стран установлен порядок, при котором после заявления о совершении кражи начинается работа бригады. Если в результате работы в течение суток перспективы раскрытия окажутся реальными, деятельность бригады продолжается, если же дело представляется бесперспективным, наличная розыск-

ная информация (данные о похищенном, приметы преступников и т.д.) вводится в учетно-регистрационные системы, а дело сдается в архив и работа по нему будет продолжена только в том случае, если что-либо проявится по данным учета. Таким образом, силы и средства расходуются только рационально, без попытки «объять необъятное», как это происходит у нас [110, 115—116]. Как отмечают М.М. Михеенко, В.П. Шибико и А.Я. Дубинский, «протокольная форма досудебной подготовки материалов по некоторым видам преступлений, которые не представляют большой общественной опасности, была введена с целью разгрузки следователей с тем, чтобы они могли сосредоточить свои усилия на расследовании более тяжких преступлений» [111, 598]. Однако, как показывает практика, этого недостаточно и необходимы иные способы упрощения и оптимизации процедуры расследования. Разумеется, речь идет об упрощении процедуры расследования, а не об упрощенчестве, которое может повлечь нарушение прав участников уголовного судопроизводства.

В связи с изложенным заслуживает внимания регламентация вопросов оптимизации процедуры расследования в УПК Республики Казахстан.

Так, в отличие от уголовного процесса других стран СНГ УПК Республики Казахстан впервые наделил органы дознания правом производства предварительного следствия при определенных условиях по делам, которые им подследственны (ст. 288 УПК), а также предусмотрел новый, ранее не известный ускоренный вид расследования уголовных дел в форме полного дознания по делам об очевидных преступлениях (ст.ст. 285—287 УПК), упразднив досудебную подготовку дел о преступлениях в протокольном порядке [22, 83—101].

Особенностью рассматриваемого вида дознания является его производство по делам о преступлениях, подследственных органам дознания, когда известно лицо, подозреваемое в совершении преступления. Если лицо, совершившее преступление, подследственное органам дознания, не известно или эти преступления совершены несовершеннолетними или лицами, имеющими физические или психические недостатки, органы дознания правомочны провести предварительное следствие. Предварительное следствие проводится органами дознания и тогда, когда в установленные сроки дознания по этим делам невозможно обеспечить всесторонность и полноту исследования обстоятельств дела. Таким обра-

зом, закон разрешает органам дознания проводить по делам своей подследственности дознание или предварительное следствие.

Форма расследования по делам, подследственным органам дознания, может быть определена также прокурором.

При наличии лица, подозреваемого в совершении преступления, анализируемое дознание проводится по правилам предварительного следствия за изъятиями, сводящимися к следующим положениям.

Дознание проводится в 10-дневный срок с момента возбуждения уголовного дела и до передачи дела прокурору для направления его в суд. Этот срок может быть продлен постановлением начальника органа дознания до 30 суток с уведомлением прокурора.

В ходе дознания могут производиться любые процессуальные и следственные действия, за исключением предъявления обвинения и допроса в качестве обвиняемого.

В отношении подозреваемого разрешается применение любых мер пресечения либо процессуального принуждения.

Обязательными являются истребование справки о наличии или отсутствии у лица, подозреваемого в совершении преступления, судимости, характеристики с места учебы или работы, допрос подозреваемого.

Опрос потерпевшего, свидетеля допустим в устной форме с составлением дознавателем справки, в которой указываются данные о свидетеле (потерпевшем), степень и характер его информированности. При необходимости в отношении потерпевшего (свидетеля) могут быть приняты меры безопасности.

Потерпевший (свидетель) может быть допрошен в установленном УПК порядке в связи с его возможным уважительным неучастием в главном судебном разбирательстве либо когда по мнению дознавателя такой допрос необходим для закрепления доказательств.

Лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело, допрашивается в качестве подозреваемого во всех случаях.

По окончании дознания составляется протокол обвинения. С этого момента подозреваемый становится обвиняемым.

После утверждения начальником органа дознания протокол обвинения и материалы уголовного дела представляются для ознакомления обвиняемому и его защитнику. С материалами уголовного дела при наличии соответствующего ходатайства могут ознакомиться потерпевший и его представитель.

Действия участников процесса, связанные с ознакомлением с материалами дела, фиксируются в протоколе обвинения.

Протокол обвинения и материалы уголовного дела направляются в суд прокурором в общем порядке, как и дела, оконченные с составлением обвинительного заключения.

Перед началом судебного следствия по делу о таком дознании судья может, выяснив мнение участников процесса, постановить о проведении судебного рассмотрения дела в сокращенном порядке, если:

— по материалам уголовного дела в ускоренной форме дознания не допущено нарушений норм УПК;

— участники процесса не оспаривают относимость и допустимость собранных по делу доказательств и не настаивают на их исследовании в судебном заседании;

— участники процесса не заявляют ходатайств об истребовании или исследовании новых доказательств;

— подсудимый обладает правосубъектностью в полном объеме, признает свою вину и исковые требования гражданского истца в полном объеме, а также нет других обстоятельств, исключающих такой порядок судебного разбирательства.

При наличии указанных условий судебное следствие состоит из допросов подсудимого и потерпевшего.

Судебные прения и завершение рассмотрения такого уголовного дела осуществляются по правилам, установленным УПК.

Экономия процессуальных средств

«В уголовном судопроизводстве, — указывает В.Т. Томин, — к основным направлениям увеличения производительности труда следует отнести:

а) несовершение действий, без которых можно обойтись;

б) увеличение отдачи от тех действий, которые производятся;

в) последовательное освобождение работников высокой квалификации от совершения действий, которые могут быть выполнены работниками более низкой квалификации;

г) последовательная замена «универсалов» при производстве следственных и судебных действий специалистами» [110, 77].

В этом плане важное место принадлежит сокращению затрат времени следователей и специалистов на выполнение повторной дублирующей работы, в том числе за счет разрешения проблемы

соотношения следственных действий с соответствующими им аналогами проверочных: допрос — опрос, опознание — узнавание, выемка — изъятие, экспертиза — исследование. Совпадающие по сути и содержанию, но различающиеся по форме действия нередко разграничивают не только по процессуальной значимости, но и по сложности осуществления [112, 5]. Что, во-первых, неправильно по существу, ибо сложность или простота действий определяются их характером и обстоятельствами осуществления, а не процессуальной формой; во-вторых, может порождать формальность и недобросовестность подхода к проведению непроцессуальных действий как со стороны выполняющих, так и со стороны привлекаемых к участию, т.е. отношения к ним как к «второстепенным мероприятиям» [109, 79]. В.Е. Коновалова правильно отметила: экономия процессуальных средств требует ограничить получение однотипной (подч. нами. — *Авт.*) доказательственной информации, объем которой может убедить следователя в ее полноценности» [60, 27].

Нужно тратить усилия на сбор недостающей информации, а также в целях проверки той, что представляется недостоверной, вместо затрат на подтверждение того, что само по себе не вызывает сомнений.

«Термин «экономия» означает не ограничение процессуальных средств, а разумную избирательность их использования, дающую возможность наиболее эффективно организовать работу следователя», — утверждает далее В.Е. Коновалова [60, 27].

К «перерасходу процессуальных средств» она относит назначение экспертиз, когда решение вопроса не требует использования специальных познаний; обращение к иным источникам информации, когда достаточные данные получены из какого-либо другого источника.

Как уже отмечалось, основным потребителем рабочего времени следователя является допрос. И это вполне естественно, но дело в том, что весьма часто допросу потерпевших, свидетелей и подозреваемых (прежде всего на стадии решения вопроса о возбуждении уголовного дела) предшествует их опрос оперативными работниками с последующим допросом следователем. Несомненно, в отдельных случаях данные опроса могут быть недостаточными для разрешения вопросов расследования. Однако изучение материалов уголовных дел показывает, что во многих случаях протокол допроса полностью отражает (дублирует) содержание

объяснений. Поэтому целесообразно (и, на наш взгляд, правомерно) не производить допрос тех лиц, которые ранее дали необходимые и достаточные объяснения. В связи с этим ставится вопрос о придании объяснениям статуса протокола допроса [113, 27; 114, 206; 115, 74–75]. Тем более, что действующий УПК Украины в ст. 97 и проект нового УПК Украины в ч. 4 ст. 170 предусматривают возможность получения объяснений для проверки заявлений и сообщений о преступлениях [116, 45].

М.М. Михеенко предлагает отнести объяснения граждан и должностных лиц к процессуальным источникам получения доказательств [18, 113]. Такое решение законодателя Украины не только способствовало бы процессуальной экономии, но и повысило бы ответственность граждан при сообщении информации сотрудникам правоохранительных органов, выполняющим свои служебные функции, а следовательно, — повышению престижа правоохранительных органов в глазах населения. Последнему способствовало бы и то, что значительно сократились бы повторные вызовы на допрос (гражданин не видит разницы между допросом и дачей объяснений: для него в обоих случаях это беспокойство и трата времени), которые не обусловлены потребностью дела, а связаны с сущностью формы. В.И. Басков, говоря об этом, отмечает: «Мы выступаем вовсе не за упрощенчество в процессе уголовного судопроизводства. Но мы против ненужных вызовов свидетелей, против таких повторных допросов, которые ничего существенного по делу дать не могут» [117, 76].

О своеобразном подходе к экономии процессуальных средств свидетельствует то, что в абзаце 2 § 55 УПК Чехословакии имелось правило, согласно которому в протокол судебного рассмотрения дел подлежали включению только те данные, которые меняют или дополняют показания ранее допрошенных лиц.

Об определенной алогичности позиции законодателя и отдельных авторов свидетельствует то, что при протокольной форме досудебной подготовки материалов, т.е. получении данных, на основе которых суд будет решать дело по существу, объяснения допустимы и достаточны, а полученные в стадии решения вопроса о возбуждении уголовного дела оцениваются как недопустимые. В чем же их разница в одном и другом случае? Ведь они просто документы, которые несут информацию и могут быть оценены следователем и судом, а в случае необходимости проверены.

Если законодатель «не отважится» на придание объяснениям статуса протокола допроса, то «переход» объяснений в процессуальную форму протокола можно было бы осуществлять посредством отметки на объяснении типа «Свидетель ... предупрежденный об ответственности за дачу ложных показаний, подтвердил правильность сообщенных им данных», что позволит следователю экономить значительное время на «составлении бумаг». А пока практика нашла обходной маневр: оперативный работник получает объяснения от гражданина на бланке протокола допроса без указания даты, а следователь в последующем «дооформляет этот протокол допроса». Поэтому реализация предложения о придании объяснениям статуса протокола допроса обеспечит не только экономию времени на расследование, но и сократит «поиски обходных путей закона» [11, 26]. «Чтобы изжить нарушения закона в уголовном судопроизводстве, нужно сделать так, чтобы законопослушное поведение было выгодным, а нарушение закона — нет», — пишет В.Т. Томин [109, 81].

В свете сказанного отметим, что несмотря на более широкое и точное определение документов как источников доказательств в уголовном процессе Казахстана, каковыми определенно стали все материалы доследственной проверки (объяснения и другие показания, акты инвентаризаций, ревизий, справки — ст. 123 УПК), последующий допрос лица, давшего объяснение, как правило, не исключается.

Здесь есть много общего с постановкой вопроса о разрешении производства экспертиз до возбуждения уголовного дела, поскольку достаточно часто проведение исследования необходимо для решения вопроса о наличии признаков преступления и возбуждения уголовного дела (установления тяжести телесных повреждений, определения состава обнаруженного вещества и т.п.).

Сейчас в тех случаях, когда без помощи специалиста для решения конкретных вопросов обойтись невозможно, органы дознания назначают так называемое «предварительное исследование» (а по сути своей экспертизу) и после возбуждения уголовного дела выносят постановление о назначении экспертизы, т.е. вынуждают того или иного эксперта повторить уже выполненную работу, поскольку методы исследований и специалисты одни и те же, только разное бумажное оформление.

В качестве одной из основных причин неэффективного использования экспертиз в расследовании все категории опрошенных нами практических работников отметили длительность сроков

производства экспертиз. По нормативам МВД Украины (Приказ МВД Украины № 140 от 9 марта 1992 г. «Об утверждении «Положения о деятельности экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел») эксперт должен выполнять за год около 100 простых по сложности экспертиз. А эксперт полицейского ведомства США проводит за год около тысячи экспертиз. Такая разница определяется тем, что, во-первых, там эксперт работает с помощником (техническое обслуживание), а во-вторых, тем, что наш эксперт основное время тратит на оформление результатов проведенного исследования, а американский — практически только на собственные исследования и изложение выводов (в случае необходимости он приглашается в суд для разъяснений по сути проведенной экспертизы). Очевидно, и у нас есть возможность если не вообще устранить «бюрократию оформления заключений» (которые практически никто не читает, может быть, кроме адвокатов), то значительно ее сократить, чтобы эксперты активнее и полноценнее участвовали в обеспечении реального использования научно-технических достижений в расследовании, а не тратили драгоценное время на размножение бумаг. Кстати, роль и значение специалистов в решении задач уголовного судопроизводства существенно бы возросли, если бы их чаще привлекали в суд для разъяснения результатов и методики проведенных ими экспертиз, поскольку одно дело составить отвлеченное заключение и совсем другое — в присутствии большой аудитории и специалистов доложить и обосновать свои выводы.

Вопрос о возможности назначения экспертиз до возбуждения уголовного дела (и в первую очередь для обеспечения объективного решения вопроса о его возбуждении) давно дискутируется в юридической литературе. И как всегда имеются его сторонники [118, 176; 113, 24–36; 119, 101] и противники [120, 111; 121, 32].

Следует отметить, что уже имеются примеры решения этого вопроса. Так, согласно УПК Республики Узбекистан 1994 г. (ст. 180) «в необходимых случаях экспертиза может быть назначена и до возбуждения уголовного дела», а также «не допускается замена экспертизы исследованиями, проводимыми вне установленного настоящим Кодексом порядка» (ст. 172).

Более определенно по данному вопросу записано в УПК Республики Казахстан 1997 г. В соответствии со ст. 242 УПК установлено, что «в случаях, когда принятие решения о возбуждении уголовного дела невозможно без производства экспертизы, она

может быть назначена до возбуждения уголовного дела». И дальше в этой же норме: «Наличие в деле актов ревизии, проверок, заключений ведомственных инспекций, а также официальных документов, составленных по результатам исследований, проводимых специалистами в ходе процессуальных действий, не исключает возможности назначения судебной экспертизы по тем же вопросам». Эти положения также развиты в ст.ст. 84 «Специалист» и 184 «Сроки рассмотрения заявлений и сообщений о преступлениях».

Данное решение вопроса представляется правильным, рациональным и возможным к принятию законодателем, что предлагается в проекте УПК Украины [116, 45], особенно если при этом в УПК будет введена норма, закрепляющая положение о том, что на стадии возбуждения уголовного дела «допускается производство следственных действий, не связанных с реальным применением мер процессуального принуждения» [109, 117]. Это снимет многие спорные вопросы по данной проблеме и существенно упростит процедуру расследования без ущемления прав граждан. Если законодатель не согласится с этим, то с прежней силой будет стоять проблема излишних нерациональных затрат времени и средств на проведение допроса, экспертиз и других мероприятий.

В литературе приводятся такие данные о «проценте повторности» различных видов экспертиз: по баллистическим исследованиям — 45%, по исследованию наркотических веществ — 38% [122, 15].

Отсутствие права на производство экспертиз в стадии возбуждения уголовных дел в уголовном процессе Украины приводит, в частности, к тому, что суд, получив материалы протокольной проверки по фактам незаконного ношения, изготовления и сбыта оружия со справкой об исследовании, вынужден возбудить уголовное дело, назначить его к слушанию, провести судебное заседание для вынесения постановления о назначении экспертизы, а затем приостановить производство по делу и ждать заключения эксперта [123, 27]. Алогизм ситуации вряд ли нуждается в особом комментировании.

Своеобразный подход к решению рассматриваемой проблемы предлагает В.С. Зеленецкий: «В следственных и судебных процессах ... доказательства устанавливаются при помощи следственных

и судебных действий. Поскольку их производство (кроме осмотра места происшествия) в исследовательском последовательном уголовном процессе запрещено, возникает вопрос о перечне и сущности тех действий, при помощи которых в последовательном уголовном процессе осуществляется проверка заявлений, сообщений и иной информации о преступлениях. Отображая природу последовательного уголовного процесса и функциональное назначение рассматриваемых средств, их следует называть последовательными вспомогательными действиями» [124, 131]. К ним он относит: последовательный опрос граждан, собственноручные объяснения, последовательный осмотр предметов, документов и иных объектов, поручение производства проверок, ревизий и ведомственных экспертиз, последовательное исследование объектов специалистами и т.д. Но при такой постановке остается вопрос о процессуальной природе всех получаемых с их помощью данных и о возможности их использования в расследовании: непосредственно или после «просеивания через процессуальное сито»? Если второе, то что изменится кроме нового названия этих действий? Любое совершенствование процедуры расследования должно иметь своим следствием повышение гарантий защиты прав граждан и оптимизацию условий деятельности правоохранительных органов, в противном случае они неправомерны либо бессмысленны.

Статьей 6 Закона Украины «Об адвокатуре» защитнику предоставлено право получать письменные выводы специалиста по вопросам, требующим специальных познаний [125, 413]. В связи с этим возникает вопрос: что это такое — экспертное *заключение* или просто *мнение* специалиста? Каково их — письменных выводов — доказательственное значение? Они могут непосредственно использоваться в качестве источника доказательств или опять будет требоваться назначение экспертизы для решения уже решенных вопросов?

Мы разделяем точку зрения (и считаем, что это должен установить законодатель) о том, что при наличии и известности источника данных не требуется его «дополнительная обработка», поскольку суд — единственный орган, решающий дело по существу, — может в случае необходимости обратиться к любому источнику данных для проверки их достоверности. «Следствие, — отмечал Н.Н. Сперанский, — не является судом, а лишь основание для него» [126, 98].

В.Г. Лукашевич предлагает достаточно кардинальное решение данной проблемы: «Следует освободить орган дознания от работы по систематизации, оценке и принятию решений из исходной информации, переадресовав ее следователю (этап предварительной проверки и принятия процессуально обоснованного решения). Оставить оперативным работникам милиции функции выявления и сохранения (фиксации) источников (носителей) информации о признаках преступления. Такой подход экономит ресурсы (материальные и временные), поскольку отпадает необходимость в дублировании во время исследования информации вначале в рамках оперативно-розыскной деятельности органа дознания (документирование), а потом — процессуальной деятельности следователя (во время проведения отдельных следственных действий), в результате чего большая вероятность потери части информации и искажения ее содержания. Поскольку источники (носители) информации в отношении преступления едины, то и содержание сведений, которые они имеют, не зависит от того, какими методами (оперативно-розыскными или процессуальными) они исследуются» [127, 23].

В современных условиях борьбы с преступностью и при существующей процедуре раскрытия и расследования преступлений «можно без преувеличения констатировать, что в ситуации, которая сложилась на данный момент, органы предварительного расследования не способны качественно выполнить задачи, поставленные перед ними законом», и что «вместо собирания и исследования доказательств с целью установления и изобличения лиц, виновных в совершении преступления, следователи фактически занимаются оформлением уголовных дел» [108, 140–141; 128, 133]. Поэтому без решительных и существенных перемен в порядке и процедуре деятельности правоохранительных органов рассчитывать на реальное улучшение в раскрытии и расследовании преступлений не приходится.

Необходимо шире экспериментировать

В переходных условиях развития государственности и решения задач построения правового государства особое значение приобретают продуманность и обоснованность преобразований во всех областях жизнедеятельности государства и, в первую очередь, в сфере правоохранительной деятельности, призванной обеспечить

надежную правовую защиту всем членам нашего общества, чтобы жизнь и здоровье человека, его честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность стали наивысшей социальной ценностью. Одной из гарантий этого выступает расширение экспериментальной проверки того, что предлагается для внедрения в жизнь, в том числе новых правовых актов.

За 1990—1995 гг. в Украине принято более 600 законодательных актов, что следует оценить как положительный момент, но в то же время в большую их часть уже неоднократно вносились изменения и дополнения [129, 3—4]. В этом плане заслуживает внимания предложение депутата В. Суслыва, который при обсуждении в Верховном Совете вопроса о регулировании поступлений в бюджет в зависимости от размеров налогообложения рекомендовал проверить это экспериментально — снизить на несколько месяцев налог на добавленную стоимость, чтобы таким образом выяснить, к чему это приведет: к увеличению или снижению поступлений и на основе этого (вместо споров) принять решение [130].

Экспериментальный метод заключается в познании интересующих фактов путем опытной проверки наблюдаемых явлений. В отличие от метода наблюдения эксперимент включает активное вмешательство в изучаемое явление, его выделение из обычного процесса, искусственное воспроизведение в специально созданных условиях. Эксперимент позволяет исследовать сущность, природу и механизм интересующих явлений и фактов. Вместе с тем ему присущи две специфические черты. Во-первых, он, являясь составным элементом практики, выполняет функции критерия истины, т.е. обеспечивает не только получение знаний, но и проверку их истинности. Во-вторых, для развития теории и практики весьма важна его прогностическая роль, обеспечивающая предварительную опытную проверку положений, предлагаемых для внедрения в практику [131, 8].

В следственной деятельности эксперимент получил достаточно широкое применение в качестве средства опытной проверки отдельных обстоятельств в рамках следственных действий при производстве экспертиз. А в научных криминалистических исследованиях экспериментальный метод используется сравнительно ограниченно. Объясняется это, на наш взгляд, двумя основными обстоятельствами. Во-первых, тем, что не раскрыты в полной мере возможности этого метода применительно к криминалистическим аспектам следственной деятельности, во-вторых, существенными

ограничениями и сложностями экспериментирования в сфере уголовного судопроизводства [132, 156].

Расследование преступлений — строго регламентированная уголовно-процессуальным законом деятельность, применительно к которой достаточно четко и полно определены права и обязанности ее участников. Любое отступление от этих предписаний представляет собой нарушение закона. «В ситуациях, урегулированных уголовно-процессуальной нормой, — отмечает В.Т. Томин, — рационализация невозможна никаким иным путем, кроме внесения изменений в закон» [110, 115]. С учетом этого вся следственная деятельность применительно к возможностям экспериментирования, по нашему мнению, должна быть четко разграничена на две сферы: а) аспекты, связанные с изменением прав и обязанностей участников процесса; б) аспекты, изменение которых не связано с корректировкой прав и обязанностей субъектов уголовного судопроизводства. К первой группе относятся все положения, которые определяют и отражают права и обязанности участников расследования, регламентируемые уголовно-процессуальным законодательством. Эксперимент в отношении этих положений в целях проверки предлагаемых мер по совершенствованию процессуальной деятельности (повышению качества и результативности расследования, расширению гарантий прав участников уголовного судопроизводства, обеспечению экономичности следственной деятельности и т.п.) означает (влечет) изменение — расширение или ограничение установленных прав и обязанностей, т.е. отступление от закона, проявляющееся в ущемлении либо расширении прав лиц, попавших в сферу проводимого эксперимента, по сравнению со всеми иными участниками уголовно-процессуальной деятельности [133, 132]. Поэтому эксперимент такого рода может быть осуществлен только на основании решения законодателя.

Однако законодатель в сфере уголовного судопроизводства (да и применительно к иным областям жизнедеятельности) практически не использует такую возможность, а ученые не вносят предложений и не предлагают научно обоснованных программ по проведению масштабных экспериментов, направленных на совершенствование (в том числе принципиальное изменение) структур и положений уголовно-процессуальной деятельности.

Предложений по изменению уголовно-процессуального законодательства и организационных элементов следственной деятель-

ности с аргументацией в обоснование их осуществления в нашей литературе (особенно в диссертациях) высказывается великое множество. Но способов экспериментальной проверки, которые бы подтвердили или опровергли приводимые аргументы и открыли те, которые не видны на уровне теоретического осмысления проблемы или игнорируются как несущественные, не предлагается [134, 158—159]. Так, как уже отмечалось, давно ведутся споры о придании объяснениям граждан статуса протокола допроса, чтобы сократить количество повторных допросов. Одним из аргументов «против» высказывается то, что при этих нововведениях будут ущемлены права участников уголовного судопроизводства. Подобные аргументы ранее высказывались против разрешения производства осмотра места происшествия до возбуждения уголовного дела. Когда законодатель предусмотрел такую возможность, практика опровергла все эти сомнения. Достаточно простым и надежным способом разрешения подобных проблем может явиться проведение экспериментальной проверки предлагаемых новшеств, позволяющей выяснить реальные последствия их внедрения.

Ставя вопрос о необходимости каких-либо преобразований, ученый, по нашему мнению, должен указывать не только причины и доводы в пользу этого, но и предлагать конкретные пути, способы и масштабы проверки (в том числе экспериментальной) реальности предлагаемых мер, чтобы в практику внедрялось уже апробированное, а не для выяснения, что из этого получится при реализации.

В экспериментальной проверке, указывают Н.Д. Абдуллаев и Ю.В. Муравьев, нуждаются «те выводы и положения юридической науки, которые носят гипотетический характер», те проекты правовых актов, которые не дают полной уверенности в целесообразности намеченного мероприятия». Следовательно, эксперимент должен проводиться для того, «чтобы предотвратить возможную неудачу, риску которой разумнее подвергнуть более узкую область общественных отношений, чем более широкую» [132, 155].

В тех случаях, когда преобразования носят организационно-технический характер и, как правило, не затрагивают права и обязанности вовлекаемых в уголовно-процессуальную сферу лиц, возможности проведения экспериментальных исследований достаточно широки и значительно проще по процедуре. Это, на-

пример, эксперименты по проверке влияния критериев оценки на показатели деятельности по раскрытию преступлений (результативность, сроки и т.п.), по установлению влияния организационных преобразований (введение специализации в работе следователей, организация их труда с участием технических помощников, создание диктомашбюро и пр.).

Также давно «ставится» и «снимается» вопрос о технических помощниках следователей, издавались приказы о их введении [135], однако проблема эта до сих пор не решена [136, 46]. По данным нашего исследования, 81,6% опрошенных следователей указывают, что работают без технических помощников. А там, где эти должности предусмотрены, помощники следователей занимаются самостоятельным расследованием.

Данный вопрос, как и многие другие организационные, мог быть давно решен на базе проведения эксперимента в ряде ГОРОВД стран, позволив определить, что именно может дать работа с настоящими техническими помощниками следователей в плане повышения качества расследования, сокращения его сроков и экономии используемых сил и средств. Поэтому представляется не учитывающим все особенности экспериментирования заявление «о недопустимости эксперимента в области борьбы с преступностью без издания правового акта, так как такой эксперимент неизбежно будет означать нарушение законности» [137, 744].

При экспериментах этого вида апробируются организационно-структурные изменения, не затрагивающие содержание следственной деятельности, призванные совершенствовать в первую очередь результативность следствия и уровень организации труда следователей. Разумеется, в конечном итоге эти изменения (внешне количественного плана) будут иметь своим результатом и существенные качественные достижения. Так, улучшение организационно-технических условий труда следователей может и должно привести не только к увеличению объема выполняемой ими работы (в частности, количества расследуемых дел), но и к существенному улучшению ее качества, а следовательно, к повышению уровня защиты прав и интересов участников уголовного судопроизводства. Однако это — сопутствующий результат, возможный при определенных условиях, но не обязательно наступающий, поскольку достигнутая экономия сил, времени, средств может быть направлена на совершенно иные цели как организаторами следственной деятельности, так и ее непосредственными исполнителями.

В указанном приказе МВД Украины № 745 от 25 ноября 1992 г. говорится: «Ввести в состав следственных подразделений численностью 5 человек штаты диктофономашинисток, в более крупных подразделениях их количество определять из расчета — одна машинистка на 8 следователей» и далее применительно к нормативам нагрузки на следователя — 35 дел в производстве на год, указано «исходя из научно обоснованных норм нагрузки». А кто и как определил эту «научную обоснованность», если реальная нагрузка следователей составляет около 100 дел в год? Подобные вопросы, если бы у руководителей было действительно желание обеспечить научную обоснованность принимаемых решений, могли бы быть изучены на базе проведения специальных экспериментов.

С учетом отмеченного для экспериментов второй группы необходимо решение ведомств (прокуратуры, Министерства юстиции, МВД, КНБ, СБУ) или их структурных подразделений в пределах своей компетенции. В свое время в МВД принималась специальная инструкция об организации и проведении экспериментов в органах внутренних дел, но широкого распространения в области следственной деятельности она не получила. Более того, имели место случаи приказного прекращения незавершенных экспериментов [109, 140–142].

Эксперимент как метод и средство проверки каких-либо положений в целях решения вопроса о целесообразности их внедрения в практику, необходимо четко отграничивать от осуществляемых преобразований, т.е. целенаправленных изменений социальных условий, которые «имеют сходство с экспериментом по своим результатам, но отличаются по целям и задачам» [138, 84].

Преобразование — это свершившийся факт, и оно не может рассматриваться в качестве эксперимента. В противном случае все виды и формы законодательной и исполнительной деятельности превратились бы из средства решения практических задач и нужд общества в способ поиска путей для этого. Другое дело, что наблюдение и анализ хода и результатов подобных преобразований дают возможность выявить их достоинства и недостатки, установить степень обоснованности тех положений, которые послужили основанием для принятия решений и их внедрения в практику. Но это не придает им статус эксперимента, суть которого — проверить для внедрения, а не внедрить для проверки.

Анализ литературных источников, в которых отражены результаты проводившихся в научных целях экспериментов, пока-

зывает, что они затрагивают в основном вопросы организации расследования и разработку средств и методик обнаружения, фиксации и исследования доказательств. Различие возможностей эксперимента по отношению к различным разделам криминалистики отмечает Р.С. Белкин: «В таком разделе криминалистики, как криминалистическая техника, эксперимент играет особенно заметную роль для установления общих закономерностей тех или иных процессов, совершенствования методов обнаружения, фиксации, изъятия и исследования доказательств. В значительной части криминалистическая техника в этом смысле носит экспериментальный, опытный характер» [139, 117].

Обусловливается это тем, что, во-первых, как уже отмечалось, эксперименты такого плана не ущемляют прав и не увеличивают обязанностей вовлекаемых в уголовное судопроизводство граждан, а во-вторых, могут осуществляться вне рамок реального процесса расследования. Так, при разработке средств и приемов выявления следов, методик их исследования, определении возможностей применения средств и методов других областей знания в криминалистических целях проводимые экспериментальные исследования направлены на выявление общих закономерностей изучаемых явлений, реальных возможностей обнаружения и исследования объектов в целях получения с их помощью определенных данных о фактах (наличии, состоянии, контакте и т.п.). Если техническая сторона — выявление следов на новых материалах или новыми средствами, установление отсутствия монтажа в фонозаписи, определение условий исполнения документа и т.д. — принципиально решена в процессе научных исследований (в том числе на базе эксперимента), то вопрос о внедрении новшества в процесс расследования решается на основе положений уголовно-процессуального закона, а правомерность и допустимость использования полученных с помощью этих средств и методов данных в качестве доказательств определяются судом. Здесь имеется прямая взаимосвязь с положениями, на основе которых научно-технические средства, используемые в уголовном судопроизводстве, подразделяют на нуждающиеся в правовой регламентации и не требующие таковой [140, 119; 141, 16–21]. Таким образом, правовые аспекты реализации результатов и данных экспериментов в области криминалистической техники, как правило, находятся за его пределами.

В области тактики следствия экспериментирование специфично как в силу того, что положения, реализуемые через тактику,

чаще всего затрагивают права и обязанности тех лиц, в отношении которых осуществляется эксперимент, так и по той причине, что возможности их проверки вне непосредственного процесса расследования весьма ограничены. Тактика следствия связана прежде всего с поведенческими мотивами и действиями участников расследования. В их основе лежат общие закономерности человеческого общения, восприятия, переработки, сохранения и воспроизведения информации. Поэтому общие закономерности, лежащие в основе поступков, на познание и разрешение которых направлены тактические приемы, могут изучаться вне рамок уголовного судопроизводства (например, исследование характера и причин различий в восприятии многочисленной аудиторией разыгранной перед ней какой-либо сцены (эпизода), определение динамики процесса «затухания памяти» и т.п.). Но при этом должна обязательно учитываться специфика проявления этих качеств и свойств личности в условиях реальной обстановки преступления и его расследования. Поэтому коррекция полученных при проведении эксперимента данных должна осуществляться (дополняться) на основе изучения конкретных эпизодов расследования, в которых нашли отражение соответствующие закономерности.

Все отмеченное свидетельствует о возможности и необходимости более широкого использования экспериментального метода в изучении и совершенствовании следственной деятельности. В соответствии с этим ученые должны шире готовить и проводить эксперименты, которые не затрагивают процессуальных прав и обязанностей участников уголовного судопроизводства, а также разрабатывать программы и предлагать законодателю проведение тех экспериментов, которые без его решения невозможны. Л.М. Карнеева совершенно правильно отмечает, что лучшим способом совершенствования деятельности является указание «как нужно делать», довести эти рекомендации до такого уровня, когда их может и должен принять законодатель» [105, 13].

Необходимость в подготовке и проведении конкретного эксперимента возникает не по усмотрению ученых или законодателя, а в связи с тем, что объективно созревают условия для нового порядка деятельности, новых отношений, т.е. она обусловлена потребностями практики. Разрешение этих потребностей возможно посредством законодательной инициативы (в том числе с привлечением научных сил) и путем «местного правотворчества», т.е.

рождением нового самой практикой. Однако «стихийно пробивающая себе дорогу практика, — отмечает В.И. Каминская, — далеко не всегда окажется объективно полезной. Искать спасения в случаях отставания закона от жизни во всеобщем правотворчестве — это путь не только опасный, но и губительный для правопорядка... Поэтому решение о необходимости изменить действующий порядок или ввести какую-либо новую, ранее не применявшуюся форму или институт, а также выбор наиболее соответствующего поставленным задачам «оптимального» варианта решения не могут быть произвольными, должны опираться на исследование практики» [137, 39]. Добавим от себя: с широким использованием экспериментального метода.

В период существования СССР своеобразной базой правового эксперимента являлось наличие различий (хотя и немногочисленных) в уголовно-процессуальной регламентации расследования в союзных республиках [142, 34—35], например, разрешение производства следственных действий по приостановленным уголовным делам в одних и запрет в других республиках.

Анализ фактического влияния таких различий на практику позволял выявить достоинства и недостатки каждого из установленных порядков для учета при совершенствовании законодательства. И в настоящее время следует широко использовать опыт других стран, но не путем комментирования имеющихся различий в положениях законов, а за счет изучения того, как это проявляется на практике, какие дает преимущества, как обеспечивает защиту прав и интересов личности, какие имеет негативные моменты и т.д. При решении использовать что-либо из зарубежного опыта, необходимо учитывать не только отмеченные аспекты планируемого новшества, но и социально-экономические и исторические особенности развития страны [101, 454].

Таким образом, изменившиеся условия борьбы с преступностью на современном этапе развития Украины и Казахстана требуют дальнейшего совершенствования деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, которая, во-первых, должна соответствовать конституционным положениям и идеям защиты прав и интересов личности, во-вторых, осуществляться в соответствии с теми возможностями, которые государство в состоянии предоставить для решения задач уголовного судопроизводства. Поэтому рационализация должна быть положена в основу предложений по совершенствованию правовой системы.

Экономия процессуальных средств должна рассматриваться, прежде всего, как обеспечение надежности и достоверности получения доказательственной информации, как повышение гарантий прав личности. Но и экономия в общепринятом понятии — уменьшение затрат сил и средств на решение ставящихся задач — не должна исключаться из числа задач совершенствования уголовного судопроизводства. При этом для обеспечения научности и обоснованности вносимых предложений следует использовать возможности научного эксперимента.

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Кого нужно защищать?

Одной из актуальных проблем обеспечения решения задач уголовного судопроизводства в современных условиях является расширение гарантий и средств защиты прав и личности участников уголовного процесса.

Проблемы защиты прав и интересов в уголовном судопроизводстве весьма многоаспектны:

а) защита интересов, нарушенных преступлением (возможность обращения за защитой в правоохранительные и правоприменительные органы, преодоление необоснованных попыток отказа в защите, возможность возмещения причиненного материального ущерба и т.п.) [143, 229–232];

б) защита от неправомερных действий и воздействия следователя и иных работников правоохранительных органов (включая аспекты независимости следователей и судей) [144, 28–31];

в) защита от воздействия других участников уголовного судопроизводства или их родственников и близких.

В.К. Лисиченко в связи с этим отмечает, что требуется «разработка законопроектов, направленных на расширение демократических и гуманитарных основ уголовного судопроизводства и совершенствование процедур их осуществления, поскольку в действующем УПК не в полном объеме реализуются общепризнанные основополагающие принципы, признанные в отечественной теории уголовно-процессуального права и ряде международных документов о правах человека и гарантиях их защиты» [145, 84].

«Высшие социальные ценности (психологическое здоровье общества), — отмечают М.М. Михеенко, В.Т. Нор, В.П. Шибико, — должны иметь приоритет перед интересами раскрытия преступлений» [146, 144].

В соответствии с положениями ст. 3 Конституции Украины, ст. 1 Конституции Республики Казахстан можно в принципе согласиться с такой градацией социальных ценностей, акцентом на приоритетах. Однако необходимо иметь в виду, что соотношение этих категорий весьма специфично и своеобразно. Так, меньший объем работы по раскрытию преступлений, как правило, в меньшей мере затронет интересы членов общества (связанных с участием в расследовании), но в итоге — по результатам низкой раскрываемости преступлений — непременно отразится на психологическом состоянии общества. Другой пример: меры защиты прав и интересов жертвы преступления всегда связаны с ограничением прав и интересов виновного и наоборот. Например, установление возможности анонимного свидетельствования в определенной мере ограничивает возможности виновного на защиту, а противоположный порядок ставит под угрозу жизнь и здоровье граждан, которые могут оказать содействие в борьбе с преступностью.

Обеспечение защиты прав и интересов человека и совершенствование рациональности расследования преступлений всегда находятся в противоречии: любое усиление гарантий прав личности усложняет процедуру расследования и наоборот. Поэтому необходимо искать их правильное соотношение («золотую середину»), а не бросаться из крайности в крайность. При этом не следует забывать, что любое усложнение процедуры расследования, обеспечивая повышение гарантий прав личности по конкретным вопросам, в конечном итоге скажется на полноте защиты прав личности по другим аспектам. Поэтому при создании условий для решения задач уголовного судопроизводства должно быть обеспечено разумное соотношение учета интересов и прав всех участвующих в этом лиц и сторон.

Борьба с преступностью в современных условиях требует совершенно нового подхода к средствам и способам собирания информации для раскрытия и расследования преступлений. Сейчас все больше приходится сталкиваться с тем, что не только свидетели, но нередко и потерпевшие не желают сообщать известные им данные о преступлении. Тут и просто «нежелание связываться с правоохранительными органами», и заинтересованность (в том чис-

ле в результате подкупа), а главное — боязнь — как потенциальная, так и реальная (следствие уже оказанного воздействия). Поэтому особое значение приобретают вопросы обеспечения безопасности лиц, могущих способствовать разоблачению преступников, т.е. их защиты от угроз и посягательств, чтобы они оказали помощь следствию. От фактического решения данного вопроса напрямую зависит эффективность расследования уголовных дел и их рассмотрения судами.

К примеру, в значительной степени неразработанность самой процедуры, механизма реальной защиты участников уголовного процесса, а также существенные тактические просчеты в ходе следствия по делам об организованной преступной деятельности, расследуемым в Казахстане, оказали существенное влияние на результаты расследования и рассмотрения этих дел. Эти выводы согласуются с данными уголовной статистики.

Так, из зарегистрированных в 1988 г. 113 преступлений, подпадающих под признаки ст. 235 УК Республики Казахстан «Создание, участие и руководство организованной преступной группой и сообществом», и 28 фактов бандитизма судами рассмотрено только 19 дел о бандитизме на 78 лиц и 14 дел на 48 лиц — по делам об организованной преступной деятельности. Об актуальности проблемы свидетельствуют также данные опроса работников правоохранительных органов, которые указали, что по каждому второму уголовному делу имело место воздействие на потерпевших и свидетелей [147, 13].

В целом категории лиц, нуждающиеся в защите в сфере уголовного судопроизводства, составляют две основные группы:

а) работники правоохранительных органов (следователи, дознаватели, судьи, оперативные работники и т.п.);

б) потерпевшие, свидетели, подозреваемые, обвиняемые и лица, могущие способствовать изобличению преступной деятельности, прежде всего групп и сообществ, а также родственники и близкие лиц этих двух категорий.

В законодательстве эти группы конкретизируются по-разному. Так, в Законе Украины о государственной защите работников суда и правоохранительных органов кроме непосредственно обозначенных категорий указаны работники Антимонопольного комитета Украины [148].

В законе Российской Федерации о государственной защите, кроме судей и других работников правоохранительных органов,

указаны должностные лица контролирующих органов (налоговой полиции, таможни, рыбоохраны и т.д.) [149].

В отличие от Украины и России в Казахстане, как уже было отмечено выше, еще не принят закон, в котором содержалась бы подробная регламентация вопросов защиты должностных лиц органов, ведущих уголовный процесс, и иных участников уголовного судопроизводства. Однако данные вопросы получили конкретное выражение в УПК страны, и тем не менее их разработанность явно недостаточна в силу объективной связи с доказыванием по уголовным делам. Так, в целях обеспечения безопасности свидетелей, потерпевших, обвиняемых, должностных лиц органов, ведущих уголовный процесс, повышения профилактического потенциала уголовного процесса вводится система норм, регламентирующих порядок защиты этих лиц [ст.ст. 98–101 гл. 12].

Обеспечение мер безопасности возлагается на органы уголовного преследования, в ходе судебного разбирательства — дополнительно на судебного пристава, что, однако, не освобождает сами органы, ведущие уголовный процесс, от принятия мер по собственной безопасности, которая гарантируется им государством.

Меры безопасности могут приниматься на основании устного (письменного) заявления участника процесса либо по собственной инициативе органа, ведущего уголовный процесс. В круг участников уголовного процесса, в отношении которых обязательно принятие мер безопасности, включены потерпевший, свидетель, подозреваемый, обвиняемый, другие лица, участвующие в уголовном процессе, члены их семей и близкие родственники при условии, что в связи с производством по делу имеется реальная угроза совершения в отношении их насилия или иного запрещенного уголовным законом деяния. В качестве мер безопасности разрешается:

- ограничение доступа к сведениям о защищаемом лице, состоящее в изъятии из материалов дела сведений об анкетных данных и хранении их отдельно от основного производства;
- использование защищаемым лицом псевдонима;
- производство процессуальных действий в условиях, исключающих узнавание защищаемого лица или без визуального наблюдения его другими участниками судопроизводства; обеспечение личной безопасности защищаемого; избрание при необходимости меры пресечения; проведение закрытого судебного заседания и многое другое.

При этом защищаемое лицо должно незамедлительно уведомляться об отмене мер по обеспечению его безопасности или раскрытии данных о нем лицам, участвующим в производстве по делу.

Меры безопасности могут приниматься на любой стадии уголовного процесса, даже на этапе, предшествующем возбуждению уголовного дела.

Анализируемые нормы УПК имеют непосредственное отношение к использованию оперативно-розыскных материалов в процессе доказывания по уголовным делам.

О важности защиты судей, следователей и других работников правоохранительных органов свидетельствует и мировой опыт борьбы с организованной преступностью. В нашей практике имели место случаи, когда встречались трудности при назначении состава суда для рассмотрения уголовных дел об особо тяжких преступлениях.

Уже возникла проблема анонимного производства экспертиз в связи с необходимостью избежать угроз и шантажа применительно к такой вроде бы нейтральной фигуре уголовного процесса, как эксперт [150, 26–27].

Особую актуальность представляет защита второй группы лиц, поскольку влиянием и воздействием на них преступники и иные заинтересованные лица осуществляют основное противодействие расследованию.

Л. Брусницын отмечает: «Незащищенность потерпевших и свидетелей от противоправного воздействия побуждает их, и вполне обоснованно, всячески уклоняться от выполнения уголовно-процессуальных обязанностей. Более 30 % опрошенных из 40 тысяч человек на вопрос о их действиях в случае, если они станут свидетелями преступления, ответили, что в правоохранительные органы о случившемся не сообщат» [151, 36].

Основная разница между направленностью воздействия на эти группы лиц состоит в том, что применительно к первой цель в том, чтобы не дать что-либо сделать, а ко второй — не допустить поступление информации либо исказить ее. В первом случае, например, запуганного или подкупленного судью можно заменить, а свидетеля или тем более потерпевшего, как правило, заменить нельзя. Не противопоставляя значения и важности (особенно жизни) лиц первой и второй групп, необходимо отметить значительную массовость посягательств и воздействия на участников процесса из второй группы. Но с другой стороны, государство,

которое не может (или не желает) обеспечить защиту потерпевших, свидетелей и других лиц второй группы — неразумное либо не располагающее необходимыми для этого средствами, а государство, которое не гарантирует безопасности лиц первой группы, — просто бессильное государство.

Ко второй группе законодатель относит практически всех участников уголовного процесса — от потерпевших и свидетелей до гражданского истца и ответчика и их представителей, а также членов семей и близких родственников этих лиц [152]. В проекте Закона Комитета Государственной Думы Российской Федерации по безопасности «О государственной защите потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству» этот перечень дополнен подсудимым и осужденным [153].

Как следует защищать?

К основным направлениям и мерам защиты относятся:

а) правовые, включающие две подгруппы:

— уголовно-правовые (установление ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и имущество защищаемых лиц);

— уголовно-процессуальные (совершенствование процедуры получения информации, обеспечивающей безопасность лиц, представляющих информацию);

б) социально-экономические (предоставление возможности изменить биографические данные, сменить место жительства и работы, обеспечение семьи в случае гибели защищаемого лица и т.д.);

в) физические (предоставление охраны, техническая защита жилых и служебных помещений и т.п.).

Социально экономические и физические меры защиты, во-первых, недостаточно надежны (охранять всегда и везде невозможно, а «исчезнуть, раствориться» в масштабах страны весьма сложно, особенно с учетом возможностей организованной преступности), во-вторых, государство в настоящее время не располагает необходимыми для этого средствами обеспечения надежности и эффективности данных мер защиты. Так, Закон Украины «О государственной защите работников суда и правоохранительных органов» (1994 г.) в ст. 10 определяет: «... может быть наложен временный или постоянный запрет на выдачу сведений о месте жительства защищаемых лиц и иных сведений о них адресными бюро, паспортными службами, подразделениями Госавтоинспекции,

справочными службами АТС и другими официальными информационно-справочными службами».

В идеале это хорошая мера, но в современных условиях, когда «деньги решают все», опасность «утечки» информации весьма велика. Проиллюстрируем это одним примером. В обращении появились фальшивые гривны. Сотрудники ЭКУ МВД подготовили секретную информацию для распознавания этих денег, в которой отметили имеющиеся признаки — недостатки. Через непродолжительное время фальшивомонетки продолжили изготовление этой серии денег, устранив практически все недостатки, которые были отмечены в секретном документе.

В статье 12 этого же Закона говорится: «Решение вопросов переселения в другое место жительства, предоставление жилой площади, материальной помощи ... обеспечивается в порядке, определенном Кабинетом Министров Украины». Какие возможности есть у государства для реализации этих мер в настоящее время? Практически никаких. Так, даже более простое в осуществлении защиты средство в виде обеспечения личной охраны не реализуется либо при этом от защищаемого требуют оплаты «охранных услуг». Например, детям убитого депутата Е. Щербаня предложили охрану по 5 тысяч за одного охранника в месяц. В связи с этим один из них заявил: «Если мы нужны государству — как свидетели — живыми и для этого требуется охрана, то дайте же ее на предусмотренных законом условиях!» [154].

В.Я. Таций отмечает: «Наличие конкретных законодательных актов еще не свидетельствует о реальной защищенности граждан от преступных посягательств» [155, 30].

В США «Закон об усилении безопасности свидетеля» (1984 г.) устанавливает те же меры защиты, которые предусмотрены нашим законодательством, а в плане материальной помощи даже шире, например, обеспечение перевозки мебели и крупного имущества на новое место жительства, выплату денег для удовлетворения основных жизненных нужд и т.д. Но их реальность обеспечивается соответствующим финансированием. Кроме того, в 39 штатах приняты правовые акты по выдаче компенсаций лицам, дающим свидетельские показания и нуждающимся в защите [156, 52–53].

В числе мер защиты предлагается вынесение официального предостережения лицу, от которого исходит угроза насилия или дру-

гих запрещенных законом деяний [15, 131; 106, 158—159]. Предложение правильное, и такую меру предусмотреть необходимо, но ее действенность в современных условиях весьма сомнительна. В США в 1982 г. существенно повышена уголовная ответственность за оказание тайного воздействия на жертв и свидетелей преступлений — штраф до 250000 долларов или тюремное заключение на срок до 10 лет, либо оба наказания вместе [157, 98].

Все это свидетельствует о нереальности многих из отмеченных мер защиты, предусмотренных нашим законодательством, и необходимости поиска тех, которые могут гарантировать надлежащую защиту [158, 153].

В настоящее время наиболее реальной и перспективной представляется система уголовно-процессуальных мер защиты. К ним, прежде всего, следует отнести:

1. Изъятие из материалов уголовного дела сведений о допрашиваемом лице, допрос под псевдонимом. Мера в принципе необходимая, но при ее реализации (на этапе допроса, изъятия данных, обеспечения их тайного хранения и т.д.) свести к минимуму количество осведомленных лиц (2—3 лица — не более) весьма сложно, а следовательно, трудно обеспечить сохранность в тайне этих данных.

2. Представление на допросе (как на следствии, так и в суде) данных, сообщенных лицом, защита которого обеспечивается, тем, кто получил от него эти данные. Например, допрос оперативного работника о данных, которые ему стали известны из донесений или сообщений негласных сотрудников или граждан, как это предлагается в Модельном уголовно-процессуальном кодексе [15, 206].

В судах США допускается допрос не самого свидетеля, а должностного лица полиции или следователя, которым от защищаемого лица в ходе служебной деятельности стали известны обстоятельства преступления [159, 128].

В ФРГ в качестве меры безопасности допустим допрос «по судебному поручению» агента полиции «специально уполномоченным судьей — докладчиком» с последующим оглашением содержания протокола допроса в суде [151, 37].

В практике борьбы с организованной преступностью имеет место не только анонимность допрашиваемого, но и допрашивающего. Так, в Колумбии ведение процессов по делам об организо-

ванной преступности осуществлялось «судьей без лица». При этом подсудимый отвечал перед телекамерой на вопросы судьи, который никому не был известен, кроме назначавшего этих судей президента страны [160, 8–13].

В настоящее время имеется категория дел, по которой свидетели не вызываются в суд. Это дела по незаконному обороту наркотиков. «Но к закону о защите свидетелей, — отмечает судья Киевского городского суда М. Клименко, — это не имеет никакого отношения. В пакете антинаркотического законодательства существует специальная инструкция о порядке проведения оперативной закупки наркотических средств. Оперативному работнику, который осуществляет закупку, присваивается вымышленная фамилия, все это оформляется процессуально, затем показания оглашаются в суде» [161].

Однако сокрытие источника информации вызывает возражения, поскольку это противоречит принципам уголовного судопроизводства, в частности, непосредственности, состязательности и равноправия сторон [162, 51–52; 163, 139]. В ФРГ эта проблема решена за счет ограничения возможности использования данной меры лишь «при защите особо охраняемых интересов (жизни и здоровья свидетеля)».

3. Допрос лица в закрытом судебном заседании. Эта мера рекомендуется для случаев, когда имеются данные об оказании воздействия со стороны лиц, заинтересованных в неправомерном исходе рассмотрения дела [157, 99]. Данную меру следует отнести к условиям, призванным обеспечить надлежащую работу суда, но мерой защиты лица ее вряд ли можно признать, ибо после завершения судебного заседания свидетель оказывается в зоне досягаемости заинтересованных лиц.

4. Проведение следственных действий без контакта лица, нуждающегося в защите, с подозреваемым, обвиняемым и другими лицами, расшифровка перед которыми нежелательна. Вопрос об этом уже давно обсуждается на страницах юридических изданий. В первую очередь речь идет о предъявлении для опознания, очной ставке [106, 159; 164, 50–51; 165, 48–49; 166, 12].

В зарубежных странах, например в США, давно проводится опознание без прямого контакта опознающего и опознаваемого, для чего используются комнаты, разделенные стеклом одностороннего обзора. Представляется, что данный опыт может быть взят нами на вооружение.

Применительно к очной ставке вопросы обеспечения безопасности могут решаться двумя основными путями:

а) организацией очной ставки с использованием технических средств, когда допрашиваемые не видят друг друга;

б) за счет замены прямого общения предложением прослушать магнитную запись показаний другого лица и дать по этому поводу свои объяснения (можно использовать и протокол показаний защищаемого лица, но «звучащая речь» воспринимается более конкретно и эмоционально).

При использовании технических средств (аудио-, видеозаписей) возможны две ситуации. Первая, при которой обеспечивать анонимность участника очной ставки не требуется, необходимо лишь исключить «давление», которое легко реализовать заинтересованному лицу при непосредственном общении. Вторая — анонимность необходима. В этом случае для обеспечения сохранности тайны участника следственного действия рекомендуются технические средства защиты — «закрытие изображения», изменение звучания голоса и т.д. В принципе это использовать можно, но необходимо иметь в виду, что помимо голоса и лица имеется возможность узнать защищаемого по мельчайшим деталям внешности, поведения, одежды. Следовательно, маскировка (сокрытие) при этом должна быть полной, исключая возможность узнавания по каким-либо мелким признакам. Кроме того, содержание данных и способ их подачи также могут служить ориентиром для определения того, кто мог располагать этой информацией, для кого характерна такая манера формулирования и подачи материала.

Из этого в целях защиты способствующих расследованию лиц вытекает задача обеспечения тактических приемов использования конкретных данных. И, следовательно, необходима разработка таких приемов. В основу этого могут быть положены наработки тактических приемов использования оперативно-розыскной информации в расследовании преступлений. Иными словами, можно и необходимо вести речь о тактических аспектах защиты при использовании информации, полученной от лиц, нуждающихся в обеспечении безопасности.

Таким образом, для обеспечения реальной безопасности лиц, способствующих борьбе с преступностью, в уголовно-процессуальном законодательстве должен быть решен ряд принципиальных вопросов по процедуре получения и использования доказательственной информации, которая поступает от нуждающихся в

защите лиц. Это уже отмеченные проблемы анонимного допроса, предоставление данных, полученных от другого лица, и т.д. При этом, поскольку гарантии защиты прав и интересов различных категорий участников уголовного процесса, а также цели и условия борьбы с преступностью и принципы уголовного судопроизводства постоянно находятся в определенном противоречии, законодатель должен в каждом конкретном случае установить, чему он отдает предпочтение — защите прав, сохранению тайны, установлению объективной истины, созданию условий для борьбы с преступностью и т.п. [167, 48].

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ СЛЕДСТВЕННОЙ ТАКТИКИ

Что такое тактика?

Человек всегда стремится к достижению эффективности своей деятельности, чтобы обеспечить качественное решение стоящих перед ним задач и экономию сил, средств и ресурсов. В большинстве случаев это достигается за счет использования рациональных приемов и соответствующих умений и навыков исполнителей. В ряде профессий этого недостаточно и дополнительно необходимо наличие у исполнителей определенных свойств и качеств личности (например, диспетчеры авиаслужб, операторы энергетических объектов и т.п.). Кроме того, есть и такие специфические сферы деятельности, где помимо технологических (процедурных) операций требуется тактическое умение для достижения конкретных целей деятельности.

Термин «тактика» употребляется довольно часто: тактика боя, тактика игры, тактика разговора с больным и т.д. В самом общем плане это слово адресуется различным видам человеческой деятельности и означает умение человека определить направление и характер действий в определенной ситуации и рационально осуществить их с учетом ее особенностей и поставленных задач [10, 16].

Тактика необходима там, где встречается противодействие целям данной деятельности или достижению конкретного результата, и направлена на его преодоление либо нейтрализацию. Тактика в наиболее общем виде заключается в умении переиграть противодействующую сторону за счет маскировки своих намерений,

путем введения в заблуждение, на основе побуждения к определенным действиям и т.п.

Тактика, отмечает Л.Д. Самыгин, характерна для тех видов деятельности, где «имеют место борьба, соперничество, соревнование, конкуренция двух или нескольких сторон, где возникает необходимость оценивать ситуацию, прогнозировать возможное поведение другой стороны и выбирать наилучший вариант своего поведения из нескольких возможных вариантов» [168, 71].

«Несовпадение, противоречие и столкновение человеческих интересов в процессе расследования и обуславливают необходимость следственной тактики, которая с психологической стороны в значительной части представляет собой борьбу интеллекта, воли, характера, нравственных принципов следователя и участвующих в деле лиц», — отмечает Ю.В. Чуфаровский [59, 232].

В следственной деятельности тактике действий следователя при сборе и использовании доказательственной информации принадлежит важная роль, поскольку не только подозреваемые и обвиняемые (в силу стремления уйти от ответственности или смягчить свою вину), но и свидетели (и даже потерпевшие) весьма часто пытаются уклониться от свидетельствования либо дают ложные показания. Нередко подозреваемыми, обвиняемыми и их сообщниками принимаются меры по сокрытию и уничтожению следов преступной деятельности, запугиванию и подкупу потерпевших и свидетелей. Более того, сейчас становятся обычными угрозы, подкуп и провокации в отношении работников следствия и суда, покушение на их жизнь. В таких условиях реализация задач уголовного судопроизводства должна обеспечиваться, прежде всего, за счет мастерства и умения следователя преодолеть всевозможные преграды на пути сбора объективной информации для установления истины по делу. И основным средством достижения этого выступают тактические приемы деятельности, поскольку иные средства воздействия при расследовании недопустимы.

В военной сфере тактику (греч. *тактика* — искусство построения войск) определяют как составную часть военного искусства, включающую теорию и практику подготовки и ведения боя. Ее главные черты — решительность и внезапность действий, сосредоточение сил для главного удара по наиболее слабому месту [169, 221–222; 170, 6]. В этом определении суть тактики выражена умением найти или создать ситуацию, при которой решающий удар

будет нанесен сопернику в наиболее уязвимом для него месте (позиции), т.е. в умении перехитрить противника.

Впервые термин «тактика» в криминалистику ввел А. Вайнгарт. В работе «Уголовная тактика», изданной в 1910 г., он писал о планировании расследования: «Цель этой книги — дать руководство к составлению таких планов и их выполнению. Она имеет в виду дать криминалисту то, что дает военному стратегия и тактика. Поэтому я и назвал ее «Уголовной тактикой» [171].

В криминалистике тактику определяют как:

а) составную часть криминалистики в системе приемов расследования преступления [74, 32];

б) систему научных приемов производства отдельных следственных действий [172, 15].

Развивая и уточняя эти определения, ряд авторов внес в них существенные дополнения: Р.С. Белкин — о рекомендациях по проведению следствия и линии поведения осуществляющих его лиц [173, 71]; О.Я. Баев — о направленности на преодоление противодействия [174, 4]; В.Я. Колдин — об определении оптимальной линии поведения расследующих лиц при их взаимодействии с другими участниками процесса [175, 362]. Таким образом, здесь выделены следующие характеристики криминалистической тактики:

- составная часть науки криминалистики;
- система научных положений;
- совокупность рекомендаций.

Анализируя родовое понятие тактики, Р.С. Белкин подчеркивает, что тактика — это *теория* и *практика* ведения боя [176, 11]. Поэтому и криминалистическую тактику необходимо рассматривать как *теоретические основы* следственной деятельности и как *практическую реализацию* рекомендаций о приемах и способах данной деятельности, т.е. практику, изучение которой дает возможность формулировать и развивать ее теоретические основы.

Что же собой представляет тактика следственной деятельности в ее практическом аспекте? Что содержательно она в себя включает?

В многочисленных определениях следственной тактики отмечаются:

- а) аспекты планирования и организация расследования;
- б) приемы расследования;
- в) приемы подготовки и проведения отдельных следственных действий;
- г) оценка информации в процессе доказывания.

С нашей точки зрения, не все указанные элементы относятся к тактике и имеют тактический характер. Так, при оценке следственной информации не может быть тактических аспектов, если, конечно, не считать таковыми определение того, что из имеющейся информации и каким образом может повлиять на конкретного участника процесса. Но это уже определение возможностей использования информации на основе проведенной ее оценки, что О.Я. Баев называет «тактическими элементами оценки следственной информации» [177, 62]. Тут кстати замечание Р.С. Белкина о том, что «вывод о целесообразности» использования приема или средства является не тактическим решением, а лишь его предпосылкой, учетом существующих для подобного случая научных или эмпирических рекомендаций, из которых еще надлежит сделать выбор — необходимого для данной ситуации, для достижения поставленной цели тактического приема или технико-криминалистического средства» [176, 79].

Собственно тактика действий следователя заключается и проявляется в тех способах его действий при собирании и использовании доказательств, которые направлены на устранение преград между ним и источником информации либо на воспрепятствование искажению или сокрытию информации. Развивая эту мысль, О.Я. Баев отметил, что тактика есть лишь там, где имеется необходимость преодолевать реальное противодействие или предупреждать потенциальное. А если нет конфликтности интересов и противодействия, то нет и тактики [178, 80–85].

Из этого, на наш взгляд, вытекает принципиальное положение о том, что тактика в деятельности следователя присутствует прежде всего там, где имеется *общение следователя* с иными участниками уголовного судопроизводства, причем в ситуациях, когда ими оказывается противодействие или оно возможно и требуется его не допустить (предупредить) или нейтрализовать. Однако противоборство следователя и его оппонентов происходит не только в «очных боях» но и тогда, когда они ставят друг перед другом задачи, которые необходимо разрешить для успешного проведения последующих мероприятий [60, 102], когда следователь, например, откладывая очную встречу с допрашиваемым, рассчитывает (и, следовательно, в случае удачи реализует) на то, какое воздействие это ожидание («Я придумал, как мне объяснить следователю то, на что не имел ответа ранее»; «Я готов и хочу с ним сразиться»; «Мне нужно выяснить, что он сумел проверить с момента предше-

ствующей встречи» и т.п.) произведет на допрашиваемого, что изменит в его поведении. Эту сторону противоборства без личного общения можно проиллюстрировать таким примером. Преступники проникли в складское помещение путем распила дужки навесного замка. При осмотре места происшествия следователь не обнаружил следов распила (металлических опилок) и выдвинул предположение, что имеет место инсценировка кражи с распилом дужки в ином месте. Однако подозреваемые были установлены, после чего выяснилось, что они производили распил дужки над газетой и затем унесли с собой опилки, чтобы направить следствие по ложному пути.

В этом же плане происходит противоборство при обыске, проводимом в отсутствие подозреваемого, когда он при оборудовании тайников старался сделать все так, чтобы воспрепятствовать потенциальному ищущему, ввести его в заблуждение, а следователь за счет рефлексии стремится разгадать ходы и приемы прячущего. То есть тактика, как уже отмечалось, проявляется как при непосредственном, так и опосредствованном противодействии [45, 25–27, 38–39].

Уточнение понятия и содержания криминалистической тактики имеет не только теоретическое значение для развития соответствующего раздела криминалистики, но и важное практическое значение, заключающееся в конкретизации и обеспечении разработки рекомендаций, отвечающих насущным потребностям практики в сфере собственно *тактических* аспектов следственной деятельности. Мы уже отмечали, что сейчас к криминалистической тактике (как разделу науки) и к тактике следственной деятельности относят помимо собственно тактики (приемов и способов получения объективной информации от обладающих ею лиц, стремящихся воспрепятствовать этому) организационные мероприятия, анализ и оценку информации и пр. Так, Р.С. Белкин пишет: «Тактические приемы подготовки, осуществления, фиксации и оценки результатов процессуально-следственного и судебного действия в своей системе составляют его тактику» [176, 135].

Несомненно, организационные и аналитико-мыслительные аспекты следственной деятельности играют важную роль в обеспечении ее рациональности и результативности, в создании необходимых условий использования тактических средств для достиже-

ния конкретных целей расследования, но сами по себе они тактическим характером не обладают.

А.Н. Васильев в системе тактических приемов производства отдельных следственных действий выделяет следующие:

а) основанные на применении логики в условиях расследования;

б) по планомерной организации расследования;

в) по установлению психологических отношений следователя с участниками следственных действий [74, 10–19].

Основным тактическим приемом первой группы, отмечает А.Н. Васильев, является версия. Что-либо тактическое в самой версии (как обоснованном предположении) обнаружить сложно, поскольку она лишь *инструмент* следственного познания, способствующий организации и планомерности процесса расследования. Вряд ли правомерно говорить о тактическом аспекте следственной версии на том основании, что хитрости скрывающегося преступника будет противопоставлена хитрость шагов по его установлению и изобличению. Логические законы и правила могут служить основой тактических приемов следственной деятельности (например, разоблачение ложности показаний путем демонстрации логических противоречий в сообщенной информации), но в принципе тактическими не являются.

К тактическим приемам второй группы А.Н. Васильев относит планирование, мобилизацию и расстановку сил, взаимосвязь следственных и оперативно-розыскных действий, организацию исследования материальной обстановки. И опять-таки эти составляющие не несут никакой тактической нагрузки, а обеспечивают лишь организацию расследования.

Совсем другое дело с третьей группой — приемами, предназначенными для «формирования правильных психологических отношений следователя с участниками следственных действий», которые и являются собственно тактическими. Здесь А.Н. Васильев отмечает два важных обстоятельства. Во-первых, что «в каждом следственном действии, где имеются кроме следователя другие участники (подч. нами. — *Авт.*), возникает необходимость в психологическом контакте». Во-вторых, что такие приемы «раньше разрабатывались лишь для допроса и очной ставки».

Во многих учебниках и учебных пособиях по криминалистике главы и разделы, посвященные порядку проведения отдельных следственных действий, содержат в названии термин «тактика».

Например, «Тактика производства экспертизы» [179, 435], «Тактика назначения и производства судебной экспертизы» [180, 326]. Первый вопрос, который здесь возникает: кем осуществляется «производство экспертиз» и в чем при этом заключается тактика? Поэтому более корректным является название «Тактика назначения и порядок проведения судебной экспертизы» [181, 322]. Анализ содержания этих глав показывает, что в них представлена процедура подготовки и назначения экспертиз, но тактики как таковой нет. В последнем источнике прямо указано, что тактическим условием назначения экспертизы является вопрос о времени ее назначения, однако раскрыто это не в подлинно тактическом плане, а с позиции выбора времени в зависимости от состояния объектов исследования и их сохранности. Даже в учебном пособии «Следственные действия» [78], в котором в главах о каждом следственном действии выделен параграф о его тактических особенностях, не только в главе «Назначение и производство экспертизы», но и в других практически нет либо весьма слабо отражены тактические аспекты их проведения.

Отдельные авторы относят к тактическим приемам само назначение экспертизы [182, 42–59]. Но мероприятие, действие не может быть тактическим само по себе, оно становится таковым лишь в зависимости от целей и способов его осуществления. Тактические элементы могут присутствовать при проведении любого следственного действия, а не только при допросе и очной ставке. По той же причине тактика проявляется только тогда, когда в деле появляется обвиняемый и следователю приходится решать вопросы, связанные с его ознакомлением с постановлением о назначении экспертизы и материалами экспертизы, требующие оценки: не явится ли назначение экспертизы преждевременным раскрытием планов и возможностей следствия; какие и как сформулировать вопросы эксперту с учетом позиции обвиняемого, какие пояснения (например, о возможностях экспертизы и намерениях следствия) следует сделать при ознакомлении; как скажется на позиции обвиняемого вывод эксперта, пришедшего к заключению о невозможности решения поставленного вопроса и т.д. Таким образом, тактика проявляется там и тогда, когда следователю противостоит лицо с противоположными интересами. Причем эта противоположность может проявляться даже в тех случаях, когда общие цели вроде бы едины. Так, при взаимодействии в процессе раскрытия и расследования преступлений следователя с опера-

тивными работниками активность последних в значительной мере будет определяться тем, какие подходы и приемы использует следователь для ее стимулирования (помимо призывов и нотаций), т.е. как он решит эту проблему тактически, особенно в тех случаях, когда преступление раскрыто с оперативно-розыскной точки зрения, но еще не реализовано в процессуальном плане [183]. Или, например, когда нужно «пробудить» и побудить к действию граждан с целью получения их помощи в раскрытии преступлений. Здесь опять важны тактические подходы, выбор средств и способов, которые окажут воздействие на соответствующие «струны души» и обусловят необходимый отклик, реакцию. Например, публикация в газете сообщения с просьбой «Помогите» — это ловля мелкой рыбы сетью с крупными ячейками. А требуется найти тех адресатов, которые должны в форме и манере обращения почувствовать заинтересованность именно в их помощи. Это умение найти подход к конкретному человеку для решения задач расследования и есть тактика следственной деятельности.

В связи с этим представляется весьма актуальной проблема определения, что в «криминалистической тактике» является тактическим.

Р.С. Белкин выделяет в содержании криминалистической тактики:

- учение о криминалистической версии и планировании судебного исследования;
- учение о розыске;
- концепции новых категорий (тактическое решение, тактический риск, тактическая операция и т.д.);
- системы организационного характера, существенные для реализации тактических рекомендаций;
- системы тактических приемов, образующих тактику следственных и судебных действий [176, 13–14]. Как с содержанием раздела криминалистической тактики с этим перечнем можно согласиться, но применительно к следственной деятельности с позиции тактики необходимо разграничивать:
 - организационные аспекты расследования;
 - правила осуществления следственного познания;
 - тактические приемы выполнения отдельных следственных действий.

К организационным аспектам относится то, что способствует наиболее рациональному проведению расследования: планирова-

ние расследования, подготовка к проведению следственных действий с целью обеспечения их результативности и качества, обеспечение применения научно-технических средств, организация взаимодействия следователя с оперативно-розыскными подразделениями и т.п. Вряд ли можно рекомендации по «организации рабочего места следователя, его рабочего дня» относить к криминалистическим, тем более тактического характера [178, 69].

Тактика и правила деятельности

Правила в следственной деятельности представляют собой способы осуществления трудовых операций, составляющие научно обоснованные и апробированные практикой наиболее целесообразные процедурные и технологические приемы обнаружения, сбора, исследования и использования доказательственной информации. К ним относятся правила работы с различными видами следов, последовательности и методичности осмотра, выдвижения и проверки версий, описания по признакам внешности, подбора образцов для сравнительного исследования и т.д. Они отражают, что и как должно выполняться при следственном познании для обеспечения оптимальности деятельности следователя при достижении объективной истины по делу.

А.А. Закатов относит к тактическим приемам (правда, называя их «тактическими требованиями») краткость (непродолжительность) допроса, использование научно технических средств и т.п. [184, 23]. Применительно к следственному эксперименту обычно говорят о «тактических правилах» либо «тактических условиях» его проведения и относят к ним: 1) производство опытов в максимально приближенных условиях; 2) многократность опытов; 3) этапность и т.д. ([185, 347]. Это действительно «правила» и «условия», которые обязательны для обеспечения достоверности результатов проводимого эксперимента, но тактическими они не являются. Тактическими могут быть элементы поведения участников следственного эксперимента (делает не так, как требуется, сообщает не о том, что в действительности видит, и т.п.) либо направленность использования результатов эксперимента (продемонстрировать, убедить и т.д.).

В.Ю. Шепитько, анализируя указанные рядом авторов приемы обследования — передвижения при обыске (последовательное, параллельное, встречное и др.) [78, 75; 184, 74; 186, 252], под-

черкивает, что они не могут быть отнесены к тактическим, поскольку отражают лишь порядок организации работы [187, 10]. В таких приемах самих по себе нет ничего тактического, в них отражены способы деятельности (поиска, исследования и т.п.), базирующиеся на познании и учете объективных закономерностей следообразования и получения доказательственной информации. В.А. Образцов в связи с этим отмечает: «Наряду с приемами при подготовке и проведении какого-либо практического действия реализуются типовые, так или иначе формализованные, безальтернативные шаги, акты процедурного, методического характера. Такого рода средства решения возникающих задач называют правилами» [17, 222; 45, 44–45].

Тактические аспекты расследования отражают общие подходы к решению задач расследования, принятию тактических решений: определению своевременности проведения следственных действий, оценке необходимости осуществления определенных мероприятий с учетом связанного с этим тактического риска, решению о предъявлении доказательств (с последующей детализацией приемов предъявления), определению объема и характера информации при обращении за помощью в розыске к населению и средствам массовой информации, установлению целей и набора действий при планировании и осуществлении тактических операций. Это то, что называют «тактическим уровнем организации расследования» [176, 16], что в процессе непосредственной следственной деятельности конкретизируется в рамках сложившейся следственной ситуации посредством соответствующих тактических приемов. Последние и являются основным выражением и содержанием тактики следственной деятельности.

Таким образом, в практической следственной деятельности, по нашему мнению, надлежит разграничивать организацию и тактику ее осуществления. Это позволит и обяжет ученых, занимающихся исследованием проблем криминалистической тактики, вести конкретную разработку собственно тактических рекомендаций без подмены их общими вопросами организации подготовки и проведения следственных действий, что, как мы уже отмечали, характерно для современного этапа развития криминалистики. Здесь, на наш взгляд, можно провести прямую аналогию с категорией следственных ситуаций. Пока она не фигурировала в качестве элемента криминалистики, работы по методике расследования отличались слишком общим подходом к рассмотрению осо-

бенностей различных частных методик, т.е. без должной конкретизации, особенно сложных для разрешения ситуаций расследования. Теперь же ситуативный подход заставляет, во-первых, выделять наиболее характерные для расследования отдельных видов преступлений ситуации, а во-вторых, давать конкретные рекомендации по способам разрешения каждой из них. Например, в параграфе «Общие положения тактики следственного осмотра» изложены положения об участии понятых и специалистов, измерении, фотографировании, упаковке и опечатывании и т.п., и только применительно к участию в осмотре подозреваемого (обвиняемого) отмечены собственно тактические аспекты. Причем же здесь в названии термин «тактика» [174, 27–43]?

В перечень приемов подготовки к допросу, которые Н.Ш. Сафин именует «тактические приемы организационного характера», он включает:

- тщательное, всестороннее изучение материалов дела;
- изучение личности допрашиваемого;
- определение цели, задачи и предмета допроса;
- установление места и времени допроса, а также способа вызова подозреваемого;
- подготовку вещественных доказательств;
- определение очередности допроса;
- решение вопроса о приглашении на допрос переводчика, педагога;
- получение консультации у специалистов;
- подготовку научно-технических средств;
- установление взаимодействия с органами дознания;
- составление письменного плана [188, 108].

К тактическим приемам удостоверительного характера, по его мнению, относятся протоколирование, применение звуко- и видеозаписи, киносъемки, составление схем (планов), чертежей, рисунков и т.д. А.А. Леви, Г.И. Пичкалева и Н.А. Селиванов к числу тактических приемов очной ставки относят «тщательную подготовку к ее производству» [189, 32]. Л.М. Карнеева свою работу по допросу озаглавила «Тактические основы организации ... допроса» [73].

Р.С. Белкин в отношении тактики розыска отмечает: «Можно говорить о тактике только тех розыскных мероприятий, в ходе которых преодолевается стремление противостоящей следовательно стороны затруднить или сделать невозможным обнаружение

объектов розыска. С такой точки зрения правомерно считать, например, что существует тактика преследования скрывающегося преступника, но нет тактики направления розыскных требований или запросов» [176, 59].

Своеобразным подходом к разграничению тактики и организации следственной деятельности является разделение следственных действий на вербальные, невербальные и смешанные, при которых учитываются особенности получения информации из материальных и идеальных источников, т.е. в зависимости от наличия или отсутствия общения следователя с участником уголовного судопроизводства [186, 228–234; 190, 48–49].

В.Ю. Шепитько отмечает: «Рациональность и эффективность способа действия (тактического приема) являются одним из его существенных признаков. Вместе с тем указанный признак еще не позволяет отграничить тактический прием от иных способов действий (организационных, подготовительных, технических и др.). Разграничение тактического приема от иных способов действий, по нашему мнению, кроется в его психологической сущности, в особенностях психологического механизма его реализации. Такой механизм реализации тактического приема предполагает:

1) его психологическую направленность, связанную с разоблачением лжи, актуализацией забытого, воссозданием происшедшего события, обнаружением сокрытого и т.п.;

2) непосредственное или опосредованное взаимодействие между следователем (судьей) и их респондентами;

3) психологический аспект от его использования (что связано с получением объективных показаний, обнаружением следов и орудий преступления, установлением местонахождения тайника и т.п.)».

Однако в то же время он говорит о «системах тактических приемов, связанных с взаимодействием с материальными объектами» [187, 10, 176]. Из этого, очевидно, следует, что «психологический механизм» реализации тактических приемов рассматривается им и при отсутствии общения следователя с другими лицами.

Из всего изложенного вытекает вывод, что обеспечение четкого разграничения организации и тактики следственной деятельности — не чисто теоретический изыск, а гарантия и условие предметной и полной разработки проблем криминалистической тактики.

О месте и роли тактики в собирании доказательственной информации, ее соотношении с процедурными элементами следственной деятельности давно и верно сказали В. Громов и Н. Логовиер: «Очень многие следственные производства, являясь удовлетворительными с точки зрения соблюдения процессуальных норм, в то же время совершенно неудовлетворительны с точки зрения основной цели всякого расследования — раскрытия в деле материальной истины. Процессуальные нормы внешним образом соблюдены, следствие по делу закончено, а «след»-то сам безнадежно утерян ... Но что было сделано для того, чтобы «след» найти, чтобы запутанный клубок распутать? На первый взгляд, сделано все: свидетели допрошены, длинная цепь протоколов налицо. Но более внимательное ознакомление с делом доказывает, что в действительности следователь брал лишь те доказательства и факты, которые ... сами шли ему в руки ... В сущности, вместо доподлинного расследования и искания истины оказывается чисто обрядовая регистрация всевозможных фактов, которые всплыли сами собой» [191, 130–131].

Тактика в следственной деятельности — это выбор и использование разнообразных способов (средств и приемов) достижения требуемого результата при решении конкретных задач расследования. Это — соответствующий специфике следственной ситуации и целям действий для ее разрешения наиболее рациональный путь получения доказательственной информации по расследуемому делу.

С учетом отмеченного тактика следственной деятельности, по нашему мнению, заключается в использовании специфических способов действия для получения доказательственной информации, состоящих в выборе и реализации соответствующих характеру сложившейся ситуации расследования тактических приемов, направленных на преодоление и нейтрализацию противодействия установлению объективной истины.

Тактика действий преступников

«Поскольку практически каждому расследованию, — подчеркивают С.Ю. Журавлев и А.Ф. Губин, — противопоставляется противодействие, борьба с ним, то само расследование с этих позиций есть не что иное, как борьба против борьбы» [56, 345]. И в этой

борьбе каждая сторона использует свои тактические приемы достижения целей.

«Стремление преступников и их пособников уклониться от уголовной ответственности, помешать установлению истины породило своеобразную «тактику» отдельных категорий преступников, которая, с одной стороны, состоит из богатого опыта совершения преступлений, а с другой стороны, включает в себя большой набор пассивных и активных методов, приемов, способов и средств противодействия следователю в установлении истины ... В значительной мере в ответ на эту «тактику» ... возникла и стала развиваться тактика следователей (с чего и началось в 30–40-е годы прошлого века развитие криминалистики)», — пишет Л.Д. Самыгин [168, 71–72].

Тактика преступников проявляется при подготовке и совершении преступлений, а также в процессе расследования. Первое, прежде всего, характерно для способа совершения и сокрытия преступлений, например, когда необходимо войти в доверие предстоящей жертвы. Так, руководитель предприятия на отдыхе «случайно» встретился с молодым человеком, оказавшимся (по представленным документам) заместителем директора фирмы, занимающейся сбытом цветных металлов, прибывшим для заключения договора о поставке с другим предприятием. Руководитель, предприятие которого испытывало большую необходимость в этом, стал уговаривать своего знакомого «переадресовать поставку» и получил предварительное согласие. На следующий день, ожидая прихода знакомого, руководитель задумался о простоте, с какой разрешается его проблема, и решил: если знакомый появится в точно назначенное время и с бутылкой коньяка (вчера они изрядно «подзарядились»), то, вероятно, он аферист. Но его знакомый не появился и позднее, позвонив, сообщил, что решил заключить ранее намечавшийся договор. Тогда руководитель, забыв о своих сомнениях, стал его отговаривать и в конце концов «уговорил» на сделку с ним. Договор был заключен, а позднее выяснилось, что предоплата наличными была осуществлена бывшему сотруднику прекратившей свое существование фирмы [56, 281–282].

При проведении расследования тактические уловки преступников направлены на установление уровня информированности следователя; получение информации от следователя об интересующих их обстоятельствах; отвлечение следователя от решения намеченных задач; провоцирование следователя с целью вывести

его из равновесия, чтобы уклониться от «настойчивых атак» следователя; дискредитацию собранных следователем доказательств и т.п. Так, для получения возможности передать информацию соучастнику задержанный назвал в качестве соучастника своего знакомого. Поскольку тот все отрицал, следователь устроил им очную ставку. На ней подозреваемый отказался от своих показаний в отношении этого знакомого. Дальнейшей проверкой была установлена его непричастность к преступлению, а также то, что он послужил «каналом» для передачи необходимой информации действительным соучастникам [57, 44].

Поэтому для того, чтобы тактически грамотно вести расследование, необходимо знать тактику действий преступников и владеть арсеналом достаточных средств выявления и нейтрализации их тактических уловок. Отсюда вытекает необходимость криминалистического изучения преступной деятельности как социального явления (а не только способов совершения преступлений) и такого ее элемента, как тактика [192, 8]. По нашему мнению, криминалистическая тактика, как раздел науки, должна включать в качестве составной части «Тактику деятельности преступников».

Р.Г. Домбровский пишет, что криминалистическая тактика — это не только совокупность осуществляемых следователем приемов и методов (линия поведения). Это также линия поведения и других лиц, взаимодействующих со следователем. В частности, определенной линии поведения на допросе придерживается не только следователь, но и допрашиваемое лицо. Более того, в зависимости от линии поведения допрашиваемого складывается и линия поведения следователя» [193, 109].

В.Е. Богинский также отмечает, что «подозреваемый, будучи одной из сторон, стремится строить свою тактику» [194, 13]. Однако в литературе высказываются и другие точки зрения. Так, В.С. Комарков считает, что «замыслы следователя принимают четкую форму тактики поведения, чего нельзя сказать в отношении допрашиваемого. Даже когда допрашиваемый детально планирует свое поведение на предстоящем допросе, его замыслы нельзя отождествлять с тактическими замыслами следователя ни по характеру, ни по содержанию» [85, 7].

Это зависит от того, что понимать под тактикой. Если просто линию поведения следователя, то конечно это не тактика. Если же тактика — в принципе способ действий, направленный на преодоление противодействия, а в более конкретном значении — умение переиграть соперника, то независимо от того, кто использует эти

приемы, тактическим может и должно рассматриваться поведение любого лица: полководца, спортсмена, воспитателя, следователя, оперативного работника и преступника в том числе.

Разумеется, «разработка линии поведения допрашиваемого и других лиц» [195, 40—47] не является задачей криминалистической тактики, но ее изучение и ознакомление с нею практических работников для того, чтобы они строили свою тактику осознанно, с учетом конкретного представления о возможных формах и приемах противодействия, абсолютно необходимы.

В нашем опросе на вопрос о необходимости специального изучения преступной деятельности и тактики действий преступников 99,4% слушателей и 98,1% следователей ответили утвердительно.

Таким образом, криминалистическая тактика в ее практическом аспекте — это умение переиграть соперника, который стремится к целям, противоположным решению задач уголовного судопроизводства и достижению объективной истины по конкретному уголовному делу, т.е. тактика — это средство преодоления противодействия расследованию законными приемами и методами.

Теоретическая разработка и практическое совершенствование следственной деятельности требуют разграничения организационных сторон деятельности следователя по подготовке и осуществлению следственных действий на уровне технологических правил их выполнения и тактических аспектов, определяющих творческий поисковый характер действий следователя, направленных на преодоление противодействия заинтересованных лиц.

С учетом этого в предмет криминалистической тактики должно быть включено изучение тактики действий преступников как в рамках осуществления ими преступной деятельности, так и на этапе проведения расследования и судебного разбирательства.

ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ДОПРОСА

Как определить тактику допроса?

Достижение как общей, так частных целей допроса возможно путем использования различной тактики, применения разнообразных тактических приемов. Так, разоблачение ложных показаний может быть осуществлено на основе имеющихся доказательств, путем обращения к содержащимся в показаниях факти-

ческим и логическим противоречиям, с помощью очной ставки и т.д. Применительно к каждой конкретной ситуации допроса эффективность различных тактических приемов может быть весьма разной — от ее высшего уровня (получение более высокого результата, чем планировалось, например, выявление фактов и обстоятельств, о которых следствию ничего не было известно) до нулевого и даже отрицательного результата (на очной ставке соучастник, ранее дававший объективные показания*, отказался от них). Потому успешность допроса определяется прежде всего выбором тактики, соответствующей характеру ситуации.

Г. Шнейкерт подчеркивал: «От умелости и искусства должностного лица, производящего допрос, всецело зависит, сможет ли он и в какой мере вскрыть ... тайну и получить сведения, важные для раскрытия истины» [30, 22—23]. А эти умелость и искусство связаны прежде всего с тактическим мастерством допрашивающего.

Выбор тактики допроса зависит от:

- а) ситуации допроса (первичный, повторный, наличие психологического контакта и т.д.);
- б) процессуального положения допрашиваемого и уровня его заинтересованности в результатах расследования;
- в) особенностей допрашиваемого лица (возраста, характера, уровня правовой осведомленности, наличия преступного опыта и т.п.);
- г) характера информации и доказательств, которыми располагает следствие, и т.д.

При первичном допросе следователь выбирает тактику с учетом уровня его осведомленности о том, что собой представляет допрашиваемый, а затем по мере ее реализации и характера реагирования на нее допрашиваемого определяет удачность избранного варианта либо необходимость внесения корректив (вплоть до полного отказа от используемых приемов).

Планирование и подготовка к проведению допроса включает в себя три основных элемента:

- а) организационный — обеспечение рационального осуществления допроса (когда и где целесообразно провести его с позиции рационального использования бюджета времени и возможностей следователя — сегодня, завтра, утром, вечером, одному или с помощниками, какие использовать технические средства и т.д.);

* К объективным показаниям относятся подтверждаемые другими доказательствами данные, а не просто «признательные показания».

б) содержательный — определение полноты и взаимосвязи подлежащих выяснению обстоятельств;

в) тактический — установление соответствующих средств и приемов решения конкретных задач допроса (кого допросить раньше, какую информацию необходимо собрать или проверить для разоблачения ложных показаний, каков уровень «готовности» допрашиваемого для реализации намеченных тактических приемов и т.д.). Следовательно, организационные аспекты допроса должны включать создание условий для решения тактических задач проводимого следственного действия.

Для того, чтобы успешно использовать выбираемые тактические приемы, следователь должен прежде всего ответить на два важнейших вопроса:

а) каков уровень подготовленности к использованию намеченного тактического приема;

б) каковы возможные варианты развития событий (реагирование допрашиваемого на использованный прием) и «запасные ходы» следователя.

Проиллюстрируем это примером. Следователь предъявил подозреваемому доказательство, рассчитывая на его уличающий характер, а подозреваемый нашел ему совершенно иное объяснение. Так, на месте кражи из квартиры на двух бутылках, переставленных в серванте, обнаружили следы пальцев рук, по которым был установлен подозреваемый. Следователь рассчитывал, что этими следами «загонит его в угол». Однако подозреваемый быстро нашелся и выдвинул такую «легенду». С учетом того, что на первом этаже здания, где была совершена кража, расположен винный отдел гастронома, заявил, что ранее он заходил в этот магазин и намеревался купить спиртное и даже взял у продавца три бутылки, но потом передумал и вернул две бутылки. «Отсюда, наверное, на бутылках в квартире оказались мои следы рук», — заявил подозреваемый. Наивность объяснения очевидна, но следователь настолько растерялся, что не сразу смог продолжить допрос, на что, естественно, обратил внимание допрашиваемый. В конечном итоге данный подозреваемый был изобличен в совершении кражи, но необходимо отметить, что следователь своими ошибками создал эту ситуацию. Одна из ошибок заключалась в том, что он сразу заявил подозреваемому, что *на двух бутылках вина* обнаружены следы его пальцев. А следовало сказать об этом без конкретизации и тогда подозреваемому сложнее было бы творить свою

«легенду» — что именно из спиртного покупал, в каком количестве и т.д.

Поэтому, намереваясь осуществить какое-либо мероприятие, использовать тот или иной прием, следователь должен предварительно оценить, к каким последствиям это может привести, чтобы определить, следует ли в данной ситуации действовать таким образом (и что для этого нужно) либо необходимо искать иные пути и средства.

При выборе тактики допроса необходимо иметь в виду, что не только один и тот же тактический прием может быть реализован различными средствами, но и сами средства (предметы, документы, иные носители информации) могут быть использованы в различных формах. Так, тактический прием «создания у допрашиваемого представления о высокой степени осведомленности следователя» может быть реализован постановкой вопросов, отражающих знание предмета беседы, рассказом о том, как развивалось событие, демонстрацией доказательств либо комбинацией отмеченных и иных средств. Например, доказательство может быть введено в структуру допроса самыми различными способами: путем сообщения следователем о наличии такого доказательства, предъявлением протокола о его изъятии, демонстрацией самого доказательства либо его фотоснимка и т.п.

В тех случаях, когда следователь видит, что избранные им средства и приемы не дают желаемого результата или даже вредят сбору доказательственной информации, он должен внести необходимые коррективы. Если он заранее предусмотрел возможные варианты развития событий, то следует перейти к использованию других намеченных (запасных) средств и приемов. Если он заранее «не обеспечил свои тылы», а ситуация не подсказывает, какие приемы и средства следует применить, нецелесообразно действовать методом «проб и ошибок», ибо это может лишь дискредитировать «ищущего» следователя в глазах допрашиваемого и не приблизить, а удалить от искомой цели. Здесь может быть целесообразен временный (в рамках данного допроса) переход к другой теме либо отказ от обсуждения этого вопроса, перенос на следующий допрос, чтобы, проанализировав, почему избранный прием не дал ожидаемого результата, определить, какой будет соответствовать сложившейся ситуации.

Выбор тактических приемов, соответствующих конкретной следственной ситуации и решению стоящих при этом задач, пред-

полагает «извлечение» из множества возможных того приема, который предположительно будет наиболее результативным. Для этого требуется систематизация тактических приемов, которая позволяла бы осуществлять требуемый выбор из «блоков» аналогичных по своей направленности приемов.

«В настоящее время претерпевает закономерный пересмотр ставшее традиционным понимание тактических приемов как произвольно избираемой программы производства того или иного следственного действия ... Имеющиеся в распоряжении следователя тактические приемы (рекомендации), не составляя каких-либо систем, произвольно избирались в зависимости от определения их возможной эффективности ... Между тем современное состояние криминалистической тактики ... позволяет ставить вопрос о разработке типичных систем тактических приемов при организации следственных действий. Создание таких систем вовсе не противоречит творческому характеру и свободному выбору тактических приемов, а облегчает избрание такой последовательности и комплексности последних, которая обеспечивает быстрое решение поставленной задачи в конкретной обстановке», — отмечают по этому поводу А.Н. Колесниченко и В.Н. Коновалова [196, 99].

«Система тактических приемов следственного действия, — подчеркивают В.Е. Коновалова и В.Ю. Шепитько, — должна представлять собой не простую их совокупность, не любой их перечень, а лишь такое построение, которое предполагает организацию их в виде целостного образования, в котором составляющие его компоненты взаимосвязаны между собой, занимают соответствующее место в определенной последовательности и выполняют необходимые функции» [45, 4].

Классификация тактических приемов допроса

В криминалистической литературе давно предпринимались попытки классификации тактических приемов. Для этого авторами использовались самые различные основания в соответствии с их трактовкой сущности и назначения тактических приемов и выделением в них того аспекта (стороны), который представляется им наиболее значимым.

Так, А.Н. Васильев классифицировал тактические приемы по их природе: а) основанные на применении логики в расследовании; б) направленные на установление психологического контакта; в) призванные обеспечить планомерную организацию рассле-

дования [112, 10–11]. А.Н. Колесниченко и В.Е. Коновалова подразделяют их в соответствии с целевой направленностью на: а) установление психологического контакта; б) изобличение во лжи; в) установление самооговора; г) преодоление запираательства и т.п. [196, 100]; В.Е. Богинский — в соответствии с определенными целями допроса [194, 7]; Л.М. Карнеева — по характеру конфликтности ситуаций [73, 30]; О.Я. Баев — по отношению допрашиваемого к искомой следователем информации [177, 93]; В.Г. Лукашевич — по элементам допроса — свободный рассказ, постановка вопросов, предъявление доказательств [12, 46]; В.И. Гончаренко и Ф.М. Сокиран — по направленности (основанию) психологического воздействия [54, 24–25]. Н.И. Порубов, В.С. Комарков и другие авторы используют многочисленные основания для своих классификаций тактических приемов [197, 68–75; 85, 11–14].

Приведенные классификации тактических приемов вызывают ряд замечаний. У А.Н. Васильева в классификации использованы разные основания. А.Н. Колесниченко и В.Е. Коновалова не в полной мере выдержали основание своего деления — в качестве самостоятельного направления они указали «избрание приемов психологического воздействия», а разве остальные приемы не связаны с воздействием? Л.М. Карнеева выделяет, во-первых, слишком большие и общие группы, во-вторых, отдельные приемы при практической реализации могут «кочевать» из группы в группу. В.Г. Лукашевич также использует классификацию, при которой вряд ли можно обеспечить четкую градацию (разделение) приемов по этапам. У О.Я. Баева использован недостаточно подходящий термин — «отношение к информации», ибо речь идет не о том, как обладатель информации к ней относится, а обладает он ею или нет.

В классификации В.И. Гончаренко и Ф.М. Сокирана, во-первых, скорее всего отмечены разнообразные средства воздействия, а не конкретные приемы их использования, во-вторых, некоторые из них вряд ли можно отнести к тактическим приемам (например, интерьер служебного кабинета, строгое соблюдение норм закона), а включение отдельных приемов в определенные блоки вызывает сомнение (например, отнесение ознакомления лиц с их правами к эстетическому блоку).

Таким образом, каждая классификация тактических приемов имеет свои достоинства и недостатки. Достоинства прежде всего связаны с углубленной проработкой (отражением) выделенного аспекта, а недостатки — с неполнотой либо односторонностью их характеристики.

Представляется правильным замечание Р.С. Белкина о том, что попытки найти универсальное «жесткое» основание для классификации тактических приемов допроса обречены на провал, как и стремление «намертво» привязать тот или иной прием к определенному звену классификации [176, 165; 198, 6].

В.Ю. Шепитько отмечает, что классификация тактических приемов должна осуществляться в соответствии с объективно существующими между ними закономерными связями, а в качестве основания указывает конкретные цели их использования [187, 88–89].

Мы разделяем его позицию и мнение других авторов, которые считают, что основанием для классификации тактических приемов наиболее целесообразно избрать цели их использования, но закономерность их взаимосвязи вряд ли будет связана с этой характеристикой приемов. Цель использования средства, приема, метода — это, как правило, внешняя привнесенная категория, а закономерность явления в первую очередь связана с его природой, сущностью.

Классификация тактических приемов, как и иных категорий, имеет два назначения — теоретическое и практическое [199, 144].

Теоретическое назначение служит основой для познания природы и сущности явления, его оценки, определения направлений и путей дальнейшего развития и т.д. Практическое — заключается в определении наиболее рациональных путей использования в соответствующей сфере деятельности.

С практической точки зрения систематизация тактических приемов должна обеспечивать следователю возможность выбора из группы приемов, объединенных целью решения определенной задачи, того, который соответствует сложившейся ситуации — характеру и линии поведения лица, наличию и содержанию имеющейся в распоряжении следователя информации и т.д.

Систематизация тактических приемов (и отражающих их научных рекомендаций) по признаку того, что они позволяют решить при проведении следственных действий, обеспечивает не только эффективность и рациональность конкретных действий следователя, но и способствует установлению соответствия этих приемов потребностям следственной практики — все ли решаемые следователем в процессе производства следственных действий задачи и в какой мере обеспечены необходимыми тактическими средствами [200, 71].

Тактические приемы, каким образом они бы ни были классифицированы и систематизированы, реализуются в конкретных следственных ситуациях и их выбор определяется характером конкретной ситуации. При характеристике этих ситуаций отдельные авторы акцентируют внимание на позиции допрашиваемого. Например, В.А. Образцов делит эти ситуации на простые, сложные и суперсложные [17, 159–160]. Однако, во-первых, вряд ли можно выделить объективные критерии для разделения сложных и суперсложных ситуаций, во-вторых, сложность ситуации определяется не только поведенческой линией допрашиваемого, но и наличием и характером информации, имеющейся в распоряжении следователя, т.е. того, с помощью чего следователь может воздействовать на допрашиваемого с целью изменения занятой им позиции. Кроме того, возможно влияние и иных факторов, например, уровня профессионального мастерства следователя (что один решит «играючи», другой может не разрешить вообще) или конкретного характера противодействия следователю в ответ на используемые приемы.

«Каждое тактическое действие следователя может встретить свое противодействие со стороны допрашиваемого. На противодействие последует очередное действие следователя и т.д. В результате возникает ряд многочисленных действий и противодействий», — указывает В.С. Комарков [85, 7].

Отсюда вытекает необходимость систематизации тактических приемов по средствам и характеру их направленности и действия, чтобы имелась возможность не простого (случайного) перебора приемов до выявления действенного, а выбор из числа направленных на достижение соответствующих целей с учетом особенностей ситуации и специфики противостоящей личности.

Ситуации при допросе

По характеру происходящего на допросе можно выделить четыре основные ситуации:

- а) правдивость допрашиваемого;
- б) добросовестное заблуждение;
- в) дача ложных показаний;
- г) отказ от дачи показаний.

В первой ситуации нет противодействия прямого, но косвенное заключается в том, что следователь не всегда знает, какой

конкретно информацией, необходимой по делу, располагает допрашиваемый, а допрашиваемый нередко не представляет, что именно из известного ему требуется следователю. Л.М. Карнеева приводит следующие данные исследования: по 10% дел, возвращенных на дополнительное расследование, от допрашиваемых были получены важные для дела сведения, вопросы о которых ранее вообще не ставились. В 13% случаев новая информация при дополнительном расследовании была получена по вопросам, задававшимся ранее [73, 34]. Разрешение этого противоречия зависит от умения следователя найти и «состыковать» потребное и возможное. В этом плане важное место принадлежит правилу начинать допрос со свободного рассказа. Свободный рассказ позволяет добросовестному допрашиваемому системно, в соответствии с тем, что и как именно он воспринял, воспроизвести при пересказе, поскольку все воспринятое, как правило, представляет собой единое взаимосвязанное целое, а не отдельные разрозненные детали мозаики, которые могут «возникнуть» при вопросно-ответной форме допроса, поскольку допрашиваемый будет сообщать то, о чем его спрашивают («следователю виднее»), а не то, что он сам считал бы относящимся к делу.

При недобросовестности допрашиваемого, особенно при намерении уклониться от сообщения правдивой информации, свободный рассказ вынуждает его «творить» обстановку и обстоятельства события и своего участия в нем в соответствии со своими способностями и возможностями. А чем больше он придумает и «сотворит», тем проще будет его изобличить.

Помимо отмеченного, свободный рассказ выгоден для следствия и тем, что не раскрывает в полной мере интерес следователя, позволяет оценить позицию и намерения допрашиваемого.

Во второй ситуации есть два основных варианта: а) допрашиваемый не помнит интересующее следователя; б) сообщенное им вызывает сомнение в силу логического или фактического противоречия либо несоответствия уже имеющейся по делу информации.

В первом варианте необходимо применение приемов восстановления забытого, основанных на использовании ассоциативных связей (обращение к обстоятельствам, смежным во времени и пространстве с искомыми; демонстрация наборов аналогичных объектов, позволяющая вспомнить интересующий объект либо уточниться с его характеристикой; допрос на месте события и т.д.).

Творческий подход следователя к подобной ситуации демонстрирует следующий случай. Музыкант ресторанный оркестра, крепко выпив, отправился с незнакомой компанией в гости, где продолжал пьянствовать. Очнулся он на улице без верхней одежды и денег. Ничего о местонахождении дома, в котором провел ночь, и новых «друзьях» он сказать не мог. Тогда следователь, помимо вопросов «что» и «где», уделил основное внимание вопросу как все это происходило и чем могло быть примечательно. В результате подробных вопросов следователя потерпевший вспомнил, что при входе в подъезд дома он обратил внимание на мелодичный звук, издаваемый дверью. Тогда следователь дал задание оперативному работнику сделать вместе с потерпевшим обход домов в том районе, где последний оказался, когда пришел в себя. И они нашли дверь, петли и пружины которой издавали звук, зафиксированный профессиональным слухом музыканта. А в подъезде установили квартиру его «друзей» [201, 125–126].

Во втором варианте главное – разобраться в причинах, которыми может быть объяснено несоответствие показаний – наличие объективных (условия восприятия) либо субъективных (состояние организма и отношение к происшедшему) факторов, повлиявших на это. Если при этом выяснится недобросовестность допрашиваемого, то ситуация перерастает в третью, которая связана с дачей ложных показаний. Необходимо отметить, что она весьма распространена и основная часть тактических приемов допроса направлена на ее разрешение.

Четвертая ситуация – наиболее сложная, поскольку за отказом от дачи показаний, как правило, стоит достаточно веская причина, без выяснения которой и принятия реальных мер для ее устранения либо нейтрализации изменение позиции допрашиваемого практически невозможно.

Остановимся на характеристике природы и назначении отдельных тактических приемов.

Маскировка целей допроса

В тех случаях, когда следователь предполагает или сталкивается с отказом подозреваемого от дачи показаний либо с дачей ложных показаний, он может прибегнуть к маскировке целей допроса как в целом (что именно его интересует на данном допросе), так и применительно к отдельным обстоятельствам расследуемого со-

бытия. Первое может достигаться темой допроса, отсутствием акцента на интересующем, местом проведения допроса и т.д.

Преступники, выдававшие себя за работников милиции, под видом проведения обысков похитили значительные ценности у жителей Киева, Харькова и Москвы. Подозрение в причастности к данной группе пало на жителя Днепропетровска, который в период совершения этих преступлений выезжал из города на своей автомашине. Допрашивать его в «открытую» не имело смысла, поэтому следователь пригласил его на допрос в помещение ГАИ и спросил, не проходил ли маршрут его поездки в указанный период через Вологду, где имело место дорожное происшествие с автомобилем сходных характеристик (модель, цвет и т.п.). Не зная истинного интереса следователя и стремясь защититься от подозрения в причастности к автопроисшествию, допрашиваемый показал, что в Вологде он не был, а находился в этот период в Харькове, Киеве, Москве. При этом сослался на данные, подтверждающие факт пребывания там [202, 88].

Следователю известно многое

В случаях, когда допрашиваемый отрицает свою причастность к событию преступления либо скрывает отдельные его обстоятельства, способом изменения такой позиции может выступать создание впечатления, что следствие располагает определенной информацией об интересующем. Это впечатление может быть сформировано на основе мнения, что знание об отдельной стороне (части) события может означать осведомленность о нем в целом. Данные, которые может использовать следователь для создания такого впечатления у допрашиваемого, могут касаться как конкретных обстоятельств совершенного преступления, так и иных связанных с ним аспектов, например, сведений о личности причастных к преступлению лиц, их поведении и т.п. Демонстрируя осведомленность о жизни допрашиваемого, его наклонностях, связях, поведении при совершении и расследовании предыдущих преступлений, занятиях в период, предшествующий преступлению и после его совершения, следователь способствует созданию впечатления о том, что «он знает все».

Больше тактических возможностей открывается при оперировании информацией, отражающей отдельные стороны совершенного преступления, причем не всегда обстоятельств данного рас-

следуемого преступления. Это наглядно иллюстрирует следующий пример. При допросе подозреваемого в совершении краж на железнодорожном транспорте следователь широко использовал информацию специалистов о технологии обработки рефрижераторных поездов, режиме их работы, расположении и использовании в качестве тайников для перевозки похищенного секций, ниш и других мест поездов, о применяемой железнодорожниками терминологии и т.п. Все это было оценено подозреваемым как знание следователем конкретных фактов и обстоятельств совершенных преступлений, и он дал подробные показания [203, 25].

При признании подозреваемым совершения одного преступления и предположении о совершении других «игра на впечатлении об осведомленности» в случае наличия определенной информации об одном из них может строиться следующим образом: «Вы утверждаете, что рассказали все о своей преступной деятельности. Но есть еще одна кража, о которой Вы не упомянули».

Перед допрашиваемым встают вопросы: о какой краже знает следователь? О какой следует рассказать? Если он расскажет не о той, о которой знает следователь, у последнего появляется возможность продолжить начатую «игру»: «Вы снова утверждаете, что рассказали о всех совершенных Вами преступлениях?» И если допрашиваемый ничего не дополнит, следователь сможет выложить «свой козырь»: а кража, совершенная там-то?

Разновидностью рассматриваемого приема является «выдача информации к размышлению», которая может выглядеть таким образом. Следователь: «Я мог бы спросить Вас о ... (называет конкретное обстоятельство) или о ... (приводит иные), но сегодня прошу рассказать только о ... (называет какое-либо второстепенное обстоятельство либо такое, о котором имеет возможность говорить предметно)». Таким образом, он беседует о том, о чем располагает информацией, а на остальное лишь намекает и дает возможность «погадать»: «Чем же располагает следователь? Что он знает о том, на что намекнул?» Разговор об этом обычно можно отложить до следующей встречи.

Допрос вдвоем

Существенные организационно-тактические особенности имеет допрос с участием третьих лиц. Ими могут быть: а) «со стороны» следователя — прокурор, второй следователь, специалист, помощник и т.д.; б) «со стороны» допрашиваемого — представитель,

адвокат; в) «нейтральные» — переводчик. Цель участия и характер влияния на процесс допроса определяются функциональными обязанностями и отношением к происходящему.

Прокурор может принять участие в допросе по просьбе допрашиваемого, его защитника, с целью контроля работы следователя, для оказания ему помощи, например, при остроконфликтной ситуации. В двух первых ситуациях присутствие будет «сковывать» следователя, и он должен строить и контролировать свое поведение с учетом этого обстоятельства. Это ни в коей мере не означает, что следователь по-разному будет относиться к допрашиваемому, к соблюдению его прав в отсутствие и в присутствии прокурора или иного лица. Но психологически работа один на один и в присутствии «посторонних» строится совершенно по-разному. В третьей ситуации следователь может и должен использовать фактор помощи, но при этом может возникать специфическая психологическая «окраска» взаимодействия.

Участие второго следователя в допросе, если не преследуется цель нагнетания атмосферы допроса за счет его интенсификации (один следователь устал, подключается другой, а допрашиваемый «работает» без перерыва) или игры в «доброго» и «злого» следователей, имеет существенное организационно-тактическое значение. Когда следователь допрашивает один, он должен помнить исходный материал для беседы, изучать и контролировать поведение допрашиваемого, формулировать вопросы, оценивать сообщаемое, запоминать его для последующего протоколирования, вносить коррективы в избранную тактику допроса и т.д. Множественность одновременно решаемых задач может приводить к тому, что что-либо упускается следователем из виду, что-либо забывается и т.п. Поэтому второй следователь может способствовать устранению таких упущений, например, не только за счет наблюдения за поведением допрашиваемого (как он прореагировал на тот или иной вопрос, предъявление доказательства и т.д.), но и за действиями самого допрашивающего (сделал что-либо не так, забыл что-то и т.п.).

Участие в допросе специалиста (за исключением оказания технической помощи при фиксации) преследует две основные цели: а) оказание содействия в выяснении сложных специальных вопросов; б) предотвращение введения следователя в заблуждение, в том числе за счет разоблачения неправильности показаний допрашиваемого [204, 38–39; 205, 52–54].

Участие защитника при допросе, по мнению следователей, выражается в организационно-психологическом дискомфорте. Это проявляется в следующем:

а) необходимости увязывать свой план работы с возможностями защитника [206, 48–50];

б) в формальном совпадении целей (достижение объективной истины), но фактическом их расхождении: следователь проверяет причастность к преступлению, а адвокат стремится обеспечить непривлечение подзащитного к ответственности;

в) в том, что следователь вынужден раскрывать свои «карты», а защитник может лишь присутствовать и собирать данные для последующей своей «разрушительной» деятельности в суде;

г) в том, что защитник своим вмешательством (постановкой вопросов, предложением подзащитному не отвечать на заданный вопрос и т.п.) может мешать следователю в реализации намеченной тактики допроса и т.д.

Данные об участии адвокатов в следственных действиях (кроме допроса и очной ставки) свидетельствуют об их пассивности, объясняемой «тактическими соображениями», под которыми, исходя из смысла статьи И. Миловой, следует понимать позицию — основная работа будет в суде [207, 45–46].

По данным нашего опроса, адвокаты указали следующие формы участия в сборе доказательственной информации:

а) путем указания следователю источников данных — 42,7%;

б) путем участия в проводимой следователем работе — 45,6%;

в) за счет их собственного поиска — 28,5%.

При этом адвокаты отметили следующие цели своего участия в судебном разбирательстве и расследовании:

а) исправить односторонность расследования — 79,8%;

б) выявить ошибки следствия — 71,2%;

в) оказать помощь в установлении истины — 68,4% (т.е. 2/3 опрошенных);

г) оспорить собранные следствием доказательства — 31,3% (т.е. 1/3 опрошенных);

д) защитить подзащитного любой ценой — 5,7%.

В литературе правильно ставится вопрос о расширении прав и возможностей участников уголовного процесса, в том числе защитника, в плане сбора и представления доказательств [208, 9–11]. Но при этом весьма актуален вопрос: кому предоставляются собранные (полученные) ими данные и объекты? Если следователю,

то такое решение может только приветствоваться; если в суд, то получается уже отмечавшийся нами парадокс: цель вроде бы одна, а работает каждый сам по себе, причем следователь не имеет информации, которой располагает защитник. В итоге может пострадать уголовное судопроизводство.

Таким образом, участие защитника в допросе (и ином следственном действии) ставит перед следователем ряд частных задач:

а) не терять инициативу руководства допросом;

б) контролировать поведение адвоката (словесные и жестовые подсказки подзащитному), его реакции на ход допроса и т.д.;

в) анализировать его поступки с целью определения, на что именно прореагировал адвокат и как конкретно (усмехнулся, огорчился), что за этим стоит — допущенная следователем ошибка или удачный ход, т.е. оценка используемой тактики и потребность внесения в нее изменений;

г) подробная фиксация всего, что характеризует участие адвоката в данном допросе (когда и в связи с чем было заявлено ходатайство, какой и после чего последовал вопрос, какие конкретно были подсказки подзащитному и т.д.) [209, 41–55].

Следовательно, участие в допросе третьих лиц требует от следователя иного подхода к организации и тактике его проведения, ибо здесь наличествуют разнообразные специфические особенности.

О чем говорит проговорка?

Иногда в ходе допроса допрашиваемый может допустить проговорку, т.е. сказать то, что не намеревался говорить или чему не придавал значения как информации, представляющей интерес для следствия. Проговорка может быть случайной, без целенаправленных действий следователя на ее достижение, и может быть организована (подготовлена) следователем. Случайная проговорка — это везение, а организованная — результат мастерства следователя.

Организация «проговорки» строится обычно на неожиданности той ситуации, к которой следователь осознанно ведет допрашиваемого [53, 119–120]. Как, например, в случае с метким стрелком, когда после похвалы о своих стрелковых успехах допрашиваемому на вопрос следователя: «А почему ты стрелял дважды?» было трудно найти какое-нибудь иное объяснение, кроме действительного, и он ответил: «Я подумал, что промахнулся»

[210, 180]. Но проговорка не может рассматриваться в качестве самоцели. Главное для следователя — не просто услышать из уст допрашиваемого о конкретном обстоятельстве, но и сразу же получить другие подтверждающие его данные.

Отказ допрашиваемого от допущенной проговорки — «Я ошибся», «Я сказал не то, что было на самом деле» и т.д. — не позволяет следователю реализовать планировавшийся прием, не ведет к получению доказательств, как ожидалось, но подсказывает следователю, что он на правильном пути в поиске истины.

В связи с отмеченным случайные проговорки требуют от следователя быстрой реакции и выбора тактически грамотного решения применительно к каждой конкретной ситуации. Здесь возможны следующие основные варианты: а) попытка сразу же «закрепить успех», т.е. получить развернутую информацию по поводу проговорки; б) «сделать вид», что не обратил внимание на допущенную проговорку, и позднее, на этом же допросе, подождя, не будет ли каких-нибудь ее дополнений и развития, вернуться к данному обстоятельству (например: «Чем можете объяснить сказанное о том-то?») либо, собрав необходимые данные, связанные с содержанием проговорки, обратиться к этому вопросу на следующем допросе. Последнее может быть целесообразно и в психологическом плане, поскольку допрашиваемый может решить, что следователь не заметил проговорку, успокоиться, и вопрос об этом станет для него неожиданным, в варианте отсроченной внезапности. Правда, здесь есть опасность того, что за время до следующего допроса он подготовит и продумает достаточно разумное объяснение. Поэтому выбор вариантов реагирования на проговорку в каждом отдельном случае зависит от уровня знания следователем характера допрашиваемого, содержательной стороны допущенной проговорки, наличия у следователя подтверждающих ее данных и т.д.

Проговорка обычно связана с преступной осведомленностью.

Преступник — это обычно лицо, наиболее осведомленное о всех обстоятельствах совершенного преступления. Причем о некоторых деталях события иногда может знать только его участник. Поэтому знание лицом, подозреваемым в совершении преступления, подобных обстоятельств, является преступной осведомленностью и может служить свидетельством причастности к преступлению. Таковым может быть знание о факте, о котором кроме присутствовавшего при совершении события никто не мог знать.

Сожительница убитого показала, что когда она вошла в комнату, где он находился, то увидела, как из колото-резаной раны на его груди фонтаном била кровь. Кто нанес рану, она не знает, так как никого здесь не видела. Обилие крови возле трупа подтверждало данные о фонтанирующем кровотечении. Поскольку фонтанирование крови при повреждении крупных кровеносных сосудов продолжается лишь несколько секунд, напрашивается вывод о том, что сожительница должна была видеть не только убийцу, но и момент нанесения ранения. После разъяснения данного обстоятельства она созналась в совершении убийства [211, 21–25].

Выяснение степени осведомленности (знает, как участник в качестве очевидца получил информацию из других источников) имеет значение не только для разоблачения преступников, но и для выявления самоговора. Применительно к последнему практика богата примерами того, когда при детализации показаний оговорившего себя лица оно не в состоянии ответить на многие вопросы, характеризующие обстоятельства совершения преступления: не может подробно описать и не ориентируется в обстановке места происшествия, не знает последовательности осуществления действий при реализации цели преступления и т.п.

Внезапность при допросе

Тактика следственной деятельности (как комплекс наиболее целесообразных приемов ее осуществления) характеризуется не только элементами, определяющими общий порядок и приемы производства следственных действий, но и особенности их выполнения в сложных неблагоприятных ситуациях, когда заинтересованные лица препятствуют процессу расследования (отказываются от показаний, дают ложную информацию и т.п.). При подобных обстоятельствах тактика служит средством преодоления противодействия, так как без активных действий и обеспечивающих их наступательность тактических приемов реализация задач расследования практически невозможна. Одним из таких средств является внезапность.

Внезапность заключается в таком осуществлении работы следователя, которое обеспечивает непредусмотренность содержания и характера его действий противодействующей стороной, что предоставляет ему тактическую инициативу и обычно способствует успеху [58; 212; 213].

Внезапность при допросе может быть обеспечена за счет использования различных факторов:

а) времени, когда какие-либо мероприятия осуществляются в тот момент, который явится для допрашиваемого неожиданным. При этом внезапность заключается не только в упреждающей неожиданности, но и в отсрочке того, что может ожидать допрашиваемый [214, 218–219];

б) участия в допросе определенных лиц, появление которых либо дача ими показаний является для допрашиваемого неожиданными;

в) места проведения следственного действия. Применительно к допросу это будет, например, его проведение без предварительного приглашения, что обычно дает возможность вызываемому обдумать причину вызова и определить линию своего поведения. Сам факт неожиданной встречи и необычность места его проведения воздействуют на допрашиваемого и ограничивают возможность оказания продуманного противодействия следователю;

г) осуществления мероприятий, характер которых неизвестен допрашиваемому либо неожиданен применительно к конкретной ситуации.

В одном из сел была изнасилована и убита школьница. В процессе расследования установили, что незадолго до исчезновения ее фотографировал у школы знакомый парень, на которого пало подозрение в совершении убийства. На допросе он признал факт ее фотографирования и в подтверждение своей непричастности к убийству представил фотопленку, объяснив, что после съемки погибшей, когда она ушла, он продолжал фотографировать других школьников. Проведенная по фотопленке судебно-астрономическая экспертиза установила, что между кадром, на котором запечатлена потерпевшая, и следующим снимком был разрыв во времени 2 часа 45 минут. Установление этого факта с помощью экспертизы произвело на подозреваемого такое впечатление, что он тут же сознался в совершении преступления [58, 28–29];

д) смена (изменение) тактической линии поведения следователя, используемых тактических приемов, к которым «приспособился» либо привык допрашиваемый, и т.д.

В случаях, когда допрашиваемый отрицает свою причастность к преступлению, скрывает осведомленность об обстоятельствах расследуемого события, возможно использование так называемых следственных хитростей [177, 132–148].

Следственные хитрости весьма разнообразны по своим целям и способам реализации. Это уже отмечавшиеся приемы маскировки целей допроса, организация проговорки, создание представления об осведомленности следователя и т.п. Общее в них заключается в создании ситуации, когда допрашиваемое лицо может продемонстрировать свою осведомленность, открыто прореагировать на выданную ему информацию. Подозреваемый в совершении квартирной кражи вел себя на допросах вызывающе: не отрицал причастности к краже, но показаний для протокольной записи не давал, соучастников не называл, места нахождения похищенного не указывал. К следующему допросу следователь нашел у знакомых потерпевшего (участников совместной поездки в Индию) один из аналогичных похищенному сувениров и поместил его на сейфе, накрыв газетой, но так, чтобы его можно было рассмотреть с места, на котором будет сидеть допрашиваемый. Пригласив подозреваемого, следователь стал детально расспрашивать его о предыдущей судимости, занятиях после освобождения из ИТУ, связях и т.п. Подозреваемый все время бросал взгляд в сторону сейфа, отвечал на вопросы с промедлением, односложно, а затем, сказав «Хватит об этом», подробно рассказал о совершении кражи, в том числе о месте нахождения похищенного, где оно и было после допроса обнаружено и изъято [215, 135].

Суть тактических приемов, именуемых «следственной хитростью», заключается в выдаче информации допрашиваемому (без каких-либо признаков давления и подчеркивания значения этих данных либо объектов), на которую может прореагировать лишь осведомленное об этом лицо.

Когда показания ложны

Причины, по которым даются ложные показания, весьма разнообразны. Свидетель может лжесвидетельствовать в силу нежелания участвовать в расследовании, боязни мести, заинтересованности в результатах расследования и т.п. Подозреваемый — в связи с намерением уйти от ответственности, уменьшить свою вину, скрыть соучастников и т.д.

Изменения позиции лица, дающего ложные показания, можно добиться, как правило, путем выяснения и устранения причины, по которой они даны, либо на основе использования доказательств, демонстрирующих их ложность. В соответствии с этим первооче-

редной задачей следователя при наличии ложных показаний является выяснение причины дачи таких показаний.

Ложность показаний может быть установлена следователем по следующим признакам:

а) по противоречию иным данным по делу. Чаще всего это расхождение показаний с результатами осмотра места происшествия, свидетельствами других лиц и т.д. Иногда это может проявляться в несоответствии фактической обстановке, закономерностям объективной действительности.

При попытке нелегального пересечения границы с Белоруссией был задержан гражданин с контрабандным грузом, следовавший на легковом автомобиле. Задержанный показал, что приехал из Киева в Чернигов и на обратном пути заблудился. Следователь предложил ему вновь начать путь из Чернигова. При этом он обратил его внимание на два обстоятельства: во-первых, на то, что из Чернигова в Киев ведет хорошая асфальтовая трасса, а в сторону Белоруссии — грунтовая, во-вторых, на наличие на выезде из Чернигова большого количества указателей направления движения. После этого задержанный признался в намерении следовать в сторону Белоруссии;

б) по наличию внутренних противоречий в самих показаниях;

в) по описанию событий, особенно отдаленных во времени, с чрезмерной точностью;

г) по совпадению в мельчайших деталях показаний нескольких допрашиваемых, что обычно свидетельствует о сговоре, поскольку у реальных очевидцев и участников не может быть полного совпадения в воспринятом, так как каждый видит и оценивает в соответствии со своими особенностями, интересами, роли в свершившемся и т.д.

При расследовании изнасилования и убийства, совершенных особо жестоким способом и со специфическим издевательством над жертвой, были установлены и изобличены пять преступников, которые сознались в содеянном и дали одинаковые показания. Следователя насторожила быстрота признания преступников в таком дерзком преступлении, и он, обратившись к материалам обобщения практики расследования убийств, проведенного Л.Г. Видоновым [216], установил, что подобным способом убийства и изнасилования совершают обычно неоднократно судимые и дебилы. Среди выявленных преступников таких не оказалось. Произвели изучение их окружения. Дебилов в нем не установили,

но было несколько неоднократно судимых. Один из них оказался шестым наиболее активным соучастником – инициатором совершения данных преступлений и таким именно способом [217, 18];

д) по отсутствию в показаниях несущественных подробностей, что может свидетельствовать о том, что повествуемое не пережито допрашиваемым;

е) по различному объяснению одних и тех же обстоятельств на разных допросах;

ж) по настойчивому, неоднократно повторению допрашиваемым по собственной инициативе каких-либо утверждений (типа «Я хорошо это запомнил», «Я этого не видел»). Восточная мудрость гласит: «Ты сказал мне в первый раз – и я поверил. Ты повторил – и я усомнился. Ты сказал в третий раз – и я понял, что ты лжешь» [218, 299];

з) по уклонению от ответа на прямой вопрос, попытке представить, что вопрос следователя непонятен;

и) по допущению проговорки;

к) по наличию выражений и категорий, не соответствующих уровню образования и развития допрашиваемого, свидетельствующих, что он говорит «с чужих слов»;

л) по сокрытию фактов, которые, по сведениям следователя, хорошо известны допрашиваемому [219, 128–130].

Приведенный перечень признаков лжи не является исчерпывающим. Можно отметить дополнительно такие признаки, как поведение допрашиваемого, его реакции на содержание и ход беседы.

К тактическим приемам выявления и разоблачения ложных показаний относятся:

1) максимальная детализация показаний, заставляющая лгущего «творить» факты и обстоятельства, которые можно проверить (о погоде в день события, работе транспорта, отключении электроэнергии и т.п.);

2) проведение повторного допроса, позволяющего выявить расхождения, которые неизбежны при сотворении выдуманных событий и наполнении их конкретизирующими обстоятельствами;

3) допущение легенды, т.е. выслушивание всего ложного сообщения без высказывания сомнений и недоверия, чтобы, во-первых, создать впечатление, что легенда принята, а во-вторых, получить достаточно широкую базу для последующей проверки и разоблачения;

4) пресечение лжи на начальном этапе допроса, когда для ее опровержения имеются достаточные данные;

5) проявление интереса к мелким второстепенным фактам и умолчание о других известных следствию обстоятельствах (своеобразный резерв следователя), что порождает недоумение допрашиваемого и, возможно, преувеличенное представление об информации, которой располагает следователь, в связи с отсутствием интереса к главному;

6) начало допроса с обстоятельств (эпизодов), наиболее известных следователю и подкрепленных доказательствами;

7) использование темпа постановки вопросов допрашиваемому: а) быстрый — затрудняет возможность продумывания ложных ответов и увеличивает эмоциональное напряжение, способствующее появлению проговорок, б) замедленный — позволяет обеспечить детализацию фактов и устранение от освещения «слабых мест» в показаниях;

8) предъявление доказательств.

Список тактических приемов, способствующих выявлению и разоблачению ложных показаний, может быть продолжен. Помимо приведенных здесь и рассмотренных в других параграфах работы следует указать различные приемы убеждения и разъяснения: неправильности по существу и вредности для себя занятой допрашиваемым позиции, достаточности доказательств для изобличения без его показаний, ложности чувства взаимовыручки путем демонстрации нетоварищеского отношения со стороны выгораживаемых лиц и т. д.

В.А. Образцов указывает такой своеобразный прием воздействия в отношении запирающегося допрашиваемого, как использование данных об активном противодействии расследованию, осуществляемом лично им либо его близкими и заступниками [17, 164].

Алиби — правда или ложь?

Одним из вариантов ложных показаний является заявление ложного алиби, которое обычно строится на основе:

а) сговора с лицами, готовыми свидетельствовать в пользу подозреваемого;

б) ссылки на реальное событие (встречу, посещение какого-либо мероприятия), которое смещается во времени на момент события преступления;

в) заявления алиби при отсутствии подтверждающих его данных, например, подозреваемый заявляет: «Я пришел домой с работы и лег спать. На пути домой я никого не встречал».

Проверка последнего заявления весьма сложна, поскольку и при реальном алиби возможны случаи отсутствия подтверждающих свидетельств (ни с кем не встречался, ничего особого не произошло, не оставил конкретных следов своего пребывания в указанном месте и т.п.). В подобных ситуациях необходимо искать возможности проверки сделанного заявления путем выявления тех обстоятельств и фактов, которые должен был знать подозреваемый, если в определенное время был в указанном им месте. Это могут быть какие-либо события, происшедшие в проверяемое время у соседей, в подъезде дома, во дворе (торжественные события, драка, отключение света и т.п.), приход знакомых и близких проверяемого, их телефонные звонки и т.д.

Основным способом разоблачения ложного алиби, сконструированного на основе сговора, является максимальная детализация показаний, поскольку сговориться можно лишь об основном — месте, времени, участниках и т.д. Но невозможно предусмотреть *все детали*, о которых может спросить следователь. К деталям, например, при встрече в компании, могут относиться: как возникла идея этой встречи, кто был ее инициатором, чему она была посвящена, как определялись время и место встречи, кто осуществлял приглашение, все ли намеченные приняли приглашение, в какой последовательности собрались участники встречи, кто во что был одет, чем каждый занимался после прихода, о чем шел разговор, какой он носил характер (интересный, спокойный, нервный и т.п.), как был сервирован стол, кто этим занимался, стол был накрыт до прихода гостей или это завершалось уже при них, оказывал кто-нибудь из их гостей помощь в этом, из чего состояли закуска и выпивка, не было ли каких-либо происшествий во время застолья (что-нибудь опрокинули, разбили, разлили и т.д.). Приведенный перечень вопросов «к встрече за столом», разумеется, не является исчерпывающим, а лишь демонстрирует некоторые направления проверки, которые могут развиваться практически бесконечно. Иными словами, разоблачение сговора — это прежде всего желание и умение следователя найти детали, которые не предусмотрели допрашиваемые.

Максимальная детализация показаний преследует цель не только «расширения поля» (возможностей) для их проверки, но и для

реализации следующего тактического приема — проведения повторного допроса. Дело в том, что вымысел на уровне деталей, во-первых, не позволяет сохранить все в памяти и, следовательно, при повторе будет много расхождений, обусловленных этим, во-вторых, «развитие» обстоятельств придуманного события весьма характерно для последующих рассказов и будет добавлять новеллы и расхождения с ранее сообщенным.

Разоблачение алиби, построенного на основе смещения события во времени, базируется на тех же приемах выявления несоответствий. Однако оно гораздо сложнее, поскольку расхождения будут касаться только обстоятельств времени (часов, последовательности дней), т.е. того, что изменено, а все остальное будет реальным, так как событие было на самом деле. Поэтому основное внимание должно быть обращено на детализацию и характеристику временных обстоятельств: чем подтверждается, что речь идет именно об этом времени, об этом дне недели; что конкретно предшествовало и последовало за этим событием; какими обстоятельствами, которые имели взаимосвязь с другими фактами и лицами, оно отличалось и т.д.

Важное значение при проверке алиби имеет выявление не столько того, что расскажет об интересующем времени допрашиваемый, сколько того, что он не может знать о реальном наполнении времени, на которое он смещает период алиби.

При проверке алиби необходимо учитывать его полную и частичную подтвержденность. Полная означает, что выяснен весь временной период алиби, т.е. установлено, что от его начала и до конца конкретное лицо находилось в определенном месте. Частичная свидетельствует о том, что пребывание лица не зафиксировано на всем временном отрезке. Практика, к сожалению, богата примерами того, когда на основе частично установленного алиби (с пробелами контроля за пребыванием) делали вывод о непричастности подозреваемого к совершенному им преступлению [220, 34–36].

Самоговор

В ряде случаев ложные показания могут быть связаны с оговором и самооговором. При подозрении на оговор обязательно должен быть выявлен характер взаимоотношений, расхождение интересов. Так, если допрашиваемый изобличается во лжи другим проходящим по делу лицом, то прежде чем использовать эти по-

казания, следует выяснить их отношения: как они знакомы, не было ли между ними неприязни, ссоры, нет ли оснований для оговора. Если есть, то следует подумать о целесообразности предъявления этих показаний, если же скажет, что отношения нормальные, то менее вероятно последующее заявление об оговоре.

Самооговор может быть обусловлен:

- а) намерением взять на себя вину своих близких, друзей;
- б) желанием выгородить своих соучастников;
- в) воздействием подлинных виновников совершенного;
- г) целью сокрытия своего участия в другом более тяжком преступлении;
- д) безысходностью сложившейся неблагоприятной ситуации;
- е) предвзятостью и мерами незаконного воздействия со стороны следователя и оперативных работников [17, 193—194].

Самооговор проявляется прежде всего в недостаточной осведомленности об обстоятельствах расследуемого события, согласии во всем со следователем, в стремлении к быстрейшему завершению расследования. Поэтому как ложные показания с целью введения следствия в заблуждение, так и «взятие вины» на себя должны тщательно проверяться и обязательно подтверждаться другими данными.

Когда отказываются от дачи показаний?

Отказ от дачи показаний может выступать в двух формах: «Мне ничего не известно» и «Я не желаю говорить на эту тему». В таких ситуациях главное — установить причину, по которой лицо заняло подобную позицию, поскольку без устранения этой причины «разговорить допрашиваемого» весьма сложно либо вообще невозможно. За ситуацией «Мне не известно» может действительно стоять непричастность к определенному событию или неосведомленность о нем, что надлежит учитывать при выборе средств и приемов преодоления позиции отказа.

В числе тактических приемов, направленных на преодоление позиции отказа от дачи показаний, можно отметить следующие:

1. *Разъяснение и убеждение в том, что занятая позиция вредна для самого допрашиваемого.* Этот прием обычно необходим тогда, когда допрашиваемый:

- а) не ориентируется в сложившейся ситуации и не видит устраивающего его выхода;

б) неправильно оценивает сложившуюся ситуацию и соответственно не видит возможности выхода из нее;

в) правильно оценивает имеющуюся ситуацию, но не намерен что-либо предпринять для ее разрешения, в том числе наиболее благоприятного для него.

В первых двух случаях данный прием обычно бывает результативным, поскольку следователь раскрывает допрашиваемому то, что он вообще не видит либо неправильно оценивает. Целью этого приема является не просто «раскрыть глаза» допрашиваемому, а помочь ему понять, что для него наиболее приемлемо.

Действенность данного приема определяется и достигается тогда, когда разъяснение носит не общий характер («Так бывает»), а индивидуальную конкретность положения данного лица;

2. *Проведение беседы на отвлеченную тему.* Эта беседа может преследовать различные цели:

а) составить представление о допрашиваемом (чертах характера, уровня развития, возможной реакции на различные тактические приемы);

б) дать возможность допрашиваемому успокоиться, когда обстоятельства дела и прибытия на допрос вывели его из равновесия и мешают нормальной беседе (это может иметь место, если следователь не намерен воспользоваться фактором неожиданности, например, при задержании с поличным), и главное —

в) отвлечь от темы, на которую допрашиваемый не желает вести беседу, чтобы в последующем в иной форме или при иных обстоятельствах вернуться к ней;

3. *Вовлечение допрашиваемого в спор.* Для этого следователем затрагивается второстепенный факт (вопрос), который допрашиваемому несложно опровергнуть. Если допрашиваемый пойдет на это, ему предлагается другое обстоятельство такого же плана. Он опровергает и его, постепенно втягивается в спор и начинает спорить по тем вопросам, которые для следователя являются целью данного допроса и обеспечены доказательствами;

4. *Воспроизведение следователем того, как все было при совершении преступления.* Картина преступления может быть воссоздана следователем на основе той информации, которая получена помимо подозреваемого (данные осмотра места происшествия, показания иных лиц, оперативно-розыскная информация) и творчески осмыслена и оценена им. Но решаясь на этот шаг, следователь должен учитывать меру связанного с ним риска. Если следователь разга-

- факте и его характере;
- которые именно в совокупности свидетельствуют о конкретном факте и его характере;
- б) предъявление комплекса взаимосвязанных доказательств, которые именно в совокупности свидетельствуют о конкретном факте и его характере;
- а) предъявление единичного доказательства, когда в распоряжении следователя нет других доказательств, когда следователь не желает полностью «раскрывать свои карты» либо когда требуется подкрепить, продемонстрировать какое-либо отягчающее обстоятельство;
- б) в ходе ряда допросов одного лица;
- а) предъявление на одном допросе;
- По временному направлению использования доказательств:*
- Различаются следующие способы предъявления доказательств. Решения вопросов: с какой конкретной целью, каких именно доказательств, каким образом.
- а) ориентирование допрашиваемого на изложение сведений, ин-тересующих следствие;
- б) оказание помощи в восстановлении забытого;
- в) изменение во лжи;
- г) изменение установки на отказ от дачи показаний.
- Организационно предъявление доказательств заключается в решении вопросов: с какой конкретной целью, каких именно доказательств, каким образом.
- а) ориентирование допрашиваемого на изложение сведений, ин-тересующих следствие;
- б) оказание помощи в восстановлении забытого;
- в) изменение во лжи;
- г) изменение установки на отказ от дачи показаний.
- Организационно предъявление доказательств заключается в решении вопросов: с какой конкретной целью, каких именно доказательств, каким образом.

Предъявление доказательств

7. Использование доказательств.

- а) в ходе ряда допросов одного лица;*
- б) в ходе ряда допросов одного лица;*
6. Демонстрация намерений и возможности следствия по сбору, исследованию и использованию доказательственной информации (раскрытие возможности судебных экспертиз, объяснение планов следо-вателя и т.п.);
5. Использование противоречий в интересах проходящих по уголовному делу лиц;
- а) ориентирование допрашиваемого на изложение сведений, ин-тересующих следствие;
- б) оказание помощи в восстановлении забытого;
- в) изменение во лжи;
- г) изменение установки на отказ от дачи показаний.
- Организационно предъявление доказательств заключается в решении вопросов: с какой конкретной целью, каких именно доказательств, каким образом.
- а) ориентирование допрашиваемого на изложение сведений, ин-тересующих следствие;
- б) оказание помощи в восстановлении забытого;
- в) изменение во лжи;
- г) изменение установки на отказ от дачи показаний.
- Организационно предъявление доказательств заключается в решении вопросов: с какой конкретной целью, каких именно доказательств, каким образом.

в) предъявление всей совокупности доказательств, собранных по делу.

По характеру предъявления (представления) доказательств:

а) упоминание о наличии доказательств;

б) перечисление имеющихся доказательств с указанием источников их происхождения, поскольку для подозреваемого иногда неожиданнее и «страшнее» может быть именно источник, а не сама информация, например, сообщение, что потерпевший остался жив и скоро будет готов к даче показаний, что имеется очевидец происшествия и т.д.;

в) «случайная» демонстрация доказательств. Здесь имеются в виду варианты использования и «тактических ловушек» и такие, например, приемы, как оставление «по забывчивости» на столе какого-нибудь документа или предмета и затем его укрытие;

г) предоставление возможности рассмотреть, изучить доказательство;

д) подчеркнутая демонстрация (разъяснение) признаков предъявляемого объекта, указывающих на его связь с преступным событием.

По характеру последовательности предъявления доказательств:

а) по нарастающей силе. Данный прием заключается в том, что по мере предъявления доказательств по нарастанию их важности и значения для установления факта причастности к совершению преступления происходит «расшатывание» позиции подозреваемого, т.е. чем дальше развивается процедура использования доказательств, тем труднее подозреваемому опровергать их и ставить под сомнение;

б) по убывающей силе, когда оно начинается с решающего доказательства, а последующие должны продолжить и закрепить произведенное им «впечатление» [12, 55]. Такой способ предъявления доказательств вызывает сомнение, поскольку в случае «неуспеха» решающего (по мнению следователя) доказательства развивать и «закреплять» будет нечего, а придется думать о поиске иных путей для реализации намеченной цели.

При выборе и определении решающего доказательства необходимо учитывать, что для каждого подозреваемого решающим будет свое, не обязательно процессуально значимое. В.С. Комарков отмечает, что дело не только в том, «какую юридическую роль в доказательственной системе играет предъявляемое на допросе

доказательство, но и в том, какое значение придает ему допрашиваемый» [85, 42].

По делу, где имелось достаточное количество изобличающих подозреваемого доказательств, он упорно отрицал свою причастность к совершению преступления. Тогда следователь принял решение произвести выборку по оставленному преступником на месте происшествия предмету одежды. Когда собака «выбрала» подозреваемого, он не только сознался в совершении данного преступления, но и рассказал о другом, о причастности к которому его не было известно следователю [221, 84–95].

По характеру дополнительных условий, усиливающих воздействие предъявляемых доказательств:

- а) неожиданное предъявление доказательств (внезапность);
- б) предъявление доказательств после предварительного выяснения обстоятельств, связанных с ними [73, 42–43];
- в) предъявление с разъяснением значения доказательств [222, 27–28];
- г) использование научно-технических средств для разъяснения особенностей предъявляемых доказательств, например, демонстрация с помощью электронно-оптического преобразователя текста, залитого красителем, или с использованием микроскопа — следов подчистки в документе и т.п. [17, 157–158].

Успешность использования доказательств в значительной мере определяется уровнем подготовленности к их предъявлению. Подготовка включает следующие основные моменты:

- а) определение целесообразности предъявления данного доказательства конкретному лицу, т.е. прогнозирование того, какой положительный результат может быть достигнут и какие негативные последствия возможны;
- б) определение оптимального времени для предъявления, когда еще не рано и уже не поздно;
- в) определение оптимальной тактики предъявления с учетом характеристики личности.

Тут есть и такой технический момент: где до предъявления будут находиться доказательства, чтобы до предъявления они не отвлекали внимания допрашиваемого от предмета допроса, и чтобы когда понадобятся, были под рукой, чтобы время, затраченное на их подготовку к непосредственному предъявлению, не стало паузой, позволяющей допрашиваемому собраться и подготовиться к неожиданному. Паузы в допросе должны, как правило, иметь мес-

то по плану и намерениям следователя. В иных случаях они — проявление недостаточной подготовленности следователя к допросу.

И.Н. Якимов отмечал, что «настоящий» преступник сознается в совершенном преступлении только тогда, когда он:

а) изобличается неопровержимыми уликами или пойман врасплох при допросе;

б) рассчитывает при помощи сознания достигнуть смягчения участи или избежать длительного предварительного заключения;

в) путем сознания надеется избежать ответственности за другие им совершенные, но еще неизвестные органам расследования преступления;

г) желает взвалить всю тяжесть вины на других, на соучастников, на общество или на сложившиеся обстоятельства и пр. [223, 22].

Поэтому задача следователя заключается не только в изобличении виновного, но и в выяснении причин признания им вины, чтобы быть уверенным в достижении объективной истины.

При использовании тактических приемов, направленных на разоблачение ложных показаний и преодоление отказа от дачи показаний, необходимо иметь в виду, что признанию преступника может препятствовать не только боязнь наказания, но и другие психологические факторы: уязвленное самолюбие, чувство не ловкости и стыда перед следователем, которому он неоднократно говорил «нет», а затем вынужден сказать «да» и т.п. Этот резкий, мучительный для подозреваемого переход от полного отрицания вины к ее признанию может быть облегчен сменой в подходящий момент допрашивающего [224, 39—40].

Следователь получил оперативную информацию

Важной проблемой обеспечения решения задач допроса в сложных следственных ситуациях является использование оперативно-розыскных данных в расследовании преступлений. Этим вопросам, с учетом усложнения условий борьбы с преступностью и усиления противодействия расследованию, уделяется все больше внимания [65, 48—51; 225].

По характеру и возможностям использования оперативно-розыскных данных в расследовании и, в частности при допросе, их можно разделить на две группы:

а) фактологическую — информация о конкретных обстоятельствах расследуемого события (данные о сообщниках, месте нахождения похищенного, способе совершения преступления и т.п.);

б) ориентирующую — информация о намерениях и линии поведения конкретных лиц (на что надеется допрашиваемый, чего опасается, какие действия намерен предпринять и т.д.).

Н.И. Кулагин и И.И. Порубов отмечают и третью группу — информация, указывающая пути проверки доказательств и способы их оценки [65, 50]. Выделение этой группы представляется нам излишним, поскольку охватывается основанием второй группы, а сами данные в основном являются производными из данных первой и второй групп.

Если источник получения оперативно-розыскной информации гласный или при необходимости может быть расшифрован, использование этих данных не представляет собой специфики. Например, оперативный работник с помощью видеосъемки зафиксировал встречу сообщников, доставку груза и т.п. Эти видеоматериалы вместе с рапортом оперативного работника могут быть непосредственно представлены следователю, который решит их судьбу и способы использования. Если материалы и источник не могут быть расшифрованы, то подход к использованию этих групп данных должен быть совершенно различным. Для данных первой группы основной путь заключается в поиске процессуальных источников их подтверждения, без чего использование грозит расшифровкой негласных источников либо лиц, не желающих выступать открыто. Применительно ко второй группе возможности использования достаточно широки и определяются конкретным содержанием данных. Например, поступает информация о том, что подозреваемый боится появления в распоряжении следователя какого-нибудь доказательства. Оно у следователя уже имеется. Теперь его задача заключается в том, чтобы выбрать такой тактический прием предъявления доказательств, в котором указанное подозреваемым появилось бы совершенно естественно, без выделения. Или другой пример. Следователю сообщают, что подозреваемый, содержащийся под стражей, дал согласие на воспроизведение обстановки и обстоятельств события, чтобы попытаться совершить побег. Принятие мер к предупреждению побега — обязанность следователя при подготовке и проведении следственных действий, поэтому он должен был позаботиться об этом и без поступившей информации. Расшифровка же оперативных данных

произойдет в том случае, если следователь примет «сверхмеры», особенно при повторных мероприятиях, когда «раньше было так», а теперь изменилось — в данном случае усилилось. Иными словами, используя оперативную информацию такого плана, следователь должен избегать «демонстраций», чтобы все выглядело как положено и как было ранее.

Таким образом, тактика использования оперативно-розыскной информации при допросе определяется двумя обстоятельствами: а) содержательно — что собой представляют данные, как и для чего они могут быть использованы; б) организационно — как их использовать без расшифровки источника получения. Один из таких приемов можно проиллюстрировать следующим примером. П. совместно с племянником решил совершить кражу денег из кассы своего предприятия. Разработанный им план «операции» предусматривал:

а) совершение кражи через полгода после увольнения с предприятия;

б) сразу после кражи П. должен совершить незначительное преступление, чтобы на непродолжительный срок оказаться в тюрьме;

в) по отбытии наказания можно будет смело тратить украденные деньги (в частности на покупку автомашины), которые до этого должны быть спрятаны втайне от племянника.

Первые два пункта плана были выполнены. Через два года, за месяц до освобождения П. его племянник был арестован за другое преступление и, находясь в камере, заявил: «Мое дело пустячное, а вот дядя сел за колеса и вернется из казенного дома на своих колесах» (П. совершил мошенничество с бракованными покрышками). Сопоставив эти данные с личностью «дяди», выдвинули версию о его причастности к нераскрытой краже из кассы его бывшего предприятия. Следователь принял решение допросить П. в качестве свидетеля по вопросам, относящимся к периоду его работы на предприятии, где была совершена кража, объяснив, что кража не раскрыта и «допрашиваются все». В ходе допроса следователь обронил фразу: «Было бы неплохо, отсидев «за колеса», вернуться «на своих колесах». После этого П. занервничал, начал расспрашивать о жене, родителях, племяннике. И тут же услышал от следователя: «Этот уже сидит». Фактически это соответствовало действительности, но причину ареста следователь не уточнял.

В связи с этим П. решил, что племянник «сдался», и попросил принять от него явку с повинной (пример В.А. Колесника).

С учетом отмеченного — потребности и сложности использования оперативно-розыскной информации — считаем необходимой разработку тактических аспектов использования данной информации при допросе в рамках раздела криминалистической тактики.

Изложенные позиции, несомненно, требуют дальнейшей процессуальной регламентации взаимодействия оперативно-розыскной и процессуальной деятельности. Это обоснование должно также базироваться на интеграционных знаниях в области наук уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности, которую можно было бы отнести к криминалистике, считая ее специальным структурным разделом, поскольку вопросы методики раскрытия, расследования и предотвращения должны рассматриваться в совокупности, а не разрозненно, как это делалось многие годы. Возможна и проработка, что соответствует интересам современной практики борьбы с преступностью, вопроса о необходимости создания новой самостоятельной комплексной теории расследования преступлений, основанной на данных уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности.

Если эти проблемы не будут решены своевременно, останутся условия для подмены научно обоснованных процессуальных норм и тактико-криминалистических рекомендаций суррогатом в виде негласных, неопубликованных ведомственных инструкций, далеко не совпадающих с принципами соблюдения прав человека, понятиями судебных доказательств, носителей доказательственной информации и т.д.

Думается, что УПК должен содержать отдельную главу, регламентирующую допустимость в уголовном судопроизводстве материалов, полученных в ходе оперативно-розыскных мероприятий, порядок их получения прокурором, следователем, судом, условия применения в процессе расследования и судебного рассмотрения уголовного дела, а также особенности использования материалов оперативно-розыскного характера при расследовании дел об организованной преступности и коррупции.

Когда допрос повторяется?

В процессе расследования преступлений следователю нередко приходится повторно выполнять работу, направленную на решение тех вопросов и задач, которые ранее были решены неправильно либо не в полной мере.

Повторное выполнение работы (повторение) характеризуется тем, что ее нужно выполнять иначе — используя, как правило, новые средства или новые тактические приемы, учитывая результаты предшествующей работы, изыскивая возможности для восполнения пробелов и исправления допущенных ошибок. Повторное выполнение следователем работы по уголовному делу характеризуется совокупностью особенностей организационного, психологического и тактического плана.

Эти особенности и обусловленная ими необходимость своеобразного образа действий в новых условиях (применительно к складывающейся ситуации) позволяют, на наш взгляд, говорить о тактике повторного следствия как в масштабе повторного выполнения работы по делу в целом, так и в отношении отдельных следственных действий [226, 182—190].

Применительно к допросу можно выделить следующие основные ситуации, определяющие особенности тактики повторного производства:

а) *лицо допрошено ранее другим работником.* Для следователя это первое знакомство, при котором необходимо учесть и использовать имеющуюся информацию о поведении допрашиваемого и достоверности сообщенного на допросе; для допрашиваемого — новое настораживающее знакомство (какой он, как себя с ним вести, что он знает и т.п.);

б) *на предыдущей встрече допрашиваемый не дал показаний.* Тактика допроса заключается в выборе новых приемов подхода к нему и использования дополнительно полученной информации;

в) *допрос после установления ложности предыдущих показаний.* Используется соответствующий конкретной ситуации набор тактических приемов разоблачения ложных показаний;

г) *допрос-дополнение, когда в рамках одной встречи нет возможности выполнить весь требуемый объем работы.* Тут есть два варианта. Первый, когда перерыв был технического плана, и последующий допрос, например на следующий день, выступает просто продолжением; второй, когда перерыв обусловлен планами сле-

дователя (недосказать, выдать информацию для раздумий, проверить сообщенное, подготовить материалы для предметного разговора и т.д.). В этом варианте тактические приемы будут обусловлены конкретикой цели и условий;

д) *допрос в связи с появлением новых обстоятельств*. Тактика должна строиться в соответствии с возможностями использования этих данных — развитие либо уточнение обсуждавшегося на прошлом допросе, опровержение сообщенного и т.д.

Особую специфику имеет тактика допроса, определяемая фактором времени, а именно — допрос спустя продолжительное время после события. Тут также необходимо отметить два варианта:

а) *первый допрос лица, которое не допрашивалось на первоначальном этапе расследования*. В этом случае основное значение может принадлежать приемам оказания помощи в восстановлении в памяти того, что отдалено во времени. Но следует, в частности, учитывать и такие, например, факторы, как «крушение надежды» вызванного на допрос, который надеялся, что о нем уже не вспомнят;

б) *повторный допрос давно допрашивавшегося лица*. Здесь важны два момента. Первый — задача снятия напряжения, обусловленного отношением вызванного: «Когда Вы оставите меня в покое?» Второй — для допрашиваемого повторно, как правило, характерна такая закономерность поведения, как стремление вспомнить и воспроизвести не столько то, что видел и слышал, а то, что и как поведал на предыдущем допросе. Поэтому основной задачей следователя в подобной ситуации будет отвлечение допрашиваемого от прошлого разговора (если нет конкретных целей проверки ранее сообщенного) и настрой на воспоминание обстоятельств события.

Следовательно, разработка тактических приемов должна вестись и в русле повторности производства следственных действий.

Проверка показаний

Непременным условием полноценного использования показаний в расследовании преступлений является их анализ и проверка. Анализ показаний включает в себя два основных аспекта:

а) установление логического и фактического соответствия в самих сообщенных данных;

б) сопоставление с другими доказательствами по делу и установление причин расхождения в случае их наличия.

Проверка показаний всегда предполагает творческий поиск дополнительных источников подтверждающей или опровергающей информации. В квартире в ночной пьяной драке был смертельно ранен гость. Подозрение пало на хозяина, который отрицал свое присутствие дома в эту ночь и участие в драке. Следователь истребовал служебную фонограмму станции скорой помощи с вызовом по данному поводу и направил ее на фоноскопическую экспертизу. Исследование показало, что разговор с дежурной станции скорой помощи вел подозреваемый [201, 52–53].

Залогом успеха при допросе нередко выступает грамотность проведения других следственных действий и точность фиксации их результатов. В вечернее время преступники в автобусе ограбили единственного пассажира и смертельно ранили водителя выстрелом из обрезка. После их установления преступник, стрелявший в водителя, заявил, что он не намеревался стрелять, но поскольку водитель неожиданно затормозил, он ударился о переднюю часть салона, в результате чего произошел случайный выстрел. В протоколе осмотра места происшествия было зафиксировано: автобус остановился на обочине дороги без следов резкого торможения, двигатель был выключен, ручной тормоз поднят, рычаг переключения скоростей установлен на первой скорости, а передние двери автобуса открыты. Это свидетельствовало о том, что после остановки автобуса водитель выполнил четыре операции, которые, по заключению судебно-медицинской экспертизы, не могли быть произведены им после получения смертельного ранения. Таким образом была установлена преднамеренность убийства водителя [227, 181–185].

Допрос и его фиксация

Одной из существенных особенностей следственного познания является то, что собранная информация о расследуемом событии имеет доказательственное значение только в том случае, когда получена надлежащими средствами и зафиксирована соответствующим законом образом. Иными словами, при допросе, как и при любом другом следственном действии, важно не только получить требуемую информацию, но и зафиксировать ее полно и правильно.

Протокольная форма фиксации показаний, являясь основной, в то же время имеет ряд существенных недостатков (неполнота

отражения процедуры допроса и содержания состоявшейся беседы, несохранение характера и стиля изложения информации допрашиваемым и т. д.). Наше изучение протоколов допроса и данных других авторов свидетельствует о массовости отмеченных недостатков [228, 33–34]. В.С. Комарков отмечает, что в 94% случаев в протоколах допроса отражается только итог и не фиксируется весь процесс обмена информацией между следователем и допрашиваемым. В 99% всех изученных уголовных дел протокол не сохраняет особенностей речи допрашиваемых [85, 53].

И.Е. Быховский, Ф.В. Глазырин и С.К. Питерцев в качестве двух основных недостатков протоколов допроса, связанных с принципом относимости, указывают недобор необходимой по делу информации и перегруз протоколов данными, не имеющими значения для расследования преступлений [10, 6].

Полнота осведомленности и использования следователями систем тактических приемов разрешения различных ситуационных проблем должна гарантировать успешность их работы по сбору и использованию доказательственной информации. Однако, как показывает практика, увеличение стажа работы не всегда способствует расширению используемого следователем арсенала тактических приемов, а нередко ведет к «наработке» ограниченного набора тактических приемов и средств их осуществления, которые расцениваются как наиболее оптимальные. Особенно наглядно «штампы» видны в протоколах применительно к формулировке вопросов и «изложению» сообщенного.

В.Ю. Шепитько отмечает, что «попытки установить соответствие между ситуациями допроса и тактическими приемами показали, что в 40,3% изученных протоколов тактические приемы в основном соответствовали ситуации допроса; в 9,7% – тактические приемы не соответствовали ситуации допроса; в 50% – установление соответствия не представилось возможным» [67, 17]. Мы в нашем исследовании отказались от попытки установления вида использовавшихся тактических приемов и их соответствия задачам допроса из-за практической невозможности установить по протоколу, какие именно тактические приемы использовались следователем на конкретном допросе.

В.З. Лукашевич правильно, на наш взгляд, указывает: «Если о правильности, эффективности и законности того или иного действия может судить только лицо, которое само осуществляет это действие, а другие лица фактически лишены возможности объек-

тивно проконтролировать весь ход допроса, когда они не участвовали непосредственно в его производстве, то методы и средства, применяемые при допросе, не могут быть объективно проконтролированы и научно обобщены ...» [229, 290]. Следовательно, для того, чтобы совершенствовать тактические приемы допроса, выявлять наиболее типичные недостатки их использования, необходимы иные, кроме изучения уголовных дел и опроса следователей, методы изучения практики — целевое наблюдение, анализ аудио-, видеозаписей и т.п.

С учетом имеющихся недостатков протоколирования существенное значение приобретают иные способы фиксации показаний, и не только звуко-, видеозапись. Очевидно, в ближайшее время станет возможным использование компьютерной графики для наглядной демонстрации того, о чем сообщает допрашиваемый. А сейчас вполне правомерно ставится вопрос о более широком использовании приемов графической фиксации зрительных образов при допросе [230, 39–44].

Эти приемы имеют не только техническое значение — запечатлеть сообщаемое, но и тактический характер. При добросовестности допрашиваемого предложение изобразить что-либо (предмет, размещение людей и т.п.) может служить средством вспомнить забытое, уточнить сообщаемое и т.п. А при недобросовестности — средством и материалом для разоблачения ложных показаний, когда сказанное и изображенное «не стыкуются» между собой или с реальной обстановкой места, характером объекта и другими обстоятельствами.

К целям применения при допросе звуко-, видеозаписи относят:

а) обеспечение полноты фиксации сообщаемого допрашиваемым;

б) опровержение заявлений о неправильности осуществленного протоколирования показаний;

в) сдерживающее влияние в части изменения занятой позиции.

В.И. Гончаренко предупреждает об опасности переоценки значения звукозаписи применительно к третьей цели и отмечает еще один очень важный момент: «Уголовные дела, по которым применялась звукозапись, показывают, что в тех ситуациях, где на начальном этапе расследования «признательные» показания подозреваемого записывались на магнитную ленту, наблюдается значительное снижение активности следователя по сбору доказательственной информации» [231, 99].

Переоценивать возможности любого средства фиксации, разумеется, не следует, но в литературе правильно ставится вопрос о строжайшем соблюдении процедуры фиксации следственных действий не только с позиции соблюдения законности, но и для предупреждения оспаривания полученных данных, отказа от показаний и т.п. [163, 133—137].

Следователь должен всегда помнить и учитывать, что любое его упущение как по содержанию осуществляемых им действий, так и по их оформлению может быть использовано для дезавуирования полученных результатов» [232, 5].

Учить тактике допроса

Профессионализм и мастерство, требующиеся для творческого подхода к выбору и осуществлению тактических приемов допроса, обуславливают необходимость целевого обучения этим приемам в системе юридических учебных заведений. Неполнота и некачественность подготовки следователей отмечаются как современными авторами [233, 54], так и в отдаленном прошлом. Л. Таубер в рецензии на книгу С.Н. Трегубова «Основы уголовной техники» писал: «Ныне будущий судебный следователь ни во время прохождения курса юридических наук, ни во время судебного стажа, в качестве кандидата на судебные должности или чиновника судебной канцелярии не имеет случая приобрести ... практические навыки» [234, 1133].

По данным нашего исследования, в качестве причины неудовлетворительного использования в расследовании научно-технических возможностей указали низкий уровень подготовки в вузах: 30% следователей, 61,5 % прокуроров-криминалистов, 33,5 % экспертов и 35,1 % судей.

Для уточнения того, как оценивают свои знания и умения применительно к допросу, что считают необходимым для совершенствования тактической подготовки, нами были опрошены следователи прокуратуры, МВД и СБУ, а также слушатели юридических учебных заведений.

На вопрос о достаточности уделения внимания проблемам допроса в учебных заведениях 68,2% слушателей и 69,6% следователей ответили — недостаточно, 20,6% следователей отметили, что к моменту начала работы следователем практически не имели необходимых знаний и умений, а 52,9% сочли их недостаточными,

35% следователей в качестве основного источника знаний о допросе отметили собственный опыт, а 62,5% считают, что вопросы тактики допроса отражаются в литературе недостаточно.

На просьбу указать фамилии ученых, которые исследовали проблемы допроса, отозвалось 57% слушателей, из которых только 31,5% дали правильный ответ, что свидетельствует о том, что работе с литературой в учебных заведениях не уделяется должного внимания. В.Ю. Шепитько указывает, что 67% опрошенных следователей не имеют в своем распоряжении необходимой литературы по психологии несовершеннолетних, а 72% опрошенных не смогли даже указать какую-либо литературу по данной проблеме [67, 12].

По мнению следователей, для повышения качества и организации проведения допроса необходимо:

- а) улучшение подготовки в учебных заведениях — 58,9 %;
- б) совершенствование системы служебной подготовки и повышения квалификации — 28,9%;
- в) распространение передового опыта — 61,5 %;
- г) издание специальных пособий по тактике допроса — 70%;
- д) освобождение следователей от технической работы — 58,8%;
- е) совершенствование средств фиксации допроса — 50,7%.

Слушатели считают, что для повышения уровня знаний, умений и навыков требуется:

- а) увеличение количества практических занятий по допросу — 85,9%;
- б) введение (расширение) спецкурсов по допросу — 72,8%;
- в) привлечение практиков для проведения занятий — 61,2%;
- г) стажировка в практических подразделениях — 83%;
- д) издание специальных пособий — 81,2%.

Необходимость совершенствования криминалистической подготовки в учебных заведениях не вызывает сомнения. Нам бы хотелось подчеркнуть, что требуется обучение именно тактическим аспектам следственной деятельности, умению решения логических задач, которые возникают на пути сбора доказательственной информации, особенно при преодолении противодействия расследованию, ибо сейчас больше учат тому, что нужно делать, и крайне мало тому, как необходимо делать. Иначе говоря, наши методики обучения должны ориентировать на формирование умений практически решать задачи, связанные с применением конкретных норм права или тех или иных теоретических положений, т.е. обеспечить преодоление дефицита разумности в реальных ситуациях.

Таким образом, тактика деятельности следователя — это умение переиграть соперника, оказывающего сопротивление достижению целей расследования, составляющее основу профессионального мастерства следователя. С учетом этого необходимо четко разграничивать практические аспекты организации и тактики проведения следственных действий, поскольку первые — это, прежде всего, правила выполнения работы, которые несложны для усвоения и освоения, а тактика — это то, что требует творческого подхода к оценке специфической следственной ситуации, способности подобрать соответствующие приемы и средства ее разрешения (нередко в условиях тактического риска) и быстро скорректировать их в случае применения неподходящих приемов, а также умение разгадывать и нейтрализовать тактические ходы противника.

КРИТЕРИИ ДОПУСТИМОСТИ ТАКТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ

Все ли средства хороши?

Тактические приемы многообразны, как и следственные ситуации, для разрешения которых они предназначены. Теория и практика следственной деятельности постоянно рождают новые тактические приемы, обусловленные развивающимися потребностями практики и новыми возможностями науки и техники. Процесс этот практически бесконечен. Однако не все из приемов и средств, рождающихся на практике и предлагаемых наукой, являются бесспорными в плане использования в деле раскрытия и расследования преступлений. Поэтому постоянно ведутся споры о правомерности и допустимости практического применения различных средств и приемов в следственной деятельности. Дискутирующих можно условно разделить на две группы: сторонников чистоты процессуальной формы и заботящихся о совершенствовании средств и приемов следственной деятельности.

А.Р. Ратинов характеризует их следующим образом: «Первая — назовем ее мнимо гуманистической — объявляет недопустимыми любые приемы и средства, направленные на преодоление возможного противодействия заинтересованных лиц. При этом следователь низводится на положение пассивного регистратора событий, а соби́рание доказательств уподобляется сбору урожая в саду. Вторая — вульгарно-прагматическая — считает приемлемым лю-

бой, прямо не запрещенный законом, образ действий, направленный на установление истины. При этом благородной целью, по существу, оправдывается раскрытие преступления и изобличение виновного «любой ценой».

Реализуясь, обе точки зрения приводят к печальным, а иногда и трагическим ошибкам. Легко доказать, что практические последствия той и другой крайности оказываются тяжкими и социально вредными в равной мере» [235, 6].

Это же отмечает Н.П. Хайдуков [61, 40].

Мы согласны с А.Р. Ратиновым, что отмеченные позиции — крайности, а истина, как всегда, находится посередине. Недопустимо «с порога» отвергать любое новшество без его всесторонней проверки и оценки, как и ратовать за получение информации для раскрытия преступлений «любой ценой». Каждый прием, каждое средство процессуальной деятельности должно оцениваться не только с позиции прямого предписания закона, но и с учетом возможных особенностей их реализации. С позиции рассматриваемого вопроса установки и запреты закона следует разделить на две группы: а) безальтернативного указания, например, запрещение домогаться показаний путем насилия и угроз (ст. 22 УПК Украины, ст.ст. 14, 116 УПК Республики Казахстан), обязательность фиксации с помощью звукозаписи всего хода следственного действия (ст. 85 УПК Украины); б) допускающих исключения в общем порядке, например, неприкосновенность жилища (ст. 14 УПК Украины, ст. 17 УПК Республики Казахстан), язык судопроизводства (ст. 19 УПК Украины, ст. 30 УПК Республики Казахстан), случаи обязательного назначения экспертиз (ст. 76 УПК Украины, ст. 241 УПК Республики Казахстан) и т.д.

В таких случаях закон обычно гласит: «Запрещается за исключением ...» или «кроме следующих случаев». При этом исключение формируется в двух основных вариантах: а) четко обозначенным, например, обвиняемый должен быть допрошен немедленно либо не позднее суток с момента предъявления обвинения (ст. 143 Украины, ст. 217 УПК Республики Казахстан); б) не конкретизированным вообще или частично, например, в ст. 22 УПК Украины, кроме конкретно указанных запрещенных средств — насилия и угроз, сказано: «... и иных незаконных средств».

В подобных случаях при определении того, что правомерно и допустимо, а что нет, и возникают разногласия. Например, какой должна быть максимальная продолжительность допроса (в «До-

кументе Московского совещания конференции по человеческому измерению ОБСЕ» 1991 г. устанавливается обязательность фиксации продолжительности любого допроса «в соответствии с национальным правом» [21, 73]); как поступить следователю, если свидетель просит отложить или прервать допрос, ссылаясь на свое недомогание, когда за просьбой может стоять желание получить время, чтобы продумать, что отвечать на вопросы следователя; обязан ли следователь предъявлять обыскиваемому предусмотренное законом требование о добровольной выдаче искомого, если невозможно четко конкретизировать перечень искомых объектов, например нажитого преступным путем и т.д.

В случаях, когда нет прямых указаний закона о порядке действий, говорят, что необходимо решать подобные вопросы с учетом «духа закона» [236, 56–57; 176, 128]. Но у каждого об этом нередко бывает свое понятие.

И все же предпочтительнее регламентирование данных вопросов в законе. Это тем более важно, если учесть современные повышенные требования к процессу доказывания в уголовном судопроизводстве и качеству формируемых доказательств.

Именно с учетом этих важных требований, к примеру, в УПК Республики Казахстан указано применительно к допросу, что он не может продолжаться непрерывно более четырех часов, а его продолжение допускается после перерыва не менее чем на один час для отдыха и приема пищи. Общая длительность допроса в течение дня не должна превышать восьми часов. В этой связи надлежит точно фиксировать в протоколе допроса время начала и окончания допроса. В случае медицинских показаний продолжительность допроса устанавливается на основании письменного заключения врача. В том же случае, когда допрашивается несовершеннолетний, его допрос, проводимый исключительно в дневное время суток, не может продолжаться без перерыва более двух часов, а в общей сложности — более четырех часов. В случаях явного утомления несовершеннолетнего допрос должен был прерван и до истечения этого времени (ст.ст. 212, 485 УПК РК).

Поскольку одной из основных задач криминалистики является предложение порядка (организационного и тактического) действий там, где закон не предусмотрел или недостаточно конкретизировал процедуру проведения следственных действий, особое значение приобретают критерии правомерности и допустимости рекомендуемых средств и приемов. Этой проблеме уделяли внимание многие авторы.

Р.С. Белкин в качестве критериев (условий) допустимости средств и приемов указывает: а) законность, т.е. непротиворечие букве и духу закона; б) избирательность действия, т.е. направленность воздействия только на определенных лиц и нейтральность по отношению к остальным; в) нравственность, т.е. соответствие принципам морали и нравственности [47, 220–221]. С.Ю. Якушин называет дополнительно научную обоснованность и эффективность приемов [237, 34]. Н.А. Селиванов отмечает три группы критериев: общенаучные, правовые и этические [238, 24]. В.Г. Лукашевич критерии допустимости подразделяет на содержательные и праксеологические. К первым он относит: правовые, гносеологические, информационные, этические, тактические и психологические, ко вторым – целесообразность, надежность, продуктивность, рентабельность, безопасность и внезапность [12, 30–32]. И.Е. Быховский указал ряд конкретных запретов применительно к нравственной стороне тактических приемов: не унижать честь и достоинство личности, не использовать неосведомленность участника процесса по правовым вопросам, не способствовать развитию низменных чувств, совершению аморальных поступков и т.п. [51, 219–220]. Н.Д. Лукьянчиков и В.С. Кузьмичев в качестве исходных положений для определения допустимости средств, приемов и методов отмечают: принудительный характер следственной деятельности; недопустимость унижения человеческого достоинства; недопустимость получения информации путем угроз, насилия, обмана и шантажа [50, 13].

Применительно к результатам использования конкретных средств и приемов – доказательствам – П.А. Lupинская указывает следующие критерии их допустимости: а) получение надлежащим субъектом; б) получение из источников, предусмотренных законом; в) получение с соблюдением правил проведения осуществляемого процессуального действия; г) соблюдение требований закона в части фиксации хода и результатов следственного действия [239, 2].

Как видно из приведенных перечней, в качестве критериев допустимости указываются самые разнообразные и весьма разноуровневые условия (требования), одни из них носят слишком общий характер, другие достаточно конкретны.

Большинство предложенных классификаций заслуживает внимания и важно для теоретической разработки тактических средств и их всесторонней характеристики. Но применительно к рассматриваемому вопросу – правомерность применения конкретных тактических приемов при производстве следственных действий, мно-

гие из них весьма неопределенны и не позволяют бесспорно конкретизировать, что правомерно, а что недопустимо.

Все авторы единодушны относительно недопустимости обмана, но что трактовать в качестве обмана, а что — допустимого уровня маневрирования информацией, мнения диаметрально расходятся. Характеризуя эти разночтения и их причины, И.Е. Быховский, Ф.В. Глазырин и С.К. Питерцев подчеркивают: «Некоторые ученые настолько гипертрофируют и формализуют, отрываясь от реальных условий жизни, вопрос о гарантиях прав обвиняемого, что, по существу, обезоруживают следователя в его деятельности по установлению объективной истины» [10, 40].

Мы уже отмечали, что при проведении расследования любое действие и любая полученная в его ходе информация одновременно защищают права и интересы одних лиц и затрагивают права и интересы других. Следовательно, и законодатель, и практик, и ученый, решая каждый конкретный вопрос, должны учитывать это взаимовлияние и в соответствии с этим определяться в том, чему отдать приоритет в данном конкретном случае.

В настоящее время мы начинаем понимать, что свобода личности — это ответственность и осознанная готовность к самоограничению своей свободы ради свободы других. Без этого необходимого ограничения не может быть свободы. Подобное ограничение было и будет при определении процедуры расследования и ее практической реализации. Например, как разрешать ситуацию, когда освобожденный правоохранительными органами потерпевший заложник отказывается от дачи показаний и прохождения освидетельствования? Здесь «столкнулись» интересы расследования (в более широком плане — борьбы с преступностью) и права и интересы личности. Для разрешения этой ситуации, естественно, порекомендуют разъяснение и убеждение потерпевшего. Но если оно не даст результата, то противоречие может быть разрешено либо расследованием без помощи пострадавшего, либо отказом от проведения расследования.

Возможен ли компромисс в расследовании?

В отдельных случаях законодатель и наука, конкретно определившись, какому социальному институту отдать предпочтение, могут решить вопрос на безальтернативной основе. Так установлено: для потерпевшего и свидетеля дача показаний — обязанность, для подозреваемого и обвиняемого — право; участие в воспроиз-

ведении обстановки и обстоятельств события — только добровольное; производство следственных действий (кроме осмотра места происшествия и экспертизы) — только по возбужденному уголовному делу и т.д. Но такая конкретность возможна далеко не всегда. И тогда встает вопрос о возможности (точнее — необходимости) компромиссного решения. Об этом пишут Ю.М. Зархин, С.Ю. Якушин, В.А. Образцов и другие авторы [240, 59–60; 237, 64].

Против этого, естественно, возражают. С.Г. Любичев считает, что «компромиссы при расследовании преступлений независимо от цели, которую они преследуют, не могут быть морально оправданы», что «любой компромисс в этой деятельности означает не что иное, как отступление от целей правосудия, поставление под угрозу нарушения интересов общества и личности» [16, 47–48; 241, 56; 199, 165–166].

Наиболее полно эта проблема отражена в работах В.А. Образцова. Он пишет: «В целях стимулирования позитивной, социально полезной активности лиц, совершивших преступления, во многих странах применяются различные меры, включая меры правового характера, рассчитанные на то, чтобы подтолкнуть, сделать реально возможным, взаимовыгодным для государства и преступников сотрудничество последних с органами, производящими расследование, и судом.

Особое место в системе указанных взаимоотношений отведено институту, получившему на Западе название «сделки с правосудием» [17, 199]. Данный институт предполагает установление договорных отношений между обвинением и защитой и взятие сторонами определенных обязательств. В основе таких договоров лежит концепция взаимоуступок, компромисс. За рубежом не видят ничего противоправного и аморального в переговорах и сделках с преступниками, рассматривая их как разумный подход к взаимоотношениям, связывающим представителей закона и лиц, привлекаемых к уголовной ответственности. В результате переговоров обвинение и защита в обмен на признание преступником своей вины, раскаяние и активную помощь полиции и суду могут договориться об уменьшении ответственности за содеянное, о снижении возможной меры наказания и даже освобождении от такового. Проверка в суде факта добровольности признания вины обеспечивает обоснованность принимаемого решения, а участие представителей обвиняемого в ходе переговоров позволяет защитить интересы лица, привлекаемого к уголовной ответственности.

В законодательстве Италии предусмотрен порядок упрощения процесса с согласия обеих сторон, а обвиняемый, в случае признания своей вины, может избежать суда либо ему на одну треть могут сократить срок заключения.

Таким образом, «сделка с правосудием» обеспечивает ускорение расследования и рассмотрения очевидных уголовных дел, экономию средств за счет сокращения формальных процедур, исключение из обвинения неполноценно доказанных эпизодов [242, 54], возможность выявления и изобличения организованных преступных сообществ и т.д.

Отмечая критическое отношение большинства ученых к данному институту уголовного процесса, В.А. Образцов указывает, что фактически договорные отношения между подозреваемыми, обвиняемыми, их защитниками, с одной стороны, и органами правопорядка, с другой стороны, реализуются давно и повсеместно. В первую очередь это касается тех случаев, когда органы дознания и предварительного следствия не имеют реальной возможности без активной помощи преступников выявить и раскрыть тяжкие преступления, разоблачить организованные преступные группировки. Однако делается это по наитию, нелегитимно, на свой страх и риск, балансируя на грани законности, а то и преступая ее. И все это происходит потому, что правоприменители связаны путями несовершенных законов. Действующее законодательство содержит лишь чахлые зачатки института договорных отношений в условиях деятельного раскаяния преступников, стыдливо намекая на возможность таких отношений, но не давая решения их по существу [17, 201].

Термин «сделка с правосудием», на наш взгляд, не совсем удачен, более правильно вести речь о компромиссе. Именно так решают этот вопрос авторы проекта Уголовного кодекса Украины, предусмотрев в качестве одного из обстоятельств, исключающих уголовную ответственность, уголовно-правовой компромисс между потерпевшим и лицом, совершившим правонарушение (ст. 45) [243].

В действующем Уголовном кодексе Украины элементы компромисса, в частности, отражены в ст. 40, где в качестве обстоятельств, смягчающих ответственность, указаны добровольное возмещение причиненного ущерба и способствование раскрытию преступления.

ст. В Законе Украины «Об организационно-правовых основах борьбы с организованной преступностью» указано: «Участник организованной преступной группировки может быть частично или полностью освобожден от уголовной ответственности и наказания, если он в процессе оперативно-розыскной деятельности, предварительного расследования либо судебного рассмотрения дел содействует разоблачению организованных преступных группировок и совершенных ими преступлений, привлечению виновных к ответственности, возмещению ущерба физическим и юридическим лицам и государству» (ст. 14) [244, 26].

В статье 18 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» Российской Федерации записано: «Лицо из числа членов преступной группы, совершившее противоправное деяние, не повлекшее тяжких последствий, и привлеченное к сотрудничеству с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, активно способствовавшее раскрытию преступления, возместившее нанесенный ущерб или иным образом загладившее причиненный вред, освобождается от уголовной ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации [245, 343—344]. В Республике Казахстан данное положение закреплено в ст.ст. 53, 65 Уголовного кодекса.

С учетом изложенного мы считаем, что, во-первых, компромисс правомерен в организации и осуществлении деятельности по борьбе с преступностью, во-вторых, его сущность, основания и виды должны получить конкретное отражение в законодательстве, чтобы разработка и применение средств, приемов и методов следственной деятельности осуществлялись на четкой правовой основе. А пока этого нет, задача науки выделить из множества критериев допустимости средств и приемов те, которые отражают их правомерность, ибо некоторые из критериев, например эффективность, характеризуют «работоспособность» и другие стороны средств и приемов, а не то главное, что является первоосновой оценки — допустимо их использование или нет.

Что такое хитрость при допросе?

В основе практически всех тактических приемов лежит оперирование информацией, т.е. «выдача» ее оппоненту с целью выяснить его отношение к ней и в соответствии с реакцией на эти данные разрешить конкретную задачу расследования. По поводу того, какую информацию (правдивую, ложную) и как (прямо, завуали-

рованно и т.п.) выдавать и развернулись основные дискуссии: Что такое обман? Что такое хитрость? Как они соотносятся между собой?

Обман — это ложное представление о чем-либо, заблуждение; обмануть — значит ввести в заблуждение, нарушить обещание. Слово «хитрый» имеет несколько значений: а) изворотливый, скрывающий свои истинные намерения, идущий не прямыми, а обманными путями; б) лукавый, обнаруживающий какой-нибудь скрытый умысел, намерение; в) изобретательный, искусный в чем-либо; г) замысловатый, мудреный [246, 378, 767].

Из указанных значений только первое упоминает об «обманных путях», да и то логически не вытекает из первой части фразы, где говорится об изворотливости, скрытности намерений, «непрямизне» путей. Непрямой — значит окольный, косвенный, не прогнозируемый, но не обязательно обманный. Остальные значения подчеркивают такие черты, как изобретательность, искусность, мудренность, т.е. то, что характеризует мастерство, талант, высокий профессионализм.

Обман — это сообщение ложных сведений или извращение истинных фактов, хитрость — это создание ситуации, при которой данные (объекты) могут быть правильно либо неправильно истолкованы (оценены) самим участником следственного действия.

Обман ни при каких условиях не может использоваться в деятельности следователя, поэтому ни один из тактических приемов, связанных с обманом, не может рассматриваться в качестве правомерного и допустимого. Поэтому перечень запретов при получении показаний, да и вообще при производстве по уголовным делам, следует дополнить прямым указанием о недопустимости обмана. Совсем другое дело — хитрость, она необходима следователю только потому и только для того, чтобы противопоставить ее противодействию, направленному на воспрепятствование решению задач, которые стоят перед ним. «Хитрость, — писал Г. Шнейкерт, — является неизбежным, адекватным средством в борьбе против хитрых преступников» [30, 25].

Наибольшие возражения вызывают тактические приемы, называемые «следственной хитростью», «психологической ловушкой».

«Следственная хитрость, — пишет Н.И. Порубов, — это маневрирование достоверной информацией, создание на допросе такой ситуации, при которой допрашиваемый дезориентируется о степени осведомленности следователя об обстоятельствах дела, о наличии у него определенных доказательств» [197, 71].

Основные приемы этой группы — демонстрация «психологических реагентов», создание впечатления осведомленности следователя, раскрытие возможностей использования достижений науки, создание впечатления о позиции других лиц и т.д. При применении всех этих приемов следователь не утверждает того, чего не знает, не говорит об этом, а предоставляет возможность допрашиваемому самому сделать ошибочный вывод о большой информированности следователя на основании части использованных им данных.

Близок к этому приему по содержанию прием создания впечатления о позиции других участников процесса. Здесь также правомерность наличествует только тогда, когда лицо «подводится к выводу» о том, о чем следователь ему не говорит, либо иначе лицо будет прямой обман. В показаниях И. и П., отрицавших свою причастность к преступлению, имелись существенные противоречия относительно того, чем они занимались до момента совершения преступления. Показания И. в определенной мере соответствовали установленным данным. Очная ставка между подозреваемыми, направленная на устранение этих противоречий, была закончена вопросом к И.: «Ваши показания о дальнейших событиях этого дня также правдивы?» Ответ И.: «Да, все мои показания об этом дне полностью правдивые». Завершив таким образом очную ставку, следователь удалил из кабинета И. и перешел к повторному допросу П., который, полагая, что И. сознался в совершенном ими преступлении, признал свою вину и дал подробные, полностью подтвердившиеся затем показания об обстоятельствах преступления [177, 146—147].

Совсем иной — неправомерный — характер приобретает «следственная хитрость» в другом примере. Задержанный отрицал свою вину. Для его разоблачения требовалось доказать, что в придорожный поселок он прибыл отдельно от остальных членов своей семьи: все на электропоезде, а он — на угнанной им машине. Однако в связи с договоренностью все утверждали, что он приехал вместе со всеми. Не утруждая себя тем, чтобы за счет детализации показаний каждого выявить расхождения и противоречия и таким путем разоблачить ложь, следователь при повторном допросе изолировал друг от друга всех членов семьи и начал допрос с отца. Тот не изменил своих показаний. После этого следователь пригласил его дочь. Когда она стала повторять свои прежние показания, следователь «зачитал» «показания отца» о том, что они приехали от-

дельно от брата. Тогда дочь подтвердила этот факт. Затем подобная операция была проделана с матерью и наконец протоколы допроса жены и дочери были предъявлены отцу подозреваемого, который признал, что ранее давал ложные показания. На основе полученных таким путем данных был допрошен и сознался задержанный [215, 147—148].

Недопустимость такого «тактического» приема заключается в том, что, во-первых, допущен явный обман (хотя и приведший к установлению истины), во-вторых, допрошенные разберутся, кто первый сказал о том, что условились скрывать, и как это произошло, т.е. выяснят «методы» работы следователя. Но главное состоит в том, что, сделав первый шаг по пути обмана, последующие (и более серьезные) следователю сделать проще.

При раскрытии возможностей следствия в части получения и исследования доказательственной информации обман будет иметь место в тех случаях, когда следователь спекулирует отсутствующими или некачественными следами либо повествует о несуществующих возможностях исследования. А если это отсутствует, то следователь просто разъясняет, информирует, т.е. делает благое дело, но преследует при этом и свои цели. «Выдача информации» путем демонстрации какого-либо объекта, реагированием на который лицо обозначает свою осведомленность, достаточно часто используется в качестве тактического приема на практике. Суть его заключается в том, что прореагировать позитивно на демонстрацию объекта (удивиться, проявить волнение и т.п.) сможет только тот, кому этот предмет или человек известен, а у неосведомленного, не связанного с данным объектом лица эта демонстрация не вызовет никаких реакций. Но совершенно недопустимо использование приемов, внешне сходных со следственными хитростями, а на самом деле являющимися нарушением закона, связанным с обманом и оказанием давления. Пистолет, с использованием которого было совершено убийство, не нашли. Тогда следователь взял аналогичный и положил его в ящик стола. В ходе допроса, когда подозреваемый стал вновь отрицать свою причастность, следователь достал пистолет, помахал им перед лицом подозреваемого и спросил: «Ну, а теперь будешь сознаваться?» Неправомерность данного «приема» заключается, во-первых, в том, что допрашиваемому не предоставлена возможность самостоятельного выбора отношения к предъявленному, а утверждается конкретный факт — вот твое орудие преступления; во-вторых, пистолет мог

быть уничтожен, и тогда вся ложность и слабость позиции следователя станет ему очевидной [73, 27].

Использование внезапности — это тактический прием прямого воздействия, заключающийся в постановке задачи перед участником расследования, специфика которого состоит в том, что задача возникает (ставится) неожиданно и на ее разрешение (оценку, обдумывание), как правило, весьма ограничено время. Но в принципе, выбор решения (в том числе затяжка ответа, отказ высказать свое отношение) опять-таки остается за оппонентом следователя.

«На каком основании, — спрашивает В.Е. Коновалова, — внезапность постановки вопроса как нарушение продуманной логики изложения, в том числе «логики лжи», можно считать безнравственной?.. Это не хитрость, не уловка, а проявление избранной позиции, системы правомерных действий для достижения цели, продуманная логика поведения в конкретной ситуации общения» [247, 35].

Одним из реальных результатов использования внезапности выступает проговорка. Следователь, естественно, «ведет» допрашиваемого к проговорке, т.е. реализует свой замысел, заключающийся в том, чтобы допрашиваемый сделал то, что не собирался делать, что не соответствует его планам. С.Г. Любичев считает: «Проявлением необъективности и обвинительного уклона является и признание некоторыми криминалистами определенного доказательственного значения за так называемыми проговорками допрашиваемого, которые, по их мнению, проливают свет на действительное положение вещей» [16, 38].

Но кто из сторонников проговорок говорит о их доказательственном значении? «Критики» приписывают им то, за что потом критикуют. Аналогично отмеченному М.С. Строгович пишет: «Подобные приемы, противоречащие законности и нравственности, характерны тем, что они исходят из отношения к обвиняемому как к преступнику, как к лицу, виновность которого якобы уже установлена, тогда как этот вопрос еще предстоит решить суду» [248, 13–14].

Совершенно аргументированно, по нашему мнению, отвечает на это замечание О.Я. Баев: «Авторы, считающие правомерным применение методов психологического воздействия на личность ... понимают, что обвиняемый — это не виновный, но полагают, что следователь, оценив доказательства и обстоятельства дела в их

совокупности и придя на основе внутреннего убеждения к выводу (субъективному мнению, не противоречащему презумпции невиновности) об умышленном искажении или сокрытии обвиняемым искомой следователем информации, не только вправе, но и обязан принять все законные и нравственно допустимые меры по преодолению противодействия и установления истины. Этого требуют от него общественные интересы» [53, 39].

Проговорка рассматривается как своеобразный индикатор, наличие (появление) которого позволяет следователю удостовериться в конкретной осведомленности допрашиваемого, подтверждающей его связь с определенным событием, обстоятельством. А проговориться, подчеркивает Р.С. Белкин, может только тот, кто знает [176, 170; 249, 117].

Кроме того, проговорка сама по себе, без подтверждающих ее других данных, в процессуальном плане ничего не значит. Она лишь ориентир для следователя в работе по выявлению и использованию источников доказательственной информации.

Следует отметить, что и при создании условий для проговорки допрашиваемый не лишен права выбора, который в первую очередь зависит от его аналитических способностей, сообразительности, быстроты реагирования и т.п. Но и проговорившись, он может отказаться от сказанного, т.е. исправить допущенную ошибку.

Приемы побуждения к определенным действиям, которые могут привести к получению доказательств, если их рассматривать с позиции М.С. Строговича, С.Г. Любичева и др., в большинстве случаев связаны с дезинформацией или обманом по их пониманию. Рассмотрим это на примере. Обыск на большом приусадебном участке не дал результата. Тогда следователь сказал: «На сегодня хватит, продолжим поиск завтра утром». Ночью, когда подозреваемый решил откопать труп и перепрятать в другое место, оперативные работники задержали его. Противники таких приемов и в этом случае скажут, что здесь имеет место обман, ибо следователь утаил от подозреваемого, что организует ночью наблюдение. Следователь сказал, что откладывает обыск до утра, а что будет ночью — это задача на сообразительность для подозреваемого. Чьи права здесь нарушены? Чьи достоинство и честь оскорблены? В отношении кого осуществлены неправомерные действия? Если бы не было трупа, если бы не было виновного в убийстве, то после «обмана» следователя ночью бы ничего не про-

изошло. Суть приема заключается в том, что следователь «поставил задачу» перед определенным лицом, а затем без его участия прояснится — соответствующему ли адресату поставлена задача, и если да, то пожелает ли он на нее прореагировать и каким именно образом.

Можно ли использовать противоречия в интересах участников процесса?

Самой сложной для оценки является группа тактических приемов, направленных на использование противоречий между участниками расследования. Эти приемы чаще всего применяются тогда, когда соучастник или свидетель не дают показаний в отношении кого-либо, выгораживают его, берут на себя его вину и т.п. Если у следователя есть данные, что защищаемые относятся к допрашиваемому иначе, чем он к ним, он использует их для того, чтобы «раскрыть глаза» этому лицу, показать, что его поведение не соответствует реальным ценностям взаимоотношений.

Один из участников преступной группы, признав свою вину, упорно не давал никаких показаний в отношении соучастников даже после того, как некоторые из них признали отдельные эпизоды своей преступной деятельности. В распоряжении следователя имелись данные о том, как эти лица отзывались о нем, о его способностях, как его «обходили» при дележе «добычи» и т.п. Следователь познакомил его с этой информацией, после чего тот дал подробные показания о роли каждого из них в формировании преступной группы, в совершении конкретных преступлений, как уже вменяемых группе, так и тех, о которых следствию еще не было известно.

Однако мера игры на противоречии интересов должна быть четко взвешенной. В литературе приводится внешне вроде бы аналогичный пример, неправомерность которого для нас бесспорна. Жена пыталась скрыть руководящую роль своего мужа в преступлениях, в совершении которых они вместе обвинялись. В следственном изоляторе у мужа изъяли письмо к его любовнице: «Я выберусь скоро, а Людку посадят надолго. Нам с тобой до старости хватит блаженствовать, пока она дождетя амнистии». Следователь предъявил это письмо жене, после чего она дала полные, изобличающие истинную роль мужа, показания [177, 130—131]. Допустимость такого «приема» аргументируется тем, что жена имела возможность «свободно и осознанно не изменять своего отноше-

ния к предмету допроса». Могла, но контролировала ли? И дело еще в том, что, во-первых, при этом происходит бесцеремонное вмешательство в семейную жизнь, во-вторых, оно может привести не только к разрушению семьи, но и к более серьезным последствиям, угрожающим жизни кого-либо из этого «треугольника». Здесь, разумеется, нет обмана, но есть то, что можно квалифицировать как разглашение интимных сторон жизни, ставших известными в процессе расследования, как игру на тех чувствах человека, которые могут вызвать желание мстить, причем не только путем оговора, а и в более серьезных формах [237, 67]. Поэтому при принятии решения об использовании любого тактического приема должны быть спрогнозированы и оценены те последствия, к которым это может привести.

«Оригинальным» приемом, используемым в практике полиции США, является «преувеличение вины преступника», заключающееся в заявлении о подозрении в совершении более тяжкого преступления, чтобы он быстрее сознался в совершении менее тяжкого «своего» [69, 22].

Разумеется, такой прием совершенно недопустим, ибо он представляет собой откровенное давление, связанное с обманом. И здесь у заподозренного иногда «выбор» может состоять в том, что лучше признаться в менее тяжком, чем безуспешно пытаться защититься от более тяжкого.

Что можно скрыть от допрашиваемого?

В практике расследования применяются тактические приемы, построенные на сокрытии части имеющейся у следователя информации. Так, при допросе подозреваемого следователь не обязан в подтверждение или обоснование подозрения либо предъявляемого обвинения сообщать ему всю информацию, которой он располагает.

Информация, которая доводится следователем до сведения участников процесса, должна быть разделена на две группы: а) правовая, с которой обязательно должен быть ознакомлен подозреваемый, обвиняемый и т.д.; б) тактическая, ознакомление с которой осуществляется только в случаях необходимости или на заключительной стадии расследования.

К первой группе относятся данные, связанные с обеспечением прав участников процесса: информация, отражающая суть по-

дозрения или обвинения, данные о правах конкретной личности в процессе и т.п. Сокрытие такой информации — прямое нарушение законности. Так, в Постановлении Верховного Суда Украины сказано: «Если подозреваемому, обвиняемому, его супруге или близкому родственнику не было разъяснено положение ст. 63 Конституции, показания указанных лиц должны признаваться судом полученными с нарушением закона, что исключает их допустимость как средства доказывания» [250].

Информация второй группы — это в основном фактические данные об обстоятельствах расследуемого события, в отношении которых можно «лишь временно оставлять допрашиваемого в неведении относительно ее объема и содержания» [85, 10]. Между этими группами информации возможны переходы, например, следователь не обязан сообщать обвиняемому, что установлен и задержан его сообщник, но не сообщить ему об изменении в связи с этим фактом содержания предъявленного обвинения он уже не вправе.

Споры, связанные с терминологическими неточностями

Дискуссионность тактических приемов допроса определяется не только сложностью оценки их содержательности и выделения четких критериев допустимости, но и тем, что многие из них тенденциозно и не точно названы. «Нельзя не заметить, — отмечает Л.М. Карнеева, — что в последнее время некоторые криминалисты и даже специалисты в области судебной психологии прибегают к обозначению давно известных приемов допроса такими терминами, которые создают превратное представление о сути самих приемов. Так, например, использование особенностей взаимоотношений между соучастниками теперь именуют «разжиганием конфликта», выявление виновной осведомленности — «ловушкой», сокрытие осведомленности — «дезинформацией», предъявление доказательств — «созданием напряжения», использование элемента внезапности — «захватом врасплох», а самое что ни на есть безобидное выслушивание свободного рассказа — «допущением легенды» [73, 141–142].

Это же относится и к так называемому «эмоциональному эксперименту» [89, 240–245], при котором нет экспериментирования в его привычном для юристов содержании, а есть лишь выдача информации допрашиваемому, в том числе материальных объектов и наблюдение за реакцией допрашиваемого. А вот такое назва-

ние вызывает сомнение в правомерности и допустимости [60, 107; 63, 57].

Отталкиваясь от подобных неудачных названий, М.С. Строгович пишет: «Нет никаких сомнений в том, что умышленное, намеренное формирование ошибочного представления» у кого-либо есть обман этого лица, сообщение ему ложных сведений, а не что-либо иное. Но солгать можно прямо, словами, а можно это же сделать более сложным способом — таким образом, что слова и предложения сами по себе ложными не являются, но они так построены и даны в таком контексте, сказаны таким тоном и с такой мимикой, что тот, кому они высказаны, ложь примет за правду, а правду за ложь. А это есть обман, ложь, которая от того, что она подана в особо хитроумной форме, не делается допустимой; наоборот, она приобретает особо нетерпимый, незаконный и аморальный характер» [34, 20].

В связи с этим Р.С. Белкин отмечает, что поводом для критических замечаний послужила неудачная формулировка. Термин «формирование ошибочного представления», предложенный А.Р. Ратиновым [251, 194–196], наводит на мысль о непосредственном воздействии следователя на течение психических процессов у подследственного путем введения его в заблуждение. При этом возникает представление об обмане, лжи со стороны следователя. А речь в действительности идет лишь о создании следователем условий для формирования у подследственного ошибочного представления. Следователь лишь создает условия, при которых это формирование становится возможным, а случится это или нет — целиком зависит от подследственного [47, 223–224].

В полемическом запале А.М. Ларин назвал прием «использование противоречий в интересах участников процесса» (правда, называемый «разжиганием конфликта между соучастниками» [29, 162–163]) «стравливанием подозреваемых» [28, 101]. Если быть последовательным, то элементарную очную ставку тем более следует назвать «стравливанием» либо как-нибудь еще.

Неудачность терминологических «изысков» отмечают также В.Е. Коновалова, В.И. Гончаренко, Ф.М. Сокиран и др. [87, 88; 54, 14]. Последние предлагают приемы психологического воздействия, направленные на получение информации, именовать «приемы выявления виновной осведомленности».

По нашему мнению, их точнее было бы назвать «создание условий для обнаружения осведомленности о выясняемых обстоятельствах».

Отсутствие единства взглядов имеет серьезные практические последствия: одни и те же тактические приемы в юридической литературе представляют перед следователями то в качестве вершин тактического мастерства, то как грубое нарушение законности [54, 4]. Поэтому не случайно при опросе следователей о допустимости тактических приемов допроса об одних и тех же приемах половина из них высказалась как о соответствующих требованиям закона, а другая отметила недопустимость из-за наличия элементов насилия и обмана [10, 3]. И как определенный итог этого анкетирования следователей прокуратуры и МВД Украины показало, что 54% опрошенных в своей деятельности применяют методы незаконного воздействия, в том числе обман — 29,8%, угрозы — 14,7%, введение в заблуждение относительно наличия доказательственной информации (по нашему мнению, это также обман) — 92,6%, культурную отсталость и религиозные предрассудки — 22,2%, безнравственные побуждения — 5,5% [187, 54].

При нашем опросе на вопрос о том, что должно служить критерием допустимости «тактических ловушек», ответили:

Критерии	Следователи	Слушатели учебных заведений
а) положения закона	61,6%	62,7%
б) требования морали	33,0%	53,4%
в) оценка правомерности приема следователем	42,9%	51,6%
г) свобода выбора решений и действий допрашиваемым	18,7%	19,0%

С учетом всего отмеченного представляется необходимым помимо основополагающих и достаточно общих критериев допустимости — законности, научности, нравственности — определить более конкретные и четкой практической направленности критерии или условия допустимости приемов.

Мы считаем, что к ним могут быть отнесены следующие:

- а) отсутствие в выдаваемой информации ложных данных;
- б) недопустимость давления — у лица, в отношении которого осуществляется прием, всегда должна быть возможность добровольного выбора варианта реагирования на сообщенную информацию;

в) не должна скрываться информация, ознакомление с которой является законодательно установленным правом лица;

г) прогнозирование и исключение использования тактических приемов, которые могут повлечь серьезные негативные последствия для участников уголовного процесса (расстройство здоровья, побуждение к аморальным и противозаконным действиям и т.п.).

д) оценка того, каким социальным ценностям отдается предпочтение в случае реализации приема, и меры допустимого ограничения прав других лиц;

е) полученная в результате осуществления тактического приема информация (сознание, реакция осведомленности и т.п.) не рассматривается в качестве доказательств и требует обязательно подтверждения иными данными.

Уточнение и развитие указанных критериев позволит, на наш взгляд, снять основную часть споров о допустимости тактических приемов и создать условия для обеспечения законности при их реализации на практике.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Горский Г.Ф.* Научные основы организации и деятельности следственного аппарата в СССР. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1970.
2. *Михайлов А.И., Соя-Серко Л.А., Соловьев А.Б.* Научная организация труда следователя. – М.: Юрид. лит., 1974.
3. *Лившиц А.М., Белкин Р.С.* Тактика следственных действий. – М.: Издательство «Новый юрист», 1997.
4. *Васильев А.Н., Карнеева Л.М.* Тактика допроса при расследовании преступлений. – М.: Юридическая литература, 1970.
5. *Гросс Г.* Руководство для судебных следователей как система криминалистики. – Спб., 1908.
6. *Коновалова В.Е.* Проблемы логіки і психології слідчій тактиці. – Харьков: Вид-во Харків. ун-ту, 1965.
7. *Митрохина З.И.* Использование данных психологии при производстве допроса: Учебное пособие. – Киев: УМК ВО, 1990.
8. *Гарбар В.П., Лукашевич В.Г., Перепелица А.Н., Топчева В.П.* Некоторые вопросы изготовления и использования субъективных рисованных портретов в следственной практике // Криминалистика и судебная экспертиза. – Киев, 1988. – Вып. 37. – С. 43–46.
9. *Пауэл У.* Поваренная книга анархиста. – М.: Русский раритет, 1995.
10. *Быховский И.Е., Глазырин Ф.В., Питерцев С.К.* Допустимость тактических приемов при допросе: Учебное пособие. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1989.
11. *Бахин В.П.* Следственная практика: проблемы изучения и совершенствования. – Киев: Лыбидь, 1991.
12. *Лукашевич В.Г.* Тактика общения следователя с участниками отдельных следственных действий: Учебное пособие. – Киев: НИ и РИО КВШ МВД СССР им. Ф.Э. Дзержинского, 1989.
13. *Рыжаков А.П.* Следственные действия и иные способы собирания доказательств. – Тула, 1996.
14. *Рыжаков А.П.* Следственные действия и иные способы собирания доказательств. – М.: Информационно-издательский дом «Филинь», 1997.

15. Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств-участников СНГ: Рекомендательный законодательный акт// Информационный бюллетень. — 1996. — № 10. Приложение.

16. *Любичев С.Г.* Этические основы следственной тактики. — М.: Юрид. лит., 1980.

17. *Образцов В.А.* Выявление и изобличение преступника. — М.: Юристь, 1997.

18. Науково-практичний коментар кримінально-процесуального кодексу України. — Київ: Юрінком, 1997.

19. *Нащекин Е.* Свидетель или подозреваемый // Законность. — 1996. — № 2. — С. 47–48.

20. *Давлетов А., Войт В.* Институт подозрения нуждается в совершенствовании // Законность. — 1996. — № 7. — С. 23–26.

21. Права человека и судопроизводство: Собрание международных документов. OSCE. Produced by USIA Regional Program Office, Vienna.

22. *Когамов М.Ч.* Предварительное расследование уголовных дел в Республике Казахстан: состояние, организация, перспективы. — Алматы: Аян Эдет, 1998.

23. *Образцов В.А.* Криминалистика: Курс лекций. — М.: Ассоциация правоохр. органов РФ, 1996.

24. *Шевелев Ю.* Сеанс гипноза // Соц. законность. — 1976. — № 11. — С. 71–72.

25. Нетрадиционные методы в раскрытии преступлений: Тезисы выступлений на научно-практическом семинаре. — М.: ВНИИ МВД РФ, 1994.

26. *Образцов В.А.* Основы криминалистики. — М.: Юристь, 1996.

27. *Слободяник А.П.* Психотерапия, внушение, гипноз. — Киев: Здоровье, 1978.

28. *Ларин А.М.* Криминалистика и паракриминалистика. — М.: Издательство БАК, 1996.

29. *Ратинов А.Р.* Судебная психология для следователей. — М.: Высшая школа МООП СССР, 1967.

30. *Шнейкерт Г.* Тайна преступника и пути к ее раскрытию (К учению о судебных доказательствах) / Пер. с нем. — М.: Изд. «Право и жизнь», 1925.

31. *Белкин Р.С.* Курс криминалистики. Т. 1. Общая теория криминалистики. — М.: Юристь, 1997.

32. *Лурия А.Р.* Этапы пройденного пути: Научная автобиография. — М.: МГУ, 1982.

33. *Злобин Г.А., Яни С.А.* Проблемы полиграфа // Проблемы совершенствования советского законодательства: Труды ВНИИСЗ МЮ СССР. — М., 1976. Т. 6. — С. 122–136.

34. Проблемы судебной этики / Под ред. *М.С. Строговича.* — М.: Наука, 1974.

35. *Пантелеев И.Ф.* Некоторые вопросы психологии расследования преступлений // Труды ВЮЗИ. — М., 1973. Вып. XXIX. — С. 218—234.
36. *Элькинд П.С.* Научно-технический прогресс и уголовное судопроизводство // Сов. юстиция. — 1977. — № 3. — С. 4—6.
37. *Гуляев А.П., Быховский И.Е.* Исследование эмоционального состояния человека в процессе производства следственного действия // Криминалистика и судебная экспертиза. — Киев, 1972. — Вып. 9. — С. 103—109.
38. *Комиссаров В.* Использование полиграфа в борьбе с преступностью // Законность. — 1995. — № 11. — С. 43—47.
39. *Прукс П.* Уголовный процесс: научная «детекция лжи». — Тарту, 1992.
40. *Розенблит С.* Инквизиционные методы допроса подозреваемых в США // Соц. законность. — 1954. — № 4.
41. *Тимошенко П.Ю., Салтевский М.В., Жариков Ю.Ф.* Теория и практика использования следов памяти (идеальных изображений) в расследовании преступлений. — Киев: Украинская академия внутренних дел, 1991.
42. *Коновалова В.Е.* Психология в расследовании преступлений. — Харьков: Издательское объединение «Вища школа», 1978.
43. *Лукашевич В.Г.* Криминалистическая теория общения: постановка проблемы, методика исследования, перспективы использования: Монография. — Киев: Издательство Украинской академии внутренних дел, 1993.
44. Киевские ведомости. 1998. 4 марта.
45. *Коновалова В.Е., Шепитько В.К.* Обыск: тактика и психология. — Харьков: Гриф, 1997.
46. *Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Котов Д.И.* Судебная этика. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1973.
47. *Белкин Р.С.* Курс криминалистики. Т. 3. Криминалистические средства, приемы и рекомендации. — М.: Юристъ, 1997.
48. *Васильев В.Л.* Юридическая психология. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1974.
49. *Гранат Н.Л.* О моделировании ситуаций, порождающих потребность в даче правдивых показаний // Вопросы криминалистической методологии, тактики и методики расследования. — М., 1973.
50. *Лукьянчиков Е.Д., Кузьмичев В.С.* Тактические основы расследования преступлений: Учебное пособие. — Киев: КВШ МВД СССР им. Ф.Э. Дзержинского, 1989.
51. *Быховский И.Е.* Процессуальные и тактические вопросы системы следственных действий: Дис. ... докт. юрид. наук. — М., 1975.
52. *Ларин А.М.* Расследование по уголовному делу. Планирование, организация. — М.: Юрид. лит., 1970.

53. *Баев О.Я.* Конфликтные ситуации на предварительном следствии (Основы предупреждения и разрешения). — Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1984.
54. *Гончаренко В.Г., Сокиран Ф.М.* Тактика психологического влияния на попередньому слідстві: Навчальний посібник. — Київ: Українська академія внутрішніх справ, 1994.
55. *Быховский И.Е.* Процессуальные и тактические вопросы проведения следственных действий: Учебное пособие. — Волгоград: Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел Высшей следственной школы МВД СССР, 1977.
56. Криминалистика. Расследование преступлений в сфере экономики: Учебник. — Нижний Новгород: Нижегородская высшая школа МВД России, 1995.
57. *Вакутин Ю.А.* Способы маскировки преступного поведения. — Омск, 1987.
58. *Бахин В.П., Кузьмичев В.С., Лукьянчиков Е.Д.* Тактика использования внезапности в раскрытии преступлений органами внутренних дел: Учебное пособие. — Киев: НИ и РИО КВШ МВД СССР им. Ф.Э. Дзержинского, 1990.
59. *Чуфаровский Ю.В.* Юридическая психология. Теоретические аспекты, практическое применение. — М.: Юристъ, 1996.
60. *Коновалова В.Е.* Организационные и психологические основы деятельности следователя. — Киев: РИО МВД УССР, 1973.
61. *Хайдуков Н.П.* Тактико-психологические основы воздействия следователя на участвующих в деле лиц. — Саратов: Изд-во Саратов. унта, 1984.
62. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 1. — М., 1968.
63. *Звонков Б.Н.* Этические аспекты тактики допроса // 59 лет советской прокуратуры и проблемы совершенствования предварительного следствия. — Л., 1972.
64. *Дулов А.В.* Судебная психология. — Минск: Высшэйшая школа, 1975.
65. *Кулагин Н.И., Порубов Н.И.* Организация и тактика допроса в условиях конфликтной ситуации: Учебное пособие. — Минск: Минская высшая школа МВД СССР, 1977.
66. *Гранат Н.Л.* Критерии законности и допустимости целенаправленного психологического воздействия // Тактические приемы допроса и пределы их использования. — М., 1980. — С. 45—47.
67. *Шепитько В.Ю.* Допрос несовершеннолетних: психология и тактика: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Харьков, 1991.
68. *Чуфаровский Ю.В.* Юридическая психология: Учебное пособие. — М.: Право и закон, 1997.

69. *Бахін В.П., Весельський В.К., Маліков Т.С.* Поліцейський допит у США (поради допитуючому): Навчальний посібник. — Київ: НВТ «Правник» — НАВСУ, 1997.
70. *Усманов У.А.* Справочник следователя. — М.: Издательство «ПРИОР», 1997.
71. *Глазырин Ф.В.* Психология следственных действий: Учебное пособие. — Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1983.
72. *Порубов Н.И.* Допрос в советском уголовном судопроизводстве. — Минск: Вышэйшая школа, 1973.
73. *Карнеева Л.М.* Тактические основы организации и производства допроса в стадии расследования. — Волгоград: Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел ВСШ МВД СССР, 1976.
74. *Васильев А.Н.* Следственная тактика. — М.: Юрид. лит., 1976.
75. *Ведерников И.* Изучение личности преступника в процессе расследования. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1968.
76. *Кривошеев А.С.* Изучение личности обвиняемого в процессе расследования. — М.: Юрид. лит., 1971.
77. *Курашвили Г.К.* Изучение следователем личности обвиняемого. — М.: Юрид. лит., 1982.
78. Следственные действия (процессуальная характеристика, тактические и психологические особенности): Учеб. пособие для вузов МВД. — Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1984.
79. *Матусевич И.А.* Изучение личности обвиняемого в процессе предварительного расследования преступлений. — Минск: Изд-во Белорусского ун-та, 1975.
80. *Пинта О.* Охотник за шпионами // Секретные миссии. — М., 1964.
81. *Зайцева А.* На воре шапка горит. Как по внешности определить характер человека. — Киев, 1998.
82. *Смирнова Н.И.* О возможности использования паралингвизмов в процессе следствия // Вопросы судебной психологии. — М., 1971.
83. *Жэнь Хэй Хуа.* Об особенных чертах расследования преступлений в Древнем Китае // Следствие. — 1987. — № 3.
84. *Муратов С.А.* Диалог. — М., 1983.
85. *Комарков В.С.* Тактика допроса: Учебное пособие. — Харьков, 1975.
86. Проблемы прокурорской и следственной деятельности в сфере борьбы с преступностью в современных условиях. Международная научно-практическая конференция. 5–6 июля 1996 г.: Тезисы выступлений. — СПб., 1996.
87. *Коновалова В.Е.* Правовая психология: Учебное пособие. Издание 2-е. — Харьков: Консум, 1997.
88. *Строгович М.С.* Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. — М., 1955.

89. Дулов Л.В., Нестеренко П.Д. Тактика следственных действий. — Минск: Вышэйшая школа, 1971.
90. Лисиченко В.К., Стринжа В.К., Сегай М.Я. Проблемы криминалистики и судебной экспертизы в свете решений XXVII съезда КПСС // Криминалистика и судебная экспертиза. — Киев, 1987. Вып. 34.
91. Пашкевич П.Ф. Проблемы процессуального обеспечения оперативности и быстроты судопроизводства // Вопросы борьбы с преступностью. — М., 1971. Вып. 14.
92. Томин В.Т. XXVII съезд КПСС и роль уголовно-процессуальной, управленческой и криминалистической наук в интенсификации (ускорении) уголовного судопроизводства // Социально-правовые проблемы борьбы с посягательствами на социалистическую экономику: Труды Горьковской высшей школы МВД СССР. — Горький, 1987.
93. Соловьев А.Б. Изучение эффективности производства допросов и очных ставок на предварительном следствии (методика и некоторые результаты) // Вопросы борьбы с преступностью. — М., 1978. Вып. 28.
94. Громов В.И. Дознание и предварительное следствие (теория и техника расследования преступлений): Руководство для органов дознания и народных следователей. — М., 1925.
95. Бахін В.П., Цимбал П.В. Удосконалення форм використання науково-технічних досягнень у розслідуванні // Проблеми удосконалення кримінально-процесуального законодавства. — Київ, 1993.
96. Нащекин Б. О бедном следователе замолвите слово // Законность. — 1997. — № 3.
97. Стахівський С.М. Показання свідка як джерело доказів у кримінальному процесі: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Київ, 1996.
98. Щадин Ю. Почему ухудшается качество следствия? // Законность. — 1995. — № 6.
99. Ларин А.М. Работа следователя с доказательствами. — М., 1966.
100. Михеенко М.М. Концептуальні питання розвитку законодавства про судову владу і кримінальне судочинство // Концепція розвитку законодавства України. — Київ, 1996.
101. Шибіко В.П. Про межі раціоналізації кримінального процесу України // Концепція розвитку законодавства України. — Київ, 1996.
102. Петровская Е. Нужно ли изменять процессуальную форму в уголовном судопроизводстве? // Соц. законность. — 1974. — № 8.
103. Строгович М. О единой форме уголовного судопроизводства и пределах ее дифференциации // Соц. законность. — 1974. — № 9.
104. Пашкевич П. Процессуальные формы уголовного судопроизводства нужно дифференцировать // Соц. законность. — 1974. — № 9.
105. Карнеева Л.М. Проблемы соотношения теории криминалистики и уголовно-процессуальной науки со следственной практикой // Актуальные проблемы советской криминалистики. — М., 1980.

106. *Когамов М.Ч.* Актуальные проблемы совершенствования расследования преступлений в Республике Казахстан: Дис. ... докт. юрид. наук. — Алматы, 1997.
107. Концепція судово-правової реформи в Україні. Проект Міністерства юстиції від 20 января 1997 г., Київ.
108. *Кожевніков Г.К., Хотенець В.М., Янович Ю.П.* Значения навантаження та умов праці слідчого для підвищення ефективності його діяльності // Вісник Академії правових наук України. — Харків, 1996.
109. *Томин В.Т.* Острые углы уголовного судопроизводства. — М.: Юрид. лит., 1991.
110. *Томин В.Т.* Научная организация труда следователя и процессуальная норма: Проблемы организации управления и труда в органах внутренних дел: Материалы научно-практической конференции. Омск, 1969.
111. Науково-практичний коментар кримінально-процесуального кодексу України. — Київ, 1995.
112. *Васильев А.Н.* Тактика отдельных следственных действий. — М.: Юрид. лит., 1981. (Библиотека следователя).
113. *Томин В.Т., Ваулин Э.Д.* К вопросу о производстве следственных действий в стадии возбуждения уголовного дела // За дальнейшее укрепление социалистической законности. — Омск: ОБШМ МООП СССР, 1967.
114. *Порубов Н.И.* Научная организация труда следователя. — Минск: Вышэйшая школа, 1970.
115. *Гришин С.П., Черников В.В.* Опыт количественного исследования деятельности следователя по собиранию доказательств // Проблемы уголовно-процессуальной и управленческой деятельности в сфере борьбы с посягательствами на социалистическую собственность: Труды Горьковской высшей школы МВД СССР. — Горький, 1976. Вып. 7.
116. Кримінально-процесуальний кодекс України. Проект. — Київ, 1995.
117. *Басков В.И.* Отрывки из записок прокурора. — М.: Фирма «Спарк», 1995.
118. *Нагнойный Я.П.* О возможности назначения судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела // Криминалистика и судебная экспертиза. — Киев, 1967. Вып 4.
119. *Лисиченко В.К.* Концептуальні напрямки і етапи розвитку кримінально-процесуального законодавства // Науковий вісник Української академії внутрішніх справ: Науково-теоретичний журнал. — 1997. — № 1.
120. *Савицкий В.М.* Очерки теории прокурорского надзора. — М., 1975.
121. *Рыбачук Е.В.* Методы предварительной проверки // Дальневосточные криминалистические чтения: Научн. сб. Выпуск второй. — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997.

122. *Зайцева Е.А.* Совершенствование правового института судебной экспертизы в стадии расследования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Волгоград, 1994.

123. *Ставицкая А., Щербина Т.* Протоколировать или ... расследовать? // Юстиция. — 1996. — № 1.

124. *Зеленецький В.С.* Структура дослідчого кримінального процесу // Вісник Академії правових наук України. — Харків. — 1996. — № 7.

125. *Надгортний Г.М., Стринжа В.К., Сегай М.Я.* Недоліки законодавства про використання спеціальних знань у кримінальному і цивільному процесі, пов'язані з порушенням вимог законодавчої техніки // Концепція розвитку законодавства України. — Київ, 1996.

126. *Сперанский Н.Н.* Проекты и записки. — М., 1961.

127. *Лукашевич В.Г.* Проблемы оптимізації діяльності з розслідування злочинів // Теоретичні та практичні проблеми використання можливостей криміналістики і судової експертизи у розкритті й розслідуванні злочинів. — Київ, 1996.

128. *Бахин В.П., Ищенко А.В., Кузьмичев В.С.* О необходимости новых форм и методов борьбы с преступностью // Вестник Днепропетровского университета. Правоведение. — Днепропетровск, 1995. Вып. 2.

129. *Опришко В.Ф.* Основные положения проекта концепции развития законодательства Украины до 2005 року // Концепция развития законодательства Украины. — Київ, 1996.

130. Киевские ведомости. 1996. 3 апреля.

131. *Храмович М.А.* Научный эксперимент, его место и роль в познании. — Минск, 1972.

132. *Абдуллаев Н.Д., Муравьев Ю.В.* Роль конкретно-социологических методов исследования в совершенствовании советского правотворчества // Вестник Ленинградского ун-та, серия экономики, философии, права. — 1964. Вып. 3. — № 17.

133. *Петрухин И.Л., Батуров Г.П., Морщакова Т.Г.* Теоретические основы эффективности правосудия. — М., 1979.

134. *Чугунов В.Е., Чувилов А.А.* О некоторых направлениях применения социологических методов в советской процессуальной науке // Проблемы социологии права. — Вильнюс, 1970. Вып. 1.

135. Приказ МВД Украины № 745 от 25 ноября 1992 г. «О неотложных мерах по совершенствованию структуры и организации деятельности органов предварительного следствия в системе МВД Украины».

136. *Клочков В.* Следователю нужен помощник // Законность. — 1996. — № 4.

137. *Каминская В.И.* Теория советского уголовно-процессуального закона: Дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1967.

138. *Раббот Б.С.* Проблемы эксперимента в социальном исследовании // Информационный бюллетень. — М., 1970. — № 48.

139. *Белкин Р.С.* Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике. — М., 1964.

140. *Элькинд П.С.* Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. — Л., 1976.

141. *Гончаренко В.И.* Вопросы использования средств криминалистической техники в уголовном судопроизводстве // Криминалистика и судебная экспертиза. — Киев, 1979. Вып. 19.

142. *Бахин В.П.* Законодательство союзных республик как база правового эксперимента // Актуальные проблемы теории и практики борьбы с тяжкими преступлениями. — Караганда, 1973.

143. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью. Принята резолюцией 40/34 Генеральной ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 года // Права человека и судопроизводство: Собрание международных документов / Сост.: Ф. Куинн, А. Желлиньский. Варшава.

144. Основні принципи незалежності судових органів // Права людини і професійні стандарти для юристів в документах міжнародних організацій. — Амстердам — Київ, 1996.

145. *Лисиченко В.К.* Проблеми новітні чинного кримінально-процесуального законодавства України та етапи його розвитку // Концепція розвитку законодавства України: Матеріали науково-практичної конференції. — Київ, 1996.

146. *Михеенко М.М., Нор В.Т., Шибіко В.П.* Кримінальний процес України. — Київ, 1992.

147. *Минева Г.П.* Уголовно-правовая охрана свидетеля и потерпевшего: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1993.

148. Закон України про державний захист працівників суду і правоохоронних органів // Відомості Верховної Ради. — 1994. — № 11. — Ст. 50.

149. Законы о судоустройстве, прокуратуре, милиции, государственной защите судей. — М.: БУКВИЦА, 1996.

150. *Кузьмичев В.С., Шульга М.П.* Об участии в уголовно-процессуальной деятельности экспертов, желающих остаться неизвестными // Актуальные проблемы судебной экспертизы и криминалистики: Тезисы научно-практической конференции. — Киев, 1993.

151. *Брусницын Л.* Обеспечение безопасности потерпевших и свидетелей // Законность. — 1997. — № 1. <

152. Закон України про забезпечення безпеки осіб, які беруть участь у кримінальному судочинстві // Відомості Верховної Ради. — 1994. — № 11. — Ст. 51.

153. Рекомендательный законодательный акт «О государственной защите потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству». Проект Государственной Думы РФ, 1996.

154. Киевские ведомости. 1997. 10 октября.

155. *Таций В.Я.* Про роль юридичної науки у забезпеченні ефективної боротьби правоохоронних органів зі злочинністю. — Харків, 1997.

156. *Щерба С., Зайцев О.* Защита свидетеля в США // Юстиция. — 1994. — № 8.
157. *Вечернин Э.П., Губанов В.В., Савченко С.М.* К вопросу о правовой защите участников уголовного процесса и иных лиц // Проблемы борьбы с организованной преступностью: Сборник научных трудов. — М., 1990.
158. *Стахівський С.М.* Гарантії достовірності показань свідка // Проблеми удосконалення кримінального та кримінально-процесуального законодавства: Міжвузівський збірник наукових праць. — Київ: Українська академія внутрішніх справ, 1993.
159. *Тертышник В.М.* Проблемы теории и практики доказывания на досудебных стадиях современного уголовного процесса. — Сумы, 1995.
160. Колумбия: между мафией и герильей // Эхо планеты. — 1991. — № 37.
161. *Заглада Л.* Кто сделает «новое лицо» для свидетеля по делу «крутого» мафиози? // Факты. — 1998. — 15 апреля.
162. *Казаренко М.* Права свідка на імунітет та підстави його застосування // Право України. — 1998. — № 2.
163. *Вандер М.Б., Елагина Е.В.* Защита доказательств при расследовании преступлений // Вопросы совершенствования прокурорско-следственной деятельности: Сборник статей. — СПб., 1996. Вып. 8.
164. *Комиссаров В.* Свидетель и потерпевший в уголовном судопроизводстве // Юстиция. — 1994. — № 8.
165. *Брусницын Л.* Как обезопасить лиц, содействующих уголовному правосудию // Юстиция. — 1996. — № 9.
166. *Грузинова Т. І.* Деякі аспекти застосування у слідчій практиці закону України «Про оперативно-розшукову діяльність» // Слідча практика. Уклад О.В., Святенський К.: РВВ МВС України, 1997.
167. *Кипнис Н.* Законодательное регламентирование свидетельского иммунитета // Юстиция. — 1994. — № 3.
168. *Самыгин Л.Д.* О сущности и содержании следственной тактики // Вестник Московского университета. Серия право. — М., 1989. Вып. 1.
169. Большая советская энциклопедия. Третье издание. — М., 1976. — Т. 25.
170. Тактика. — М., 1966.
171. *Вайнгартль А.* Уголовная тактика. Руководство къ разсьледованію преступлений. — Овручь, 1910.
172. *Коновалова В.Е.* Теоретические основы следственной тактики: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. — Харьков, 1966.
173. *Белкин Р.С.* Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. — М., 1970.
174. *Баев О.Я.* Тактика следственных действий. — Воронеж, 1992.

175. Криминалистика: Учебник / Под ред. Н.П. Яблокова. — М., 1995.
176. *Белкин Р.С.* Очерки криминалистической тактики. — Волгоград, 1993.
177. *Баев О.Я.* Криминалистическая тактика и уголовно-процессуальный закон. — Воронеж, 1977.
178. *Баев О.Я.* Криминалистическая тактика: понятие и система // Актуальные вопросы правоведения (информационные материалы). — Екатеринбург, 1992.
179. Криминалистика: Учебник / Под ред. И.Ф. Пантелеева и Н.А. Селиванова. — М., 1988.
180. Криминалистика: Учебник / Под ред. Г.А. Седовой и А.А. Эсхархопуло. — СПб., 1995.
181. Криминалистика: Учебник / Под ред. Р.С. Белкина. — М., 1986.
182. Судебные экспертизы. Возможности. Подготовка материалов. Назначение. Оценка. — Киев, 1981.
183. *Быков В.М.* Психологические аспекты взаимодействия следователя и органа дознания. — Омск, 1976.
184. *Закаатов А.А.* Психологические особенности тактики производства следственных действий с участием несовершеннолетних. — Волгоград, 1979.
185. Криминалистика: Учеб. пособие / Под ред. А.В. Дулова. — Минск: НКФ «Экоперспектива», 1996.
186. Специализированный курс криминалистики: Учебник / Под ред. М.В. Салтевского. — Киев, 1987.
187. *Шепитько В.Ю.* Теоретические проблемы систематизации тактических приемов в криминалистике. — Харьков: РИП «Оригинал», 1995.
188. *Сафин Н.Ш.* Допрос несовершеннолетнего подозреваемого в советском уголовном судопроизводстве (процессуальный и криминалистический аспекты проблемы). — Казань: Изд. Казанского ун-та, 1990.
189. *Леви А.А., Пичкалева Г.И., Селиванов Н.А.* Получение и проверка показаний следователем: Справочник. — М.: Юрид. лит., 1987.
190. *Шейфер С.А.* Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе: Учебное пособие. — М., 1972.
191. *Громов В., Логовиер Н.* Искусство расследования преступлений. — М., 1927.
192. Криминалистика социалистических стран. — М., 1986.
193. *Дамбровский Р.Г.* Совершенствование понятийного аппарата криминалистики // Борьба с преступностью на современном этапе. — Рига, 1980.
194. *Богинский В.Е.* Система тактических приемов допроса подозреваемого: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Харьков, 1980.

195. *Комиссаров В.И.* Теоретические проблемы следственной тактики. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1987.
196. *Колесниченко А.Н., Коновалова В.Н.* Актуальные проблемы тактики и методики расследования преступлений // Проблемы социалистической законности: Республиканский межведомственный научный сборник. – Харьков: Изд. «Вища школа», 1978. Вып. 3.
197. *Порубов Н.И.* Научные основы допроса на предварительном следствии. – 3-е изд., перераб. – Минск: Выш. школа, 1978.
198. *Митричев С.П.* Следственная тактика. – М., 1975.
199. *Якубович Н.А.* Общие проблемы криминалистической тактики // Советская криминалистика. Теоретические проблемы. – М.: Юрид. лит., 1978.
200. *Бахін В.П., Лиса Т.В.* Систематизація криміналістичних рекомендацій як засіб удосконалення слідчої діяльності // Вісник Київського університету. Юридичні науки. – Київ, 1988. Вип. 29.
201. *Белкин Р.С., Сегай М.Я.* Равен самому себе. – Киев, 1991.
202. *Бахин В.П., Биленчук П.Д., Кузьмичев В.С.* Криминалистические приемы и средства разрешения следственных ситуаций: Учебное пособие. – Киев: КВШ МВД СССР им. Ф.Э. Дзержинского, 1991.
203. *Бахін В.П., Весельський В.К.* Тактика допиту. Навчальний посібник (серія «Навчально-практичне видання»). – Київ: НВТ «Правник», 1997.
204. *Ищенко П.П.* Специалист в следственных действиях. Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты: Практическое пособие. – М.: Юридическая литература, 1990.
205. *Циркаль В.В.* Некоторые особенности тактики допроса с участием специалиста // Криминалистика и судебная экспертиза. – Киев, 1981. Вып. 22.
206. *Лобанов А.* Участие защитника в следственных действиях // Законность. – 1995. – № 6.
207. *Милова И.* Участие адвоката в следственных действиях // Юстиция. – 1996. – № 11.
208. *Чвороткін М.І.* Процесуальні гарантії забезпечення підозрюваному та обвинуваченому права на захист на стадії досудового слідства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Київ, 1997.
209. *Путерцев С.К., Степанов А.А.* Тактические приемы допроса. – СПб., 1994.
210. Проблемы повышения эффективности предварительного следствия. – Вильнюс, 1969.
211. Следственная практика. – М., 1977. Вып. 116.
212. *Быховский И.Е.* Об использовании фактора внезапности при расследовании преступлений // Вопросы криминалистики. – 1963. – №№ 8–9.

213. *Белкин Р.С.* Фактор внезапности, его учет и использование при расследовании преступлений: Лекция. — М.: Академия МВД России, 1995.
214. Следственная практика. — М., 1989. Вып. 154.
215. *Бахин В.П., Биленчук П.Д., Кузьмичев В.С., Филиппова М.А.* Тактические приемы раскрытия преступлений. — Киев: РИО МВД Украины, 1991.
216. *Видонов Л.Г.* Криминалистические характеристики убийств и системы типовых версий о лицах, совершивших убийства без очевидцев. — Горький, 1978.
217. Следственная практика. — М., 1983. Вып. 142.
218. *Белкин Р.С.* Не преступи черту. Очерки о криминалистике. — М., 1979.
219. *Закатов А.А.* Ложь и борьба с нею. — Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1984.
220. *Шиканов В.И.* Проверка «алиби» в процессе расследования уголовных дел об убийстве: Учебное пособие. — Иркутск, 1978.
221. Следственная практика. — М., 1979. Вып. 122.
222. *Соловьев А.Б.* Использование доказательств при допросе. — М.: Юрид. лит., 1981.
223. *Якимов И.Н.* Допрос. — М., 1930.
224. *Пискарев Б.А.* Правильно избранная тактика допроса подозреваемого определила успешность его результатов // Сл. практика. — М., Юрид. лит., 1970. Вып. 86.
225. *Доля Е.А.* Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. — М.: Издательство «СПАРК», 1996.
226. *Бахин В.И., Быков В.М., Макаров Н.Л.* О тактике повторного следствия // Сибирские юридические записки. Вып. 4. Проблемы борьбы с преступностью. — Иркутск—Омск, 1974.
227. Следственная практика. — М., 1988. Вып. 153.
228. *Гончаренко В.И.* Использование звукозаписи, фотографии и киносъемок в уголовном судопроизводстве: Методическая разработка к курсу криминалистики для студентов юридического факультета. — Киев: КГУ, 1980.
229. *Лукашевич В.З.* Тактика первого допроса обвиняемого после предъявления обвинения // Вопросы уголовного права, прокурорского надзора, криминалистики и криминологии. — Душанбе, 1968. Кн. 2.
230. *Лукашевич В.Г., Разводовский В.В.* Использование приемов графической фиксации зрительного образа при допросе // Криминалистика и судебная экспертиза. — Киев: Высшая школа, 1987. Вып. 34.
231. *Гончаренко В.И.* Научно-технические средства в следственной практике. — Киев: Изд-во «Вища школа», 1984.
232. *Бабаева Э., Ефимов И.* Противодействие изменению показаний обвиняемыми и свидетелями // Законность. — 1995. — № 9.

233. *Клименко И.И.* Криміналістическіе знанія в структурі професіональної підготовки слідователя: Учебное пособие. — Киев: Вища школа, 1990.

234. *Тауберъ Л.* Къ вопросу объ усовершенствованіи способовъ изслѣдованія преступленій // Вѣстникъ права. — 1915. — № 41.

235. *Рашинов А.Р.* Тактический прием. Допустимость и оптимальность // Тактические приемы допроса и пределы их использования. — М., 1980.

236. *Коновалова В.Е., Шепитько В.Ю.* Криміналістическая тактика: теории и тенденции: Учебное пособие.— Харьков: Гриф, 1997.

237. *Якушин С.Ю.* Тактические приемы при расследовании преступлений. — Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1983.

238. *Селиванов Н.* Критерии допустимости применения тактических приемов при расследовании // Законность. — 1994. — № 4.

239. *Лупинская П.* Основания и порядок принятия решений о недопустимости доказательств // Юстиция. — 1994. — № 11.

240. *Зархин Ю.М.* Нравственныe основы предварительного следствия в советском уголовном процессе: Дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1974.

241. *Ветрова Г.* Ответственность свидетеля в уголовном процессе // Соц. законность. — 1980. — № 8.

242. *Туменко О.* Всегда ли необходимо судебное следствие? // Соц. законность. — 1991. — № 11.

243. Кримінальний кодекс України. Проект. — Киев: Українська правнича фундація. Видавництво «Право», 1994.

244. Організована злочинність і корупція (Нормативно-правове забезпечення боротьби). — Київ: НВТ «Правник», НАВСУ, 1998.

245. Собрание законодательства Российской Федерации. — М., 1995. — № 5.

246. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. 14- изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 1983.

247. *Коновалова В.Е.* Нравственныe начала советского судопроизводства // Соц. законность. — 1984. — № 5.

248. *Строгович М.С.* Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности // Виктимология и профилактика правонарушений. — Иркутск, 1979.

249. *Кубрак П.М.* Психологічні та етичні засади допустимості доказів на попередньому слідстві // Науковий вісник Української академії внутрішніх справ. — Київ, 1997. — № 1.

250. О применении Конституции Украины при осуществлении правосудия (Постановление Пленума Верховного Суда Украины от 1 ноября 1996 г. № 9).

251. *Рашинов А.Р.* Теория рефлексивных игр в приложении к следственной практике // Правовая кибернетика. — М., 1970.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

І . ПОСОБИЯ И МОНОГРАФИИ

1. *Абрамов Н.* Дар слова. Искусство допрашивать. — СПб., 1910. Вып. 9.
2. *Абульханова-Славская К.А.* Деятельность и психология личности. — М., 1980.
3. *Акинча Н.А.* Подозреваемый и обвиняемый на предварительном следствии. — Саратов, 1961.
4. Актуальные проблемы теории юридических доказательств. — Иркутск, 1984.
5. *Алексеев А.М.* Психологические особенности показаний очевидцев. — М., 1972.
6. *Ананьев Б.Г.* Психология и проблемы человекознания. — М. — Воронеж, 1966.
7. *Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е.* Психология преступника и расследование преступлений. — М., 1996.
8. *Анушат Э.* Искусство раскрытия преступлений и законы логики. — М., 1927.
9. *Анушат Э.* Искусство раскрытия преступлений и законы логики / Пер. с нем. — Киев, 1997.
10. *Ароцкер Л.Е.* Тактика и этика судебного допроса. — М., 1969.
11. *Асмалов А.Г.* Психология личности. — М., 1990.
12. *Аубакиров А.Ф., Гинзбург А.Я., Лившиц Ю.Д.* Значение экспертизы в расследовании преступлений. — Караганда, 1991.
13. *Ахпанов А.Н.* Проблемы уголовно-процессуального принуждения в стадии предварительного расследования. — Алматы, 1997.
14. *Баев О.Я.* Конфликты в деятельности следователя. — Воронеж, 1971.
15. *Баев О.Я.* Криминалистическая тактика и уголовно-процессуальный закон. — Воронеж, 1977.
16. *Баев О.Я.* Конфликты в деятельности следователя (вопросы теории). — Воронеж, 1981.
17. *Баев О.Я.* Содержание и формы криминалистической тактики. — Воронеж, 1981.

18. *Баев О.Я.* Конфликтные ситуации на предварительном следствии. Основы предупреждения и разрешения. — Воронеж, 1984.
19. *Баев О.Я.* Тактика следственных действий. — Воронеж, 1992.
20. *Баев О.Я.* Тактика следственных действий. — Воронеж, 1995.
21. *Бажанов М.И.* Свидетели, их права и обязанности по советскому уголовно-процессуальному законодательству. — М., 1955.
22. *Базилев Б.* Молодые обвиняемые и подсудимые в уголовном процессе. — СПб., 1910.
23. *Бахарев В.* Как держать себя на допросах. — Женева, 1900.
24. *Бахарев Н.В.* Очная ставка. Уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы. — Казань, 1982.
25. *Бахин В.П., Дементьев В.П.* Опыт практики — ключ к раскрытию и расследованию преступлений. — Свердловск, 1990.
26. *Бахин В.П., Кузьмичев В.С., Лукьянчиков В.Д.* Тактика использования внезапности в раскрытии преступлений органами внутренних дел. — Киев, 1990.
27. *Бахин В.П., Биленчук П.Д., Кузьмичев В.С.* Криминалистические приемы и средства разрешения следственных ситуаций. — Киев, 1991.
28. *Бахін В., Гончаренко В.* Як розкриваються злочини. — Київ, 1996.
29. *Бахін В.П., Весельський В.К.* Тактика допиту. — Киев, 1997.
30. *Бахин В.П.* Полицейский допрос (Советы допрашивающему). — Алматы, 1997.
31. *Бедняков Д.И.* Непроцессуальная информация и расследование преступлений. — М., 1991.
32. *Бекешко С.П., Матвиенко Е.А.* Подозреваемый в советском уголовном процессе. — Минск, 1969.
33. *Белкин Р.С.* Собираение, исследование и оценка доказательств: сущность и методы. — М., 1966.
34. *Белкин Р.С., Винберг А.И.* Криминалистика и доказывание. — М., 1969.
35. *Белкин Р.С., Винберг А.И.* Криминалистика. Общетеоретические проблемы. — М., 1973.
36. *Белкин Р.С.* Курс советской криминалистики: В 3 т. — М., 1977—1979.
37. *Белкин Р.С.* Очерки криминалистической тактики. — Волгоград, 1993.
38. *Белкин Р.С.* Фактор внезапности, его учет и использование при расследовании преступлений. — М., 1995.
39. *Белкин Р.С.* История отечественной криминалистики. — М., 1999.
40. *Беллин Э.Ф.* Внушение и значение его в уголовно-следственной практике. — Харьков, 1893.
41. *Белозеров Ю.Н., Рябконов В.В.* Производство следственных действий. — М., 1990.
42. *Бентам И.* Трактат о судебных доказательствах. — Киев, 1876.

43. *Березин А.И.* Предъявление обвинения и допрос обвиняемого: Лекция. — М., 1965.
44. *Богинский В.Е.* Рефлексивное управление при допросе. — Харьков, 1983.
45. *Бодалев А.А.* Восприятие и понимание человека человеком. — М., 1988.
46. *Бодалев А.А.* Психология личности. — М., 1988.
47. *Борст М.* Экспериментальные исследования о воспитываемости и верности показаний. «Восьмая книжка педагогической психологии». Т. 2. Ч. I. — СПб., 1907. Вып. 2.
48. *Братко А.А. и др.* Моделирование психической деятельности. — М., 1969.
49. *Брунер Д.* Психология познания. — М., 1977.
50. *Брусиловский А.* Психология показаний малолетних и несовершеннолетних свидетелей. — Харьков, 1929.
51. *Брусиловский А.Е., Строгович М.С.* Свидетельские показания в качестве судебных доказательств. Методика и техника следственной работы. — Киев, 1934.
52. *Быховский И.Е.* Производство следственных действий. — Л., 1984.
53. *Быховский И.Е., Корниенко Н.А.* Проверка показаний на месте. — Л., 1988.
54. *Быховский И.Е., Глазырин Ф.В., Питерцев С.К.* Допустимость тактических приемов на допросе. — Волгоград, 1989.
55. *Вакутин Ю.А.* Способы маскировки преступного поведения. — Омск, 1987.
56. *Вандышев В.В.* Изучение личности потерпевшего в процессе расследования. — Л., 1989.
57. *Васильев А.Н., Степичев С.С.* Воспроизведение показаний на месте. — М., 1959.
58. *Васильев А.Н., Карнеева Л.М.* Тактика допроса при расследовании преступлений. — М., 1970.
59. *Васильев А.Н.* Следственная тактика. — М., 1976.
60. *Васильев А.Н.* Тактика отдельных следственных действий. — М., 1981.
61. *Васильев В.Л.* Юридическая психология. — Л., 1974.
62. *Васильев В.Л.* Судебная психология. Психологический практикум для следователей. — Л., 1979.
63. *Васильев В.Л.* Юридическая психология. — Л., 1991.
64. *Васильев В.Л.* Психология следственных действий. — Киев, 1996.
65. *Васильев В.Л.* Юридическая психология. — СПб., 1997.
66. *Васильев Л.М.* Организация следственной работы (Вопросы подготовки следователей и преодоления их профессиональной деформации): Учеб. пособие. — Краснодар, 1983.
67. *Василюк Ф.Е.* Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). — М., 1984.

115. Дулов А.В. Основы психологического анализа на предварительном следствии. — М., 1973.
116. Дулов А.В. Судебная психология. — Изд. 2-е. — Минск, 1975.
117. Дулов А.В. Тактические операции при расследовании преступлений. — Минск, 1979.
118. Евгеньев М.Е. Методика и техника расследования преступлений. — Киев, 1940.
119. Еникеев М.И. Судебная психология. — М., 1975. Ч. 1.
120. Еникеев М.И. Судебная психология. — М., 1976. Ч. 2.
121. Еникеев М.И. Основы судебной психологии. Психические процессы и состояния. — М., 1982.
122. Еникеев М.И. Основы судебной психологии. Психологические свойства личности. — М., 1982.
123. Еникеев М.И., Черных Э.П. Психология допроса. — М., 1990.
124. Ерастов Н.П. Психология общения. — Ярославль, 1979.
125. Ермолаев И.П., Кашафутдинов Р.Г. Свод законов Киевской Руси: Учебное пособие для изучения «Русской Правды». — Казань, 1985.
126. Ефимичев С.П. Допрос. — Волгоград, 1978.
127. Жбанков А.А. Человек как носитель криминалистически значимой информации. — М., 1993.
128. Завадский А.В., Елистратов А.И. О влиянии вопросов внушения на достоверность свидетельских показаний. — Казань, 1905.
129. Закатов А.А. Тактика допроса потерпевшего на предварительном следствии. — Волгоград, 1976.
130. Закатов А.А. Психологические особенности тактики производства следственных действий с участием несовершеннолетних. — Волгоград, 1979.
131. Закатов А.А. Ложь и борьба с нею. — Волгоград, 1984.
132. Зинченко П.И. Психология памяти. — Л., 1965.
133. Зинченко П.И. Проблемы психологии памяти. — Харьков, 1969.
134. Зорин Г.А. Психологический контакт при производстве допроса. — Гродно, 1986.
135. Зорин Г.А. Тактический потенциал следственного действия. — Минск, 1989.
136. Зорин Г.А. Эвристические методы формирования стратегии и тактики следственной деятельности. — Гродно, 1991.
137. Изард, Кэрролл Е. Эмоции человека / Пер. с англ. — М., 1980.
138. Калашишкова Н.Я. Гарантии прав свидетеля, эксперта, переводчика и понятого в советском уголовном процессе. — М., 1966.
139. Каминский В.И. Показания обвиняемого в советском уголовном процессе. — М., 1960.
140. Канторович Я.А. Психология свидетельских показаний. — Харьков, 1925.

141. *Карагодин В.Н.* Преодоление противодействия предварительному расследованию. — Свердловск, 1992.
142. *Карацев К.М.* Основные процессуальные и криминалистические положения допроса обвиняемого. — Алма-Ата, 1969.
143. *Карнеева Л.М., Ординский С.С., Розенблит С.Я.* Тактика допроса на предварительном следствии. — М., 1958.
144. *Карнеева Л.М., Ратинов А.Р., Хилобок М.П.* Применение звукозаписи в следственной работе. — М., 1967.
145. *Карнеева Л.М., Соловьев А.Б., Чувишев А.А.* Допрос подозреваемого и обвиняемого. — М., 1969.
146. *Карнеева Л.М.* Тактические основы организации и производства допроса в стадии расследования. — Волгоград, 1976.
147. *Карнеева Л.М.* Особенности тактики допроса несовершеннолетних. — Волгоград, 1978.
148. *Карнеева Л.М.* Доказательства в советском уголовном процессе. — Волгоград, 1988.
149. *Кертэс Имре.* Тактика и психологические основы допроса на предварительном следствии. — М., 1964.
150. *Кертэс Имре.* Тактика и психологические основы допроса. — М., 1965.
151. *Китаев-Смык Л.А.* Психология стресса. — М., 1983.
152. *Клацки Р.* Память человека. Структура и процессы. — М., 1978.
153. *Кобликов А.С.* Право обвиняемого на защиту при производстве предварительного следствия. — М., 1961.
154. *Ковалев А.Г.* Психология личности. — 3-е изд. и доп. — М., 1976.
155. *Когамов М.Ч.* Краткий научно-практический комментарий к главам нового УПК Республики Казахстан. — Алматы, 1998.
156. *Когамов М.Ч.* Государственный следственный комитет: версии, опыт, проблемы, решения. — Алматы, 1997.
157. *Когамов М.Ч.* Предупредительная деятельность следователя и ее эффективность. — Караганда, 1986.
158. *Кокорев Л.Д.* Потерпевший от преступления в советском уголовном процессе. — Воронеж, 1964.
159. *Коломинский Я.Л.* Психология общения. — М., 1974.
160. *Коломинский Я.Л.* Человек: психология. — М., 1986.
161. *Комарков В.С.* Тактика допроса. — Харьков, 1975.
162. *Комарков В.С.* Психологические основы очной ставки. — Харьков, 1976.
163. *Комиссаров В.И.* Теоретические проблемы следственной тактики. — Саратов, 1980.
164. *Коновалова В.Е.* Тактика допроса свидетелей и обвиняемых. — Харьков, 1956.
165. *Коновалова В.Е.* Проблеми логіки і психології у слідчій практиці. — Харків, 1965.

166. Коновалова В.Е. Теоретические проблемы следственной тактики. — Харьков, 1966.
167. Коновалова В.Е. Проблемы логики и психологии в следственной тактике. — 2-е изд. — Киев, 1970.
168. Коновалова В.Е. Организационные и психологические основы деятельности следователя. — Киев, 1973.
169. Коновалова В.Е. Психология в расследовании преступлений. — Харьков, 1978.
170. Коновалова В.Е., Сербулов А.М. Тактика допроса при расследовании преступлений. — Киев, 1978.
171. Коновалова В.Е., Сербулов А.М. Следственная тактика: принципы и функции. — Киев, 1983.
172. Коновалова В.Е. Правовая психология. — Харьков, 1990.
173. Коновалова В.Е. Правовая психология: Учеб. пособие. — Харьков, 1997.
174. Коновалова В.Е., Шепитько В.Ю. Криминалистическая тактика: теории и тенденции: Учеб. пособие. — Харьков, 1997.
175. Коршик М.Г., Степичев С.С. Изучение личности обвиняемого. — М., 1961.
176. Коршик М.Г., Степичев С.С. Изучение личности обвиняемого на предварительном следствии. — М., 1969.
177. Костицький М.В. Використання спеціальних психологічних знань у радянському кримінальному процесі. — Київ, 1990.
178. Котов Д.П. Вопросы судебной этики. — М., 1976.
179. Котов Д.П., Шиханцов Г.Г. Психология следователя. — 2-е изд. — Воронеж, 1977.
180. Котов Д.П. Установление следователем обстоятельств, имеющих психологическую природу. — Воронеж, 1987.
181. Коченов М.М., Осипова Н.Р. Психология допроса малолетних свидетелей. — М., 1984.
182. Крамарев А.Г., Лауров В.П. Особенности допроса граждан иностранных государств. — М., 1976.
183. Криворотов А. Рассуждения о значении свидетелей в уголовном судопроизводстве по началам римского и российского законодательства. — Харьков, 1832.
184. Кривошеев А.С. Изучение личности обвиняемого в процессе расследования. — М., 1971.
185. Криминалистическая тактика / Под ред. В.И. Киреева. — М., 1991.
186. Кулагин Н.И., Порубов Н.И. Организация и тактика допроса в условиях конфликтной ситуации. — Минск, 1977.
187. Кулишер Е.М. К вопросу о психологии свидетельских показаний. — СПб., 1911.
188. Курашвили Г.К. Изучение следователем личности обвиняемого. — М., 1982.

189. *Куцова Э.Ф.* Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. — М., 1972.
190. *Лаговьер Н.* Свидетель в нашем уголовном процессе. Права, обязанности и значение. — М., 1928.
191. *Лавров В.П.* Организационные и тактико-криминалистические основы раскрытия и расследования преступлений прошлых лет. — М., 1979.
192. *Ларин А.М.* Работа следователя с доказательствами. — М., 1966.
193. *Ларин А.М.* Расследование по уголовному делу. Планирование, организация. — М., 1970.
194. *Ларин А.М.* Криминалистика и паракриминалистика. — М., 1996.
195. *Ластов С., Тарасенко Ф.* Допрос — важнейшее следственное действие. — Киев, 1962.
196. *Леви А.А.* Звукозапись в уголовном процессе. — М., 1974.
197. *Леви А.А., Пичкалева Г.И., Селиванов Н.А.* Получение и проверка показаний следователем: Справочник. — М., 1987.
198. *Левитов Н.Д.* Вопросы психологии характера. — М., 1952.
199. *Левитов Н.Д.* О психологических состояниях человека. — М. 1964.
200. *Леонгардт.* Серьезное доказательство виновности. — Лейпциг, 1939.
201. *Леоненко В.В.* Профессиональная этика участников уголовного судопроизводства. — Киев, 1981.
202. *Лившиц Ю.Д.* Допрос свидетелей и потерпевших при производстве дознания. Очная ставка: Учебное пособие / Под ред. И.Д. Перлова. — М., 1962.
203. *Лившиц А.М., Белкин Р.С.* Тактика следственных действий. — М., 1997.
204. *Липманн О.* Психология лжи. — Харьков, 1926.
205. *Липманн О., Адам Л.* Ложь в праве / Пер. и предисл. Е. Брусилковского. — Харьков, 1929.
206. Личность преступника как объект психологического исследования. — М., 1979.
207. Ложь и свидетельские показания. — М., 1910.
208. *Локар Э.* Криминальное расследование и его научные методы. — Берлин, 1930.
209. *Локар Э.* Расследование преступлений по научным методам. — Лодзь—Варшава, 1937.
210. *Лук А.Н.* Эмоции и личность. — М., 1982.
211. *Лукашевич В.З.* Гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе. — Л., 1959.
212. *Лукашевич В.Г.* Криминалистическая теория общения: Постановка проблемы, методика исследования, перспективы использования. — Киев, 1993.

262. *Рейнвальд Н.И.* Личность как предмет психологического анализа. — Харьков, 1979.
263. *Рейсс Р.А.* Научная техника расследования преступлений. — СПб., 1912.
264. *Рогачевский Л.А.* Эмоции и преступления. — Л., 1984.
265. *Роговин М.С.* Философские проблемы теории памяти. — М., 1966.
266. *Розовский Б.Г.* Допрос обвиняемого. — Ровно, 1969.
267. *Романов В.В.* Юридическая психология. — М., 1998.
268. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание: О месте психологического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. — М., 1957.
269. Руководство для следователей / Под ред. Н.А. Селиванова, В.А. Снеткова. — М., 1997.
270. *Рыбальская В.Я.* Методика изучения личности потерпевшего. — Иркутск, 1975.
271. *Рябokonь В.В., Шиканов В.И.* Организация и тактика повторных следственных действий. — Иркутск, 1985.
272. *Санье Ш.* Научные методы расследования преступлений / Пер. с фр. — Париж, 1954.
273. *Сафин Н.Ш.* Допрос несовершеннолетнего подозреваемого в советском уголовном судопроизводстве (процессуальные и криминалист. аспекты пробл.). — Казань, 1990.
274. *Свенсон А., Вендель О.* Раскрытие преступлений. — М., 1957.
275. *Селиванов Н.А.* Этико-тактические вопросы расследования. — М., 1981.
276. *Сердюков П.П.* Доказательства в стадии возбуждения уголовного дела. — М., 1981.
277. *Сеченов И.М.* Психология поведения. — М.—Воронеж, 1995.
278. *Сидоров В.Е.* Особенности раскрытия преступлений по горячим следам. — М., 1981.
279. *Скопинский А.В.* Свидетели по уголовным делам. — М., 1911.
280. Следственные действия (процессуальная характеристика, тактические и психологические особенности). — Волгоград, 1984.
281. *Смирнов А.А.* Проблемы психологии памяти. — М., 1966.
282. *Смыслов В.Я.* Свидетель в советском уголовном процессе. — М., 1973.
283. *Соколов Е.Н.* Механизмы памяти. — М., 1969.
284. *Соловьев А.Б.* Очная ставка на предварительном следствии. — М., 1970.
285. *Соловьев А.Б.* Допрос свидетеля и потерпевшего. — М., 1974.
286. *Соловьев А.Б.* Очная ставка на предварительном следствии. — М., 1976.
287. *Соловьев А.Б.* Использование доказательств при допросе. — М., 1981.
288. *Соя-Серко Л.А.* Проверка показаний на месте. — М., 1966.

289. *Тертышник В.М.* Доказательства и доказывание в советском уголовном процессе: Фондовая лекция. — Харьков, 1992.
290. *Тихиня В.Г.* Применение криминалистической тактики в гражданском процессе. — Минск, 1976.
291. *Тамин В.Т.* Острые углы уголовного судопроизводства. — М., 1991.
292. *Тростников В.Н.* Человек и информация. — М., 1970.
293. *Тульчина В.С., Царев М.И.* Предъявление обвинения и допрос обвиняемого: Учеб. пособие. — М., 1968.
294. *Уваров В.Н.* Проверка показаний на месте: Учеб. пособие. — М., 1982.
295. *Узнадзе Д.Н.* Теория установки. — М.—Воронеж, 1997.
296. *Уотсон Д.* Психология как наука о поведении. — Одесса, 1925.
297. *Урсул А.Д.* Природа информации: Философский очерк. — М., 1968.
298. *Филонов Л.Б.* Психологические способы выявления скрываемого обстоятельства. — М., 1979.
299. *Филонов Л.Б.* Психологические способы изучения личности обвиняемого. — М., 1983.
300. *Фризе А.У.* Очерки судебной психологии. — Казань, 1874.
301. *Хагер А.* Допрос, техника и тактика. — Ганновер, 1956.
302. *Хайдуков Н.П.* Тактико-психологические основы воздействия следователя на участвующих в деле лиц. — Саратов, 1984.
303. *Халтулари К.Ф.* История прошлого. 1886—1891 гг. (Очерки уголовных процессов и судебные речи). — СПб., 1891.
304. *Харламов В.* Предварительное следствие по уставам императора Александра Второго. — Иркутск, 1908.
305. *Цветков П.П.* Исследование личности обвиняемого. — Л., 1963.
306. *Цветков П.П.* Изучение личности обвиняемого. — Л., 1973.
307. *Центров Е.Е.* Криминалистическое учение о потерпевшем. — М., 1988.
308. *Цирульникова Р.И.* Допрос несовершеннолетних свидетелей и обвиняемых. — М., 1958.
309. *Цуканова Е.В.* Психологические трудности межличностного общения. — Киев, 1985.
310. *Чеканов В.Я.* Привлечение в качестве обвиняемого и предъявление обвинения. — Саратов, 1959.
311. *Чурилов С.Н.* Криминалистическая тактика и научная организация работы следователя. — М., 1989.
312. *Чуфаровский Ю.В.* Юридическая психология: Учеб. пособие. — М., 1997.
313. *Шаламов М.П.* Теория улик. — М., 1960.
314. *Шахриманьян И.К.* Психологические основы отдельных следственных действий. — М., 1972.
315. *Шейфер С.А.* Следственные действия: система и процессуальная форма. — М., 1981.

316. *Шейфер С.А.* Собрание доказательств в советском уголовном процессе: методологические и правовые проблемы. — Саратов, 1986.
317. *Шепітько В.Ю.* Тактика допиту. — Харків, 1992.
318. *Шепітько В.Ю.* Теоретические проблемы систематизации тактических приемов в криминалистике. — Харьков, 1995.
319. *Шестеров А.Г.* Психология допроса свидетелей и потерпевших. — Ташкент, 1974.
320. *Шиканов В.И.* Проверка алиби. — Иркутск, 1978.
321. *Шиканов В.И.* Теоретические основы тактических операций в расследовании преступлений. — Иркутск, 1983.
322. *Шнейкерт Г.* Тайна преступника и пути к ее раскрытию. — М., 1925.
323. *Шпилев В.Н.* Участники уголовного процесса. — Минск, 1970.
324. *Штерн В.* Свидетельские показания и ложь в детском возрасте. — М., 1922.
325. *Штерн В.* Прикладная психология. — М., 1924.
326. *Штибер В., Шнейкерт Г.* Практическое руководство для работников уголовного розыска. — М., 1925.
327. *Эйсман А.А.* Логика доказывания. — М., 1971.
328. *Элькин Д.Г.* Восприятие времени. — М., 1962.
329. *Якимов И.Н.* Допрос. — М., 1930.
330. *Якимов И.Н., Михеев Я.Я.* Допрос. Практическое пособие для допрашивающих. — М., 1930.
331. *Якуб М.Л.* Показания обвиняемого как источник доказательств в советском уголовном процессе. — М., 1963.
332. *Якуб М.Л.* Показания свидетелей и потерпевших. — М., 1968.
333. *Якушин С.Ю.* Тактические приемы при расследовании преступлений. — Казань, 1983.
334. *Ямпольский А.Е.* Психология допроса подозреваемого. — Волгоград, 1978.
335. *Ямпольский А.Е.* Психологические основы формирования следственного мастерства. — Волгоград, 1980.

II. УЧЕБНИКИ

1. *Якимов И.Н.* Криминалистика. Уголовная тактика. — М., 1929.
2. *Шавер Б.М.* Методика расследования преступлений несовершеннолетних. — Саратов, 1935.
3. Криминалистика. Кн. I. Техника и тактика расследования преступлений / Под ред. А.Я. Вышинского. — М., 1936.
4. Криминалистика Кн. II. Техника и тактика расследования преступлений / Под ред. А.Я. Вышинского. — М., 1936.
5. Криминалистика. Кн. III. Техника и тактика расследования преступлений / Под ред. А.Я. Вышинского. — М., 1938.

6. *Голунский С.А., Шавер Б.М.* Криминалистика. Методика расследования отдельных видов преступлений / Под ред. А.Я. Вышинского. — М., 1939.
7. *Шавер Б.М., Винберг А.И.* Криминалистика. — М., 1940.
8. *Шавер Б.М., Винберг А.И.* Криминалистика. — Изд. 2-е. — М., 1945.
9. *Шавер Б.М., Винберг А.И.* Криминалистика. — Изд. 3-е. — М., 1949.
10. *Шавер Б.М., Винберг А.И.* Криминалистика. — Изд. 4-е. — М., 1950.
11. Криминалистика / Под ред. А.И. Винберга, С.П. Митричева. — М., 1950. Ч. 1.
12. Криминалистика / Под ред. А.И. Винберга, П.И. Тарасова-Радионова. — М., 1952. Ч. 2.
13. Советская криминалистика / Под ред. С.П. Митричева, Н.В. Терзиева. — М., 1958. Ч. 1.
14. Криминалистика / Под ред. С.А. Голунского. — М., 1959.
15. Криминалистика / Под ред. А.И. Винберга. — М., 1959.
16. Советская криминалистика / Под ред. С.П. Митричева, Н.В. Терзиева. — М., 1962. Ч. 1.
17. Советская криминалистика: Учебное пособие по методике расследования отдельных видов преступлений / Под ред. С.П. Митричева, Н.П. Шаламова. — М., 1962. Ч. 2.
18. Криминалистика / Под ред. А.Н. Васильева. — М., 1963.
19. Криминалистика / Под ред. С.П. Митричева и М.П. Шаламова. — М., 1963.
20. Криминалистика / Под ред. С.П. Митричева и М.П. Шаламова. — М., 1966.
21. Криминалистика / Под ред. Р.С. Белкина. — М., 1967.
22. Криминалистика / Под ред. Р.С. Белкина, Г.Г. Зуйкова. — М., 1968.
23. Криминалистика / Под ред. Р.С. Белкина, Г.Г. Зуйкова. — М., 1969. Т. I.
24. Криминалистика / Под ред. Р.С. Белкина, Г.Г. Зуйкова. — М., 1970. Т. II.
25. Криминалистика / Под ред. А.Н. Васильева. — М., 1971.
26. Криминалистика / Под ред. С.П. Митричева, П.А. Селиванова, М.П. Шаламова. — М., 1973.
27. Радянська криміналістика. Криміналістична техніка і слідча тактика / За ред. В.П. Колмакова. — Київ, 1973.
28. Криминалистика / Под ред. Р.С. Белкина. — М., 1974.
29. Криминалистика / Под ред. Б.А. Викторова, Р.С. Белкина. — М., 1976.
30. Криминалистика / Под ред. И.Ф. Крылова. — Л., 1976.
31. Криминалистика / Под ред. Р.С. Белкина и И.М. Лузгина. — М., 1978. Т. I.

32. Советская криминалистика / Под ред. Р.С. Белкина. — М., 1979.
33. Криминалистика / Под ред. Р.С. Белкина и И.М. Лузгина. — М., 1980. Т. 2.
34. Криминалистика / Под ред. А.Н. Васильева. — М., 1980.
35. Криминалистика (для слушателей-иностранцев) / Под ред. Ю.Г. Корухова, В.Г. Коломацкого. — М., 1984.
36. Криминалистика / Под ред. И.Ф. Пантелеева, Н.А. Селиванова. — М., 1984.
37. Криминалистика / Под ред. Р.С. Белкина. — М., 1986. Т. 1.
38. Криминалистика социалистических стран / Под ред. В.Я. Колдина. — М., 1986.
39. Криминалистика / Под ред. Р.С. Белкина, В.П. Лаврова, И.М. Лузгина. — М., 1987. Т. 1.
40. Специализированный курс криминалистики для слушателей вузов МВД СССР, обучающихся на базе среднего специального юридического образования / Под ред М.В. Салтевского. — Киев, 1987.
41. Криминалистика / Под ред. Р.С. Белкина, В.П. Лаврова, И.М. Лузгина. — М., 1988. Т. 2.
42. Советская криминалистика. Методика расследования отдельных видов преступлений / Под ред. В.К. Лисиченко. — Киев, 1988.
43. Криминалистика / Под ред. Н.П. Яблокова, В.Я. Колдина. — М., 1990. Т. 1.
44. Криминалистика. Краткая энциклопедия / Автор-составитель Р.С. Белкин. — М., 1993.
45. Криминалистика / Под ред. А.Г. Филиппова, А.А. Кузнецова. — Омск, 1993. Т. 2.
46. Криминалистика: Методика расследования отдельных видов преступлений / Под ред. Н.М. Балашова. — М., 1993.
47. Криминалистика / Под ред. И.Ф. Пантелеева, Н.А. Селиванова. — М., 1993.
48. Криминалистика / Под ред. Б.П. Смагоринского. — Волгоград, 1994. Т. 2.
49. Криминалистика / Под ред. И.Ф. Герасимова, Л.Я. Драпкина. — М., 1994.
50. Криминалистика / Под ред. Р.С. Белкина, В.Г. Коломацкого, И.М. Лузгина. — М., 1995. Т. 1.
51. Криминалистика / Под ред. Б.П. Смагоринского, А.А. Закатова. — Волгоград, 1995. Т. 3.
52. Криминалистика / Под ред. Н.П. Яблокова. — М., 1995. Т. 1.
53. Криминалистика / Под ред. В.А. Образцова. — М., 1995. Т. 1.
54. Криминалистика / Под ред. Т.А. Седовой, А.А. Эксархопуло. СПб., 1995. Т. 1.
55. Криминалистика: Расследование преступлений в сфере экономики / Под ред. В.Д. Грабовского. — Нижний Новгород, 1995.

56. Криминалістика / Под ред. Н.П. Яблокова. — М., 1996.
57. *Салтевський М.В.* Криміналістика. — Київ, 1996.
58. *Салтевский М.В.* Криминалістика. В современном изложении юристов. — Харьков, 1996.
59. Криминалістика / Под ред. Н.П. Яблокова. — М., 1997.
60. Криминалістика / Под ред. В.А. Образцова. — М., 1997.
61. Криминалістика. — Минск, 1997.
62. Криминалістическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / Под ред. Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина. — М., 1997.
63. Криминалістика. — Минск, 1998.
64. Криминалістика / Под ред. А.Г. Филиппова, А.Ф. Волынского. — М., 1998.
65. *Гинзбург А.Я., Белкин А.Р.* Криминалістическая тактика / Под общ. ред. проф. А.Ф. Аубакирова. — Алматы, 1998.
66. *Джакишев Е.Г.* Криминалістическая тактика. — Алматы, 1997.
67. Криминалістика: Учебник для вузов / Под ред. проф. Р.С. Белкина. — М., 1999.

АВТОРЕФЕРАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ

1. НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

1. *Ароцкер Л.Е.* Криминалистические методы в судебном разбирательстве уголовных дел. — М., 1965.
2. *Баев О.Я.* Конфликтные ситуации на предварительном следствии и криминалистические средства их предупреждения и разрешения. — Л., 1985.
3. *Варфоломеева Т.В.* Организационные, процессуальные и криминалистические проблемы защиты адвокатом прав подозреваемого, обвиняемого, подсудимого. — Киев, 1994.
4. *Ведерников Н.Т.* Личность обвиняемого в советском уголовном судопроизводстве (понятие, предмет, методика изучения). — Томск, 1980.
5. *Глазырин Ф.В.* Криминалистическое изучение личности обвиняемого. — Свердловск, 1973.
6. *Коновалова В.Е.* Теоретические проблемы следственной тактики (познавательная функция логики и психологии в следственной тактике). — Харьков, 1966.
7. *Корнуков В.М.* Теоретические и правовые основы положения личности в уголовном судопроизводстве. — Харьков, 1987.
8. *Куцова Э.Ф.* Уголовно-процессуальные гарантии прав и законных интересов личности (советский уголовный процесс). — М., 1986.
9. *Лукашевич В.Г.* Основы теории профессионального общения следователя. — Киев, 1993.
10. *Лукашевич В.З.* Гарантии прав обвиняемого в стадиях предварительного расследования и предания суду. — Л., 1967.
11. *Михеенко М.М.* Теоретические проблемы доказывания в советском уголовном процессе. — Киев, 1984.
12. *Нургалиев Б. М.* Тактические и прикладные проблемы расследования организованной преступной деятельности. — Алматы, 1998.
13. *Порубов Н.И.* Научные основы допроса на предварительном следствии. — М., 1977.
14. *Рапинов А.Р.* Психологические основы расследования преступлений. — М., 1967.

15. *Цветков П.П.* Теория и практика исследования данных о личности обвиняемого в советском уголовном судопроизводстве (в стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел). — Л., 1974.

16. *Шепитько В.Ю.* Теоретические проблемы систематизации тактических приемов в криминалистике. — Харьков, 1996.

II. НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

1. *Абасов А.И.* Показания обвиняемого в советском уголовном процессе. — М., 1986.

2. *Абрамин В.А.* Допрос на предварительном следствии в советском уголовном процессе. — М., 1955.

3. *Адамов Ю.П.* Борьба с лжесвидетельством. — М., 1974.

4. *Алексеев А.М.* Показания очевидцев. — М., 1970.

5. *Альперт С.А.* Потерпевший в советском уголовном процессе. — Харьков, 1951.

6. *Бабич В.А.* Проблема этической допустимости тактических средств при расследовании преступлений. — Минск, 1980.

7. *Баев О.Я.* Криминалистическая тактика и уголовно-процессуальный закон. — Минск, 1975.

8. *Бахарев Н.В.* Очная ставка и тактика ее производства при расследовании преступлений. — Харьков, 1981.

9. *Баянов А.И.* Информационное моделирование в тактике следственных действий. — М., 1978.

10. *Биленчук П.Д.* Криминалистическое прогнозирование поведения обвиняемого на предварительном следствии. — Киев, 1983.

11. *Богданов Б.Е.* Проверка версий и показаний обвиняемого на предварительном следствии в советском уголовном процессе. — М., 1956.

12. *Богинский В.Е.* Система тактических приемов допроса подозреваемого. — Харьков, 1980.

13. *Божьев В.П.* Потерпевший в советском уголовном процессе. — М., 1963.

14. *Васильев В.Л.* Психологическая характеристика деятельности следователя. — Л., 1970.

15. *Ведерников Н.Т.* Изучение личности преступника в процессе расследования. — М., 1965.

16. *Гаврилова Н.И.* Влияние внушения на формирование свидетельских показаний (уголовно-процессуальное, криминалистическое и судебно-психологическое исследование). — М., 1975.

17. *Гранат Н.Л.* Характеристика следственных задач и психологические механизмы их решения. — М., 1973.

18. *Гришин С.П.* Охрана чести и достоинства личности в советском уголовно-процессуальном праве. — М., 1983.

19. *Гулкевич З.Т.* Теоретические вопросы и практика документирования следственных действий (процессуальное и криминалистическое исследование). — Киев, 1985.
20. *Гуняев В.А.* Добросовестное заблуждение в свидетельских показаниях (криминалистическое и судебно-психологическое исследование). — Л., 1973.
21. *Гусаков А.Н.* Следственные действия и тактические приемы. — М., 1973.
22. *Давлетов А.К.* Очная ставка на предварительном следствии. — Л., 1961.
23. *Добровольская Т.Н.* Показания обвиняемого в советском уголовном процессе. — Харьков, 1951.
24. *Дражина И.В.* Нравственные принципы следственной деятельности. — Минск, 1984.
25. *Дремов В.Г.* Показания несовершеннолетнего обвиняемого в советском уголовном процессе. — М., 1970.
26. *Доспулов Г.Г.* Процессуальные и психологические основы допроса свидетелей и потерпевших на предварительном следствии. — Алма-Ата, 1968.
27. *Дубринный В.А.* Потерпевший на предварительном расследовании в советском уголовном процессе. — Саратов, 1964.
28. *Ермагамбетов М.К.* Свидетельские показания в качестве судебных доказательств в советском уголовном процессе. — Алма-Ата, 1943.
29. *Журавель В.А.* Допрос потерпевшего и использование его показаний для построения методики расследования отдельных видов преступлений. — Харьков, 1983.
30. *Журавлев С.Ю.* Противодействие деятельности по раскрытию и расследованию преступлений и тактика его преодоления. — Нижний Новгород, 1992.
31. *Закатов А.А.* Тактика допроса потерпевшего на предварительном следствии. — Одесса, 1971.
32. *Зархин Ю.М.* Нравственные основы предварительного следствия в советском уголовном процессе (уголовно-процессуальное и криминалистическое исследование). — М., 1974.
33. *Зеленковский С.П.* Установление и использование данных о личности потерпевшего при расследовании убийств. — Киев, 1983.
34. *Зеленский В.Д.* Получение, проверка и оценка оправдательных обстоятельств в процессе расследования (криминалистическое и уголовно-процессуальное исследование). — Саратов, 1973.
35. *Зозулинский А.Б.* Правовые основы и криминалистические методы исследования места события с целью проверки показаний. — Харьков, 1969.
36. *Ильина Л.В.* Участие потерпевшего и его представителя в доказывании по уголовному делу. — Л., 1975.
37. *Исмаилов Р.А.* Обвиняемый на предварительном следствии и его процессуальные права. — Баку, 1965.

38. *Кабанов П.П.* Правовые и тактические основы использования следователем информации, полученной с помощью научно-технических средств. — М., 1982.

39. *Казисян Г.С.* Процессуальные и тактические основы проверки, оценки и использования доказательственной информации, полученной при допросе. — Ереван, 1983.

40. *Кертэс Имре.* Тактика и психологические основы допроса на предварительном следствии. — М., 1961.

41. *Ковалев А.И.* Улики поведения и их роль в расследовании преступлений. — Свердловск, 1974.

42. *Кокорев Л.Д.* Участие потерпевшего в советском уголовном судопроизводстве. — Воронеж, 1964.

43. *Комарков В.С.* Тактика предъявления доказательств при допросе обвиняемого. — Харьков, 1973.

44. *Комаров В.К.* Психологические и тактические особенности расследования преступлений несовершеннолетних. — Свердловск, 1972.

45. *Комиссаров В.И.* Научные, правовые и нравственные основы следственной тактики. — М., 1977.

46. *Коновалова В.Е.* Тактика допроса свидетелей в советских органах расследования. — Харьков, 1953.

47. *Костров А.И.* Проверка показаний свидетелей на предварительном следствии. — Минск, 1972.

48. *Кочетков В.Г.* Подозреваемый в советском уголовном процессе. — М., 1965.

49. *Кривицкий С.Г.* Основные вопросы тактики допроса в стадии предварительного следствия. — М., 1941.

50. *Кузьмичев В.С.* Научные основы и практика реализации принципа внезапности в следственной деятельности. — Киев, 1986.

51. *Курашвили Г.К.* Изучение следователем личности обвиняемого. — М., 1977.

52. *Лазарева В.А.* Охрана прав и законных интересов несовершеннолетнего потерпевшего в советском уголовном процессе. — М., 1980.

53. *Ларин А.М.* Доказывание на предварительном расследовании в советском уголовном процессе. — М., 1961.

54. *Логинов П.В.* Свидетельские показания в советском гражданском процессе. — М., 1954.

55. *Лосев Д.М.* Тактика допроса несовершеннолетних обвиняемых и подозреваемых. — М., 1982.

56. *Любичев С.Г.* Этические основы следственной тактики. — М., 1976.

57. *Максимов В.С.* Теория и практика очной ставки на предварительном и судебном следствии. — Свердловск, 1975.

58. *Матусевич И.А.* Изучение личности обвиняемого в процессе предварительного расследования преступлений. — Минск, 1968.

59. *Машленко И.Ф.* Проблема допустимости доказательств в уголовном процессе США. — М., 1988.

60. *Мешков В.М.* Установление фактора времени при расследовании преступлений. — Киев, 1990.
61. *Минеева Г.П.* Уголовно-правовая охрана свидетеля и потерпевшего. — М., 1993.
62. *Мирзоев Ш.* Основные вопросы тактики допроса в стадии предварительного следствия. — Баку, 1946.
63. *Михальчук А.Е.* Теоретические и практические вопросы тактических комбинаций при производстве следственных действий. — Саратов, 1988.
64. *Нагимов М.А.* Процессуально-психологические особенности допроса потерпевшего в советском уголовном процессе. — Ташкент, 1986.
65. *Николае Дан.* Особенности показаний малолетних и несовершеннолетних свидетелей и тактика их допроса. — М., 1963.
66. *Никулин В.Г.* Процессуальное положение обвиняемого в советском уголовном процессе. — М., 1953.
67. *Новик Ю.И.* Научные основы принятия тактических решений при производстве следственных действий. — Минск, 1979.
68. *Парадеев В.М.* Формирование обвинения на предварительном следствии в советском уголовном процессе. — Свердловск, 1977.
69. *Пономарев И.Б.* Обвиняемый в стадии предварительного расследования. — М., 1971.
70. *Потеружа И.И.* Потерпевший в советском уголовном процессе. — М., 1960.
71. *Пьянов Н.А.* Истина в правоприменительной деятельности. — М., 1987.
72. *Ривлин А.Л.* Допрос в уголовном суде. — Харьков, 1939.
73. *Рожков С.П.* Проблемы преодоления конфликтных ситуаций при производстве следственных действий принудительного характера. — М., 1990.
74. *Роша А.Н.* Процессуальные и психологические начала допроса обвиняемого. — М., 1965.
75. *Рошин В.Н.* Обвиняемый на предварительном следствии в советском уголовном процессе. — М., 1955.
76. *Рябокоть В.В.* Организационные и тактические основы повторных следственных действий. — М., 1982.
77. *Савинов В.Н.* Потерпевший в уголовном процессе. — Харьков, 1978.
78. *Сафин Н.Ш.* Тактика допроса несовершеннолетнего подозреваемого. — Казань, 1985.
79. *Скотникова Т.А.* Самооговор (процессуальное, криминалистическое и судебно-психологическое исследование). — М., 1972.
80. *Смилгайтис В.К.* Тактика предъявления доказательств при допросе обвиняемого. — Л., 1980.
81. *Сокиран Ф.М.* Правовые и тактические основы психологического воздействия на предварительном следствии. — Киев, 1987.
82. *Соловьев А.Б.* Очная ставка на следствии и в суде (процессуально-криминалистическое и судебно-психологическое исследование). — М., 1968.

83. *Соловьев А.В.* Криминалистический анализ показаний в системе следственной тактики. — М., 1980.

84. *Сорокотягина Д.А.* Собираение и использование данных о личности потерпевшего с целью расследования преступлений. — Свердловск, 1978.

85. *Соукуп Я.* Повинная и самооговор (уголовно-процессуальное, криминалистическое и судебно-психологическое исследование). — М., 1969.

86. *Стахівський С.М.* Показання свідка як джерело доказів у кримінальному процесі. — Київ, 1996.

87. *Тетенькин Б.А.* Проверка доказательств в структуре уголовно-процессуального доказывания. — М., 1985.

88. *Тимошенко П.Ю.* Тактические и технические аспекты обнаружения и использования идеальных отображений в криминалистике. — Киев, 1988.

89. *Филлющенко А.А.* Тактика действий следователя, связанных с применением уголовно-процессуального принуждения. — Свердловск, 1974.

90. *Хайдуков Н.П.* Тактические основы воздействия следователя на участвующих в деле лиц. — М., 1979.

91. *Харчиков А.В.* Проблемы получения и оценки показаний несовершеннолетних на предварительном следствии. — М., 1996.

92. *Хидоятов Б.С.* Тактические особенности проведения следственных действий с участием специалиста. — Ташкент, 1986.

93. *Центров Е.Е.* Личность потерпевшего по делам о половых преступлениях и особенности их допроса (процессуально-криминалистическое и судебно-психологическое исследование). — М., 1972.

94. *Циркаль В.В.* Тактика производства следственных действий с участием специалистов. — Киев, 1984.

95. *Цирульникова Р.И.* Допрос несовершеннолетних на предварительном следствии. — М., 1955.

96. *Цомартов В.Н.* Тактические приемы допроса и пределы их допустимости. — М., 1977.

97. *Черных Э.А.* Психологические основы допроса несовершеннолетних на предварительном следствии. — М., 1968.

98. *Чьорткін М.І.* Процесуальні гарантії забезпечення підозрюваному та обвинуваченому права на захист на стадії досудового слідства. — Київ, 1997.

99. *Шафранский Л.Л.* Допрос свидетеля в советском предварительном расследовании. — Киев, 1954.

100. *Шепитько В.Ю.* Допрос несовершеннолетних: психология и тактика. — Харьков, 1991.

101. *Шмидт А.А.* Тактические основы распознавания ложных показаний и изобличения лжесвидетелей (криминалистическое и криминологическое исследование). — Свердловск, 1973.

102. *Якушин С.Ю.* Тактические приемы и критерии их допустимости при расследовании преступлений. — Казань, 1983.

103. *Ямпольский А.Е.* Научные основы тактики допроса подозреваемого. — Минск, 1972.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Допрос как способ получения информации	5
Допрос как форма общения	31
Допрос и проблемы совершенствования расследования	45
Проблемы защиты участников уголовного процесса	69
Понятие и сущность следственной тактики	79
Тактические приемы допроса	94
Критерии допустимости тактических приемов	134
Библиографические ссылки	153
Рекомендуемая литература	167

Научное издание

Бахин Владимир Петрович, Когамов Марат Чекишевич,
Карпов Никифор Семенович

ДОПРОС НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ

уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы

Редактор *Г. Емелина*
Худож.-техн. редактор *И. Тарапунец*
Верстка *Н. Шевченко*

ИБ № 653

Подписано в печать 07.04.05. Формат 84x108/32. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,1. Усл. кр.-отт. 10,5. Уч.-изд. л. 13,0. Тираж 1000 экз. Заказ № 008/309

ТОО «Жеті жарғы». 050013, г. Алматы, пр. Абая, 10.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика.

ТОО «Stamps». 050013, г. Алматы, пр. Абая, 10.